

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ РАБОТ
ИСТОРИЧЕСКИХ КАФЕДР**

ТРУДЫ
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Серия историческая

СБОРНИК
НАУЧНЫХ РАБОТ
ИСТОРИЧЕСКИХ КАФЕДР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1963

Редактор доц. С. С. Григорьев

Н. В. БЛИНОВ

О СОДЕРЖАНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА в 1894—1898 гг.

Научно-теоретическая деятельность В. И. Ленина в 90-е годы прошлого века имела огромное значение для будущности русского и международного пролетариата. Ценность ленинских мыслей как в теоретическом, так и в революционно-политическом отношении сохраняется в настоящее время. Поэтому интерес к ленинскому наследию 90-х годов не ослабевает¹⁾.

Но есть необходимость заметить, что нередко вопросы развития философии, политэкономии или социологии в ленинских работах 90-х годов рассматриваются отдельно друг от друга, без четкого определения их места во всей совокупности проблем, исследованных В. И. Лениным в то время, без необходимой оценки их общественно-исторической значимости. При этом нередко за отдельными вопросами исчезает общая целевая направленность теоретической деятельности Ленина, не определяется, а декларируется место исследуемого вопроса в общей проблематике; разрушается внутренняя логика ленинского анализа и аргументации, теряется всесторонность и объемность доказательства, обедняется мысль.

В результате возникает опасность неверной оценки места и значения как отдельных сторон, так и в целом ленинского научно-теоретического наследия 90-х годов.

С начала своей деятельности Ленин оказался перед необходимостью решить с позиций марксистской методологии весь комплекс вопросов экономического развития страны и отражения этого развития в социально-политической жизни. И уже на основе полученных данных определить место пролетариата в общественно-политической жизни, его революционные способности, конкретизировать теоретические и поли-

¹⁾ Об этом, в частности, свидетельствуют работы, опубликованные в последние годы: Г. М. Зобнина, Борьба В. И. Ленина против международного оппортунизма в конце XIX столетия (См. «Сборник статей по вопросам истории КПСС». Вып. третий, изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1958, стр. 3—36); М. Г. Шестаков, Борьба В. И. Ленина против идеалистической идеологии народничества. Соцэкгиз, 1959; Н. В. Алексеев, Идея союза рабочего класса и крестьянства в ранних произведениях В. И. Ленина (См. «Вопросы истории», 1959, № 2, стр. 45—58); Б. А. Чагин, Из истории борьбы В. И. Ленина за развитие марксистской философии. Соцэкгиз, 1960; А. И. Пашков, Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов, Соцэкгиз, 1960; И. Б. Головаха и М. Л. Златина, Развитие В. И. Лениным исторического материализма в конце XIX — начале XX ст., Киев, 1960; В. П. Федотов, В. И. Ленин и исторический материализм (конец XIX — начало XX вв.), изд. Ленинградского университета, 1960, и др.

тические принципы русской социал-демократии, разработать ее программу и тактику.

Причем эта работа могла быть выполнена и выполнялась в острой идейной борьбе с немарксистскими течениями, в обстановке развития ревизионизма и оппортунизма в социал-демократических партиях Западной Европы.

Это обусловило многопроблемность уже первых ленинских работ, переплетение в анализе и аргументации вопросов марксистской философии, политической экономии, социологии, истории и т. д.

Но вся научно-теоретическая деятельность В. И. Ленина в 90-е годы, как и революционно-практическая, подчинялась единой цели: обеспечению самостоятельности пролетариата в российском освободительном движении путем его политического воспитания, путем организации его в политическую партию.

С позиций этой целевой устремленности и рассматривается в данной статье содержание теоретической деятельности В. И. Ленина в 1894—1898 гг.

Причем ее размеры, естественно, не позволяют выйти за рамки лишь общей постановки вопроса.

Научно-теоретическая и революционная деятельность Ленина в 90-е годы знаменует собой начало нового этапа в развитии марксизма вообще и русского марксизма в частности. И именно поэтому недопустимо рассматривать начало теоретического обоснования В. И. Лениным русской социал-демократии в отрыве от конкретно-исторических условий, в отрыве от развития марксистской мысли в России и на Западе.

Нельзя не видеть известной исторической связи в революционно-теоретических взглядах Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. Развивая и поднимая марксизм в новых исторических условиях на высшую ступень, Ленин учитывал опыт борьбы Плеханова против народнической идеологии и ревизионизма, опыт по разработке научных основ программы и опирался на него. В. И. Ленин давал высокую оценку теоретической деятельности Г. В. Плеханова в 80—90-е годы XIX века.

* * *

Преобразование России по пути буржуазной монархии, с сохранением остатков феодализма в социально-экономических и государственно-политических отношениях, не устранило противоречивости ее развития. К концу XIX века противоречия общественно-экономической жизни непрерывно нарастали и обострялись. Их внешним проявлением было: размах народнического движения, непрерывные крестьянские выступления, начало и бурный рост рабочего движения, формирование буржуазно-либеральной оппозиции.

Кризис и разгром революционного народничества, народолюбчества, торжество и разгул реакции в 80-е годы не могли задержать роста революционного движения. Эти обстоятельства могли явиться и на самом деле явились, лишь дополнительным толчком к научно-теоретическому осмысливанию российской действительности представителями передовой общественной мысли в России.

Путь передовой русской общественно-политической мысли к научной теории общественного развития и классовой борьбы не был легким и гладким. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, — писал В. И. Ленин, — Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционнос

героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»²).

Об этом свидетельствует вся история революционного движения в России, вся история развития передовой общественной мысли.

Теоретическое основание русской социал-демократии было положено группой «Освобождение труда», а главным образом ее идейным руководителем Г. В. Плехановым, который пришел к марксизму в результате громадной теоретической работы, олицетворяя своей деятельностью частицу тех исканий, о которых писал впоследствии В. И. Ленин.

Плеханов не мог стать марксистом, не осмыслив опыта всего прежнего революционного движения в России, не сделав далеко идущих выводов из анализа экономического развития страны и связанных с ним социальных процессов. И, конечно, немалую роль в этом осмысливании сыграло знание опыта западноевропейского рабочего движения, которое он мог наблюдать. Все это позволило ему вскрыть причины неудач народнического движения и найти выход из тупика. «Мы не сшивали своих взглядов из кусочков чужих теорий, — писал он позже, — а последовательно вывели из своего революционного опыта, освященного ярким светом учения Маркса»³).

Первая русская марксистская группа проявила с самого начала глубокое понимание роли теории Маркса и необходимости ее систематической пропаганды в среде русского революционного движения.

И в том, что учение Маркса к середине 90-х годов XIX в. «завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России»⁴), огромная заслуга Г. В. Плеханова и его товарищей.

Г. В. Плеханов повел решительное наступление против теоретических основ народничества и против их порочной практики⁵). Вопрос о судьбах капитализма в России он поставил на научную основу, доказав на большом фактическом материале капиталистический характер экономики России. Это явилось серьезным ударом по теории народничества.

С научно-теоретических позиций Плеханов определил и буржуазный характер предстоящей в России революции, тем самым вскрыв несостоятельность идеи социалистической крестьянской революции. Он показал, что в России, как и в других странах, носителем социалистической идеологии является пролетариат, а крестьянское движение может быть и является лишь демократическим. Но успех демократического движения зависит прежде всего от силы и организованности пролетариата⁶).

Заявив на учредительном конгрессе II Интернационала, что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих...»⁷), Г. В. Плеханов проявил пра-

²) В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.

³) Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 113.

⁴) В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 348.

⁵) Требуя отказа от утопических воззрений народников, он писал: «Они уже не живут, не развиваются, но они еще продолжают разлагаться и своим разложением заражают всю Россию...» (Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 105).

⁶) Призывая революционеров к политическому воспитанию и организации пролетариата, Плеханов писал: «Значит ли это, что мы игнорируем крестьянство? Нисколько. Это значит, напротив, что мы ищем более действенных способов для воздействия на него» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, М., 1957, стр. 366).

⁷) Г. В. Плеханов, соч., т. IV, стр. 54.

вильное понимание и роли партии в этом движении. «Создание самостоятельной социалистической партии... — писал он, — составляет... самую первую, самую настоящую... из всех ближайших задач русских социалистов...»⁸⁾).

Последовательно отстаивая материализм, Плеханов противопоставил теоретической эклектике и утопизму народников философскую систему Маркса и в связи с этим раскрыл решающую роль материалистической диалектики в преодолении эклектики и теоретической беспомощности буржуазной философии и социологии. Вместе с тем он первый выступил против ревизии марксистской философии и оппортунизма, выявившихся в середине 90-х годов в германской социал-демократии⁹⁾.

В заслугу Г. В. Плеханову следует поставить и попытку научно сформулировать цели и задачи русского социалистического движения, определить его ближайшие требования и конечную цель¹⁰⁾. Пропагандистская и теоретическая деятельность группы «Освобождение труда» была высоко оценена Ф. Энгельсом. «Я горжусь тем, — писал он после чтения книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия», — что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса...»¹¹⁾.

Марксистские произведения Г. В. Плеханова и пропагандистская деятельность группы в целом явились толчком революционной молодежи к глубокому изучению марксизма; способствовали выделению из революционно-демократических кружков марксистских групп; они расчищали дорогу к созданию рабочей партии в России.

Главным итогом теоретической деятельности Г. В. Плеханова и группы «Освобождение труда» явилось обоснование применения к России учения Маркса о законах общественного развития, об исторической роли пролетариата как борца за демократию и социализм, о необходимости революционной рабочей партии как решающего условия идейной и политической самостоятельности пролетариата, без которого невозможна его победа в освободительной борьбе.

На произведениях Г. В. Плеханова воспитывалось первое поколение русских марксистов, его авторитет и популярность в среде социал-демократов 90-х годов были чрезвычайно велики.

Но как в отдельных произведениях Плеханова, так и в его экономических, социологических и даже философских взглядах в целом уже к середине 90-х годов имели место отступления от марксизма, ошибки, субъективизм в трактовке отдельных вопросов.

Теоретическое обоснование русской социал-демократии и ее программы требовало конкретного исследования процесса общественно-исторического развития России, изучения общих черт и национальных особенностей развивающегося капитализма и, на этой основе, выяс-

⁸⁾ Г. В. Плеханов, соч., т. III, стр. 94.

⁹⁾ В 1895 г. Плеханов был единственным, кто выступил против ревизионистских вылазок П. Эрнста и К. Шмидта. В 1897—98 гг. он указывает лидерам германской социал-демократии на опасность оппортунизма. Сразу же после выступления Бернштейна он писал К. Каутскому, занявшему выжидательную позицию: «Разве вы согласны с Бернштейном? Но если нет, то почему же вы не отвечаете? Ведь это на вас нападают...» (Группа «Освобождение труда», сб. V, М., 1925, стр. 224).

¹⁰⁾ Оба проекта программы составлены были Плехановым.

¹¹⁾ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1951, стр. 309.

нения экономических интересов и политических требований основных классов русского общества.

Но Г. В. Плеханов в основном ограничился тем, что выделил общие закономерности развития капитализма, доказал их применимость к условиям России. Абсолютизируя общие закономерности общественного развития, он абстрактно подошел к характеристике основных тенденций общественного развития России, игнорировал специфические черты русского капитализма и российского освободительного движения.

Блестяще излагая и разъясняя законы марксистской диалектики в их общем виде, Плеханов не мог раскрыть картину их конкретного проявления в условиях России. Его основные выводы по общественно-историческому развитию России базируются не столько на глубоком анализе фактов российской действительности, сколько на дедуцировании теоретических и программных положений марксизма¹²⁾. Более того, ряд основных вопросов истории России Плеханов трактовал с позиции буржуазно-либеральной историографии, отступая от марксистской методологии. Кроме того, он понимал дореформенный строй России как разнородность «восточной деспотии», при которой основой производственных отношений являлось порабощение государством своих подданных. Столь же ошибочно он рассматривал пореформенную экономику страны. В ряде работ у Плеханова государство выступает совершенно самостоятельной силой в формировании общественно-экономической жизни¹³⁾.

В разработке им проблем экономики пореформенной России выпал вопрос об остатках феодально-крепостнической системы хозяйства. Плеханов видел в дореформенной России господство натурального хозяйства и наличие громадных остатков его в пореформенный период.

Такое понимание самого типа господствовавших до реформы производственных отношений в России и их остатков в пореформенный период лишало Плеханова возможности правильно оценить значение пережитков крепостничества в экономике страны, понять сущность борьбы крестьян с помещиками, определить состав социальных группировок в предстоящей революции¹⁴⁾.

Несостоятельны и взгляды Г. В. Плеханова на процесс общественно-исторического развития России после реформы. Наиболее концентрированно схема этого процесса была изложена в 1893 г. в статье «О социальной демократии в России».

¹²⁾ В вопросах социологии Плеханов довольно часто пользовался развитием логической схемы вместо научного анализа. Отмечая позже этот факт, В. И. Ленин писал: «Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к этому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины... есть опoшление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» (В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 10).

¹³⁾ См. Политические задачи русских социалистов, 1889 г.; О задачах социалистов в борьбе с голодом в России, 1892 г.; Царствование Александра III, 1894 г. (Г. В. Плеханов. Соч., тт. III, IX, XXIV).

¹⁴⁾ На это совершенно справедливо указывает в своей работе А. И. Пашков («Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов», Соцэкгиз, 1960, стр. 108—109).

«Русский абсолютизм, — писал Плеханов, — в последние два царствования ревностно служил буржуазии. Но чем более усердствовал он в этом отношении, тем более подрывал он свои средства служить ей в будущем. Ее баснословно быстрое обогащение покупалось ценою столь же быстрого обнищания крестьянства. Дело дошло наконец до того, что земледельческое население оказалось осужденным на хронический голод. Но хронический голод в стране, где фабрично-заводское производство рассчитано преимущественно на внутренний рынок, грозит банкротством самой буржуазии. Уже по одному этому ее преданность престолу и отечеству... подвергается сильному испытанию; но это далеко не все. Разорив мужика, правительство вынуждено будет обратиться за деньгами к той самой буржуазии, которая умела получать их из государственного казначейства... Подобного испытания купеческая мощь не выдержит, и мы... можем высказать свою уверенность в том, что приближается время разрыва «российского купечества» со всероссийским деспотизмом»¹⁵⁾.

Аргументация отдельных элементов этой схемы дана Г. В. Плехановым в целом ряде работ 80—90-х годов: «Неизбежный поворот»¹⁶⁾, «Политические задачи русских социал-демократов»¹⁷⁾, «Политическое социально-революционное обозрение»¹⁸⁾, «Россия перед сменой режима»¹⁹⁾, «Царствование Александра III»²⁰⁾ и другие.

В трактовке роли государства в общественно-политической жизни, в понимании капиталистического рынка, социальных последствий реформы Плеханов, фактически, становится на позиции народнической социологии. И это не случайно.

Г. В. Плеханов в указанных вопросах не преодолел до конца народнических заблуждений. Это подтверждается, кроме указанного, противоречивостью его исторических и политических суждений в 80—90-е годы. В одном случае он подчеркивает громадную важность аграрного вопроса и говорит о революционном союзе рабочего класса и крестьянства²¹⁾, в другом — утверждал, что «пролетарий» и «мужичок» — это настоящие политические антиподы²²⁾.

Много раз Плеханов говорил о политической дряблости русской буржуазии, продажности ее, сожительстве с царизмом и т. п., но вместе с тем и в то же время он писал: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации»²³⁾. Столь же противоречивы рассуждения Плеханова об отношении пролетариата к буржуазии.

Не доведя в основных вопросах до конца исследования общий черт и специфических особенностей экономического развития России, не проследив отражение процесса развития капитализма в общественно-политической жизни, Г. В. Плеханов не смог выработать научной со-

15) Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, стр. 26—27.

16) Г. В. Плеханов, Соч., т. III.

17) Там же, т. III.

18) Там же, т. III.

19) Там же, т. IX.

20) Там же, т. XXIV.

21) Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 410—420.

22) Там же, стр. 382.

23) Там же, стр. 119.

циологической концепции, не смог преодолеть до конца народнических заблуждений²⁴).

Оторванность от России, от рабочего движения, отсутствие сколько-нибудь полной литературы о революционном движении в России усугубили имевшийся у Плеханова разрыв революционной теории и практики.

Отставание в осмысливании общественно-политических сдвигов в России, упорствование в заблуждениях и ошибках, возведение их в доктрину, нежелание глубоко разобраться в ленинском анализе экономического и социального состояния России явились основными причинами оппортунистического падения Г. В. Плеханова.

В середине 90-х годов российская социал-демократия не могла развиваться иначе, как опираясь на теоретическое наследие Г. В. Плеханова, ее идейного вождя. Но наличие в этом наследии серьезных ошибок, немарксистское понимание многих вопросов социально-политического развития России таило в себе огромную опасность для революционной социал-демократии. Разработка теории и программы формирующейся рабочей партии могла идти только через преодоление ошибок и немарксистских взглядов Плеханова.

Молодому В. И. Ленину предстояло прежде всего преодолеть эти ошибки и заблуждения в революционно-теоретическом наследии Плеханова и социал-демократов первого периода.

* * *

На 90-е годы XIX века приходится начало двух разных процессов в истории марксизма и международного рабочего движения. В западноевропейских странах выходит на поверхность и начинает борьбу с марксизмом ревизионизм. В рабочем движении появляется оппортунизм, подрывающий единство социал-демократических партий и движения в целом.

В России в те же годы победа марксизма над враждебной ему идеологией либеральных народников дала не только расширение сферы его влияния, но и явилась началом подъема марксизма на новую ступень развития.

Эти два прямо противоположные по своему содержанию процесса идейно-политической жизни явились отражением одного и того же факта — перехода ведущих капиталистических стран на новую, империалистическую стадию развития.

Начало подъема марксизма на новую ступень развития связано с именем В. И. Ленина.

Сущность ленинского этапа в марксизме состоит в творческом развитии важнейших проблем общественно-экономического процесса на основе анализа и теоретического обобщения новых явлений исторической действительности вообще и опыта борьбы рабочего класса за ниспровержение капитализма в частности.

²⁴) Историко-политические взгляды членов группы «Освобождение труда», совпадая в основном со взглядами Плеханова, страдали еще большей ошибочностью, отходили еще дальше от марксизма, уже тогда содержали элементы меньшевистской идеологии и политики. Так, П. Б. Аксельрод в 1898 г. писал: «В России, где пролетариат находится еще только в процессе выделения из... народной массы, он сам стоит еще, в массе своей, на слишком низкой ступени культурного развития, чтобы быть в состоянии... возвыситься до роли сознательной революционной силы, без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии» (Цит. по кн. В. И. Ленина, Соч., т. 1, изд. 2. стр. 29).

Подобно тому, как предреволюционная обстановка в Европе в середине XIX в. выдвинула на историческую арену К. Маркса и Ф. Энгельса, предреволюционная обстановка в России в конце XIX в. выдвинула гениального продолжателя их дела В. И. Ленина.

Главной чертой марксизма-ленинизма эпохи империализма и пролетарских революций является единство революционной теории и практики.

Каждый шаг теоретической деятельности В. И. Ленина опирался на опыт революционной практики и служил основой ее дальнейшего развития.

Сила В. И. Ленина сказалась прежде всего в том, что уже в начале своей теоретической и революционной деятельности он правильно понял основные задачи российской социал-демократии.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин следующим образом формулировал основную задачу социал-демократов и объем работы по ее решению: социал-демократы «...должны разработать подробное марксистское понимание русской истории и действительности, прослеживая конкретнее все формы классовой борьбы и эксплуатации, которые особенно запутаны и прикрыты в России. Они должны далее популяризировать эту теорию, принести ее рабочему, должны помочь рабочему усвоить ее и выработать наиболее *подходящую для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплочения рабочих в политическую силу*»²⁵). И на первый план этой исключительной по важности работы он выдвигает задачу теоретического исследования российской действительности и соотношения классово-политических сил в стране. И если найденная в результате теория «...будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма»²⁶).

Уже из этого видно, что В. И. Ленин считал далеко недостаточным теоретическое обоснование русской социал-демократии Г. В. Плехановым. И не случайно одна из первых его работ посвящена теории капиталистического рынка²⁷), вопросу, по которому у Плеханова были немарксистские взгляды, а главным содержанием всех основных работ В. И. Ленина 90-х годов является исследование конкретных данных процесса общественно-экономического развития России.

Он подчеркивал невозможность выработать теоретическую основу партии и программы, пользуясь только общими положениями марксизма. Безусловно, русские марксисты должны заимствовать у Маркса «...только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений...»²⁸), т. е. заимствовать метод исследования. Об этом совершенно определенно говорит следующая мысль В. И. Ленина: «...теория Маркса состоит в исследовании и объяснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и «приложение» ее к России может состоять только в том, что, *пользуясь* выработанными приемами *материалистического* метода и *теоретической* политической

²⁵) В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 333.

²⁶) Там же, стр. 307.

²⁷) В. И. Ленин, По поводу так называемого вопроса о рынках. 1893, (Соч. т. 1).

²⁸) В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 197.

экономии, *исследовать* русские производственные отношения и их эволюцию»²⁹).

Будучи убежденным, что «без революционной теории не может быть и революционного движения»³⁰), В. И. Ленин в 1894 г. указывает на правление теоретической деятельности русских социал-демократов и первый берется за огромную по объему и по значимости работу.

Теория и программа марксистской рабочей партии, как основное условие создания такой партии, могли быть выработаны лишь в результате глубокого и конкретного анализа всех форм экономического антагонизма в России и его проявления в общественно-политической жизни, в результате полного разоблачения теоретических предубеждений предшествующих политических течений, в результате критического использования опыта западноевропейского рабочего и социал-демократического движения.

Значение этой работы выходило далеко за пределы России, ибо перемещение центра революционного движения в конце XIX в. в Россию сделало ее и центром дальнейшего развития марксистской теории.

Говоря о разработке теоретических основ социал-демократии и ее программы В. И. Лениным в 1894—1898 гг., следует отметить, что до сих пор нередко в нашей исторической и историко-партийной литературе этот вопрос излагается на втором плане, вслед за вопросами борьбы В. И. Ленина против либеральных народников и легальных «марксистов», не приобретая самостоятельного значения. А с этим нельзя согласиться. Главной задачей практической деятельности социал-демократов в середине 90-х годов Ленин считал создание партии³¹). А осуществление этой задачи требовало научного обоснования существования ее в России, обоснования ее программы. Следовательно, главным направлением позитивной теоретической деятельности русских социал-демократов в то время было обоснование и разработка научных основ рабочей партии. В ленинских работах указанного периода много внимания и места уделяется народнической идеологии в основном по следующим причинам:

1) идеология народничества отвлекала от революционной борьбы молодежь, вступающую в революционное движение, развращала ее либерализмом и ослабляла движение в целом; препятствовала распространению марксизма и созданию рабочей партии. Каждому выступлению народников нужно было дать отпор и вскрыть его буржуазную, враждебную освободительному движению сущность;

2) В. И. Ленин не имел возможности в легальной печати излагать и развивать революционную теорию;

3) выступая по основным вопросам социально-экономического развития России, он не мог игнорировать массу написанного народниками и распространенного материала по этим вопросам. В каждом конкретном случае он должен был вскрывать ненаучность и реакционность народнических суждений.

Эти обстоятельства можно объяснить, почему в то время Ленин столь много внимания уделял разоблачению народнических «теорий». Но это не дает оснований считать главным содержанием теоретической деятельности В. И. Ленина в эти годы борьбу с народниками, за ней акцентировать внимание, отодвигая в тень разработку основных теоретических проблем рабочей партии в России.

²⁹) В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 274—275.

³⁰) В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 2, стр. 462.

³¹) В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 304, т. 2, стр. 448.

Безусловно, без уничтожающей ленинской критики философии и политики либеральных народников и легальных «марксистов» было бы невозможно формирование русского марксизма и на его основе партии пролетариата.

Но главной задачей марксистов в середине 90-х годов было теоретическое обоснование социал-демократии (куда и входила задача разоблачения немарксистских взглядов и политических течений), разработка научной программы и политики рабочей партии.

Строгая целеустремленность, научная глубина и всесторонность, революционная страстность характеризуют все основные работы В. И. Ленина этого периода: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893 г.), «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894 г.), «Проект и объяснение программы» (1895—96 гг.), «К характеристике экономического романтизма», «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности», «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.), «Развитие капитализма в России» (1896—1899 гг.).

Руководствуясь принципом, «...чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса»³²), В. И. Ленин в обосновании русской социал-демократии и разработке научных основ ее программы требовал искать объяснения фактам и явлениям в раскрытии их внутренней сущности и в обобщении их.

В своих работах В. И. Ленин продолжил анализ общественного процесса развития России, начатый в свое время Энгельсом и Плехановым, вскрыл особенные формы проявления в России общих черт и закономерностей капиталистического развития. Именно на основе глубокого диалектико-материалистического исследования особенного, специфического, проявляющегося в общих закономерностях процесса капиталистического развития создает В. И. Ленин теоретическую основу революционной рабочей партии.

В 1895—1896 гг. он считал, что объективные условия для создания марксистской рабочей партии созрели, а субъективные вызревают с каждым днем, по мере роста рабочего движения и слияния его с социал-демократией. В качестве теоретической основы программы такой партии Ленин считал возможным использовать исследования общественно-экономической системы капитализма, сделанные Марксом и Энгельсом, поскольку основные процессы развития капитализма, основные задачи социал-демократов и рабочего движения интернациональны. И вместе с этим использовать теоретические выводы о характере русского капитализма, сделанные Г. В. Плехановым в его работах и проектах программы.

Но Ленин не мог считать эту работу в какой-то мере законченной. Понимая, что теоретические принципы вообще и проекты в частности, разработанные Плехановым, составлены большей частью на основе «приложения» общих теоретических и программных положений марксизма к условиям России, чем применения их к этим условиям, он и взял на себя задачу проанализировать общественную жизнь России, показать объективную роль и расстановку классовых сил в стране.

Для этого нужно было провести детальное исследование совокупности производственных отношений русского общества.

³²⁾ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 1, стр. 308.

Большую часть поставленных в этом направлении вопросов Ленин исследует в работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России».

В анализе российской действительности В. И. Ленин, опираясь на знание общих черт капитализма вообще, идет от частного к общему, по пути расширения и углубления «конкретного анализа конкретной ситуации». Органическое соединение революционности и глубокой научности, присущее теории марксизма вообще, получает в работах Ленина дальнейшее развитие, позволяет ему видеть за юридическими формами, политическими предрассудками и иллюзиями экономические устремления классов.

Уже в 90-е годы В. И. Ленин завершает в основных моментах анализ российского общественно-экономического процесса и вскрывает его общие, присущие капитализму вообще, черты. В эти же годы в указанных и других работах он начинает внимательное исследование особенного, своеобразного в экономической и общественно-политической жизни страны. И по мере завершения этой работы формулируются Лениным теоретические принципы российской социал-демократии и ее политической программы.

Но закончить эту громадную и по объему и по значению работу в 90-е годы В. И. Ленин не мог, ибо в это время экономическое развитие страны по капиталистическому пути и отражение его в социально-политической жизни общества не получили достаточной конкретизации и завершения. Поэтому анализ особенного, специфического в общественном развитии России выходит у В. И. Ленина за рамки 90-х годов. Завершение этой работы в начале 900-х годов, в период революции 1905—1907 гг., дает теорию, тактику и организацию большевизма как общественно-политического течения и как партии эпохи пролетарских революций.

В своих работах 1894—1898 гг. Ленин вскрывает острую противоречивость общественно-экономического развития страны, влияние докапиталистических форм хозяйства на процесс капиталистического развития.

В 90-е годы В. И. Ленин не только преодолел недостатки в анализе социально-экономического состояния России, имевшие место у Г. В. Плеханова, но и, фактически, вскрыл его основные ошибки. Если Плеханов не понимал сущности остатков феодально-крепостнической системы и не мог вскрыть их места в жизни пореформенной России, то Ленин в своих исследованиях исходил прежде всего из наличия указанных остатков во всех областях общественно-экономической жизни.

И если Плеханов писал лишь о господстве натурального хозяйства в дореформенной России, с сохранением громадных остатков его в пореформенный период, то Ленин сосредоточил внимание на экономической сущности крепостного хозяйства, а главное, — исследовал экономическую основу отношений крестьянского и помещичьего хозяйства в пореформенный период, проследил эволюцию этих отношений.

Вывод Ленина о громадных остатках экономической зависимости крестьянского хозяйства от помещичьего имел исключительное значение в разработке теории и программы партии.

Далее, Плеханов считал, что русский капитализм далек от своей зрелости (а одним из следствий этого было сомнение о возможности самостоятельных действий пролетариата в предстоящей демократической революции).

Ленин же, тщательно проанализировав рост капитализма во всех отраслях народного хозяйства, пришел к выводу о господстве его в экономике страны.

Эти же исследования позволили Ленину выяснить роль царизма в общественно-экономической жизни страны, характер связей царизма с растущей буржуазией и отвергнуть немарксистскую социологическую схему Плеханова.

В итоге огромной работы Ленин приходит к выводу о вызревании двух социальных войн в недрах российского общества, о демократическом характере предстоящей революции, о природе русской буржуазии вообще и либерализма в особенности, о гегемонии пролетариата в предстоящей революции, о необходимости партии как руководящей силы в классовой борьбе пролетариата. В то же время В. И. Ленин приходит к выводу о возможности демократического союза пролетариата и крестьянства.

В отличие от Плеханова, который видел «в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства» главную опору абсолютизма в России, Ленин отмечает и другую сторону крестьянства — его явную и потенциальную революционность, а главное, рост ее с ростом капитализма. При этом он указывает двоякую природу мелкобуржуазной демократии и указывает, что ее поведение в революции во многом и главным будет зависеть от революционной энергии и места в революции пролетариата. Он видел особую необходимость включения в программу рабочей партии демократических, особенно крестьянских, требований, не противоречащих духу и целям социал-демократизма³³⁾.

Поскольку в России предстоит буржуазная революция, поскольку мелкобуржуазные слои населения и их идеология борются против остатков крепостничества за свободное развитие капитализма, за демократию, постольку социал-демократы должны их поддерживать в этой борьбе. Но там, где мелкая буржуазия и ее идеологи борются за сохранение своего положения — положения мелких буржуа в капиталистическом обществе, — там не может быть речи о поддержке. Наоборот, социал-демократы должны беспощадно разоблачать мелкобуржуазные иллюзии и утопии, ибо в отсталой стране в период формирования социалистической идеологии пролетариата они представляют самую большую опасность. Они выступают под знаменем социализма, не имея с ним ничего общего.

Поэтому В. И. Ленин требовал полного идейно-политического и организационного размежевания с представителями мелкобуржуазной и буржуазной демократии и особенно с теми, кто ушел с позиций революционной борьбы, превратился в либеральных болтунов и реформаторов.

На этой основе В. И. Ленин вел беспощадную борьбу с либеральными народниками. Он убедительно показал, как старое революционное народничество, резко оппозиционное либерализму, выродилось в мещанский оппортунизм и сливается с либерализмом³⁴⁾, что оно уже ни-

³³⁾ Наиболее полную трактовку аграрного вопроса до 1899 г. Ленин дает в 1895—1896 гг. в «Проекте и объяснении программы». Считая необходимым освобождение крестьянского хозяйства от остатков крепостнических отношений, он выдвигает основным требованием возвращение крестьянам отрезков. Возвращение отрезков нанесет удар по кабальным отношениям в деревне и ускорит ее капитализацию. Это подорвет окончательно помещное землевладение и даст толчок классовой борьбе в деревне.

³⁴⁾ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 283.

чего не содержит, кроме защиты кулачества и мелких производителей «...на почве данных капиталистических порядков»³⁵).

Проанализировав философские, экономические и политические взгляды народников, Ленин пришел к выводу: «Разобранные мелкобуржуазные теории являются безусловно реакционными, поскольку они выступают в качестве социалистических теорий»³⁶).

И далее он подчеркивает: «...та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое (как это было, например, в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность. Теперь нет уже решительно никакой почвы для той идеи, которая и до сих пор продолжает кое-где держаться среди русских социалистов, крайне вредно отзываясь и на их теориях и на их практике,— будто в России нет глубокого, качественного различия между идеями демократов и социалистов.

Совсем напротив: между этими идеями лежит целая пропасть, и русским социалистам давно бы пора понять это, понять неизбежность и настоятельную необходимость полного и окончательного разрыва с идеями демократов»³⁷).

Но выступая за решительный разрыв с идеями народников и им подобных, В. И. Ленин не забывал о возможности и необходимости союза пролетарских и мелкобуржуазных революционеров в борьбе с самодержавием.

Выступая за самостоятельность пролетариата в освободительном движении, за революционную рабочую партию, Ленин первый увидел опасность буржуазного ревизионизма в России в лице «легального» марксизма и решительно выступил против него.

О представителях этого течения П. Струве, М. Туган-Барановском, С. Булгакове, Н. Бердяеве и других он писал позже: «Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»³⁸).

«Легальный» марксизм представлял не что иное, как разновидность бочее движение буржуазии, а идеологию пролетариата — марксизм — приспособить к интересам буржуазного общества, предварительно «очистив» ее от всего революционного. Они не звали на борьбу с капитализмом, а восхваляли его и предлагали пойти к нему на выучку.

«Легальный» марксизм представлял не что иное, как разновидность международного оппортунизма, вышедшего на поверхность пролетарского движения в конце 90-х годов XIX в. в западноевропейских социал-демократических партиях.

«История сыграла шутку и заставила оппортунистов отсталой страны предвосхитить оппортунистов ряда передовых стран», — писал по этому поводу В. И. Ленин³⁹).

Не отличаясь по существу, «легальный» марксизм отличался от европейского оппортунизма лишь тем, что первый возник вне рабочего движения и был попыткой буржуазной интеллигенции взорвать марксизм извне, в то время как последний возник внутри социал-демократии.

³⁵) В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 282.

³⁶) Там же, стр. 298.

³⁷) В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 1, стр. 280.

³⁸) В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 81.

³⁹) В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 15.

Огромным вкладом в теоретическое обоснование программы, стратегии и тактики революционной социал-демократии была книга «Развитие капитализма в России» (1896—1899 гг.).

В этой книге впервые дан марксистский анализ стадий и форм эволюции капитализма в промышленности пореформенной России, исследована связь промышленности с сельским хозяйством. Обоснование и разработка Лениным экономического процесса превращения простого товарного хозяйства в капиталистическое является прямым продолжением и развитием «Капитала» К. Маркса, обогащением марксистской политической экономии.

Книга «Развитие капитализма в России» явилась вместе с тем научным исследованием революционных возможностей пролетариата на основе вскрытия места, роли, объективной природы всех классовых сил, действовавших в России.

Огромное значение книги В. И. Ленина для складывающейся рабочей партии заключалось в том, что она завершила идейный разгром либерального народничества и «легального» марксизма, убедительно доказывала капиталистическую эволюцию России и, следовательно, жизненность и революционную перспективу русской социал-демократии, давала экономическое обоснование программы, стратегии и тактики рабочей партии.

Решение Лениным основных экономических вопросов не только расчистило почву для образования революционной марксистской партии, но и создало основу для определения линии большевиков в буржуазно-демократической революции.

Наряду с теоретическим обоснованием пролетарского освободительного движения в России В. И. Ленин в 1894—1898 гг. много и целеустремленно занимался разработкой стратегии и тактики рабочей партии. Он отвергал возможность заимствования готовых образцов организации и тактики западноевропейской социал-демократии.

«История социализма и демократии в Западной Европе,— писал он в 1899 г., — история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения,—таков тот *материал*, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии»⁴⁰).

Много занимаясь вопросами теории, Ленин ни на минуту не забывал о политических задачах социал-демократии. В его работах «Проект и объяснение программы», «Задачи русских социал-демократов» и других на основе теоретических исследований сформулированы основные политические задачи социал-демократии, ее ближайшие и конечные цели, методы и приемы их достижения. В отличие от вождей и теоретиков западно-европейской социал-демократии он уже тогда считал главной задачей марксистской партии не только воспитание и организацию пролетариата, но и руководство его классовой борьбой. В условиях России, указывал он, рабочий класс и его партия должны идти во главе освободительного движения, сплачивая вокруг себя все оппозиционные царизму слои и элементы. Но при этом социал-демократия должна оставаться организационно и политически самостоятельной, добываясь политической самостоятельности пролетариата и охраняя ее. Самостоятельность пролетариата усилит борьбу за демократию и создаст субъективные предпосылки социалистической революции.

Результаты теоретического анализа российской действительности и обобщения опыта революционной практики позволили ему уже тогда

⁴⁰) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр.197.

в самом общем виде выдвинуть некоторые важнейшие политические идеи большевизма — идею борьбы за демократический переворот как первый шаг по пути социалистической революции, идею гегемонии пролетариата в демократическом движении и перевороте, идею революционного союза пролетариата и крестьянства.

К концу XIX в. многие вожди и теоретики западноевропейской социал-демократии стали относиться к марксизму догматически. Они ограничивались «приложением» известных положений марксизма к оценке новых процессов общественно-экономической жизни, не заботясь о творческом развитии этих положений на основе анализа конкретно-исторической действительности. Стремление легализовать во чтобы то ни стало деятельность социал-демократических партий, выдвижение в центр партийной работы и борьбы пролетариата парламентаризма привело и постоянно приводило к забвению революционных методов борьбы, к односторонней, только мирной программе и политике. Тенденция сохранять единство партии любой ценой, в том числе ценой примирения с непартийными взглядами, вела к быстрому усилению антипролетарских элементов в партиях. Поэтому с возникновением ревизионизма они не смогли противопоставить ему глубоких теоретических выводов в новой конкретно-исторической обстановке, оказались теоретически безоружными перед оппортунизмом. Это обстоятельство, в числе других, не только способствовало росту ревизионизма, но и обусловило оппортунистическое грехопадение самих лидеров социал-демократии.

В отличие от них В. И. Ленин с начала своей научно-теоретической деятельности считал живой душой марксизма его творческий характер. Поэтому, разрабатывая теоретические основы российской социал-демократии, он не мог ограничиться общими положениями марксизма. Пользуясь диалектическим материализмом как методом исследования, В. И. Ленин вскрывает общие закономерности в экономическом развитии России и их специфические проявления, прослеживает их отражение в общественно-политической жизни общества. В результате учение Маркса было поставлено на конкретно-историческую почву русской действительности, получило свое творческое развитие применительно к новым условиям. Русская социал-демократия получила глубокое научное обоснование и разработанную в основных чертах политическую программу.

Разработка научных основ теории и программы рабочей партии уже на первых этапах социал-демократического движения обусловила политическую самостоятельность этого движения, устойчивость в борьбе с западноевропейским ревизионизмом и его проявлениями на русской почве. Это имело огромное значение для перспектив русского рабочего движения и его партии.

Благодаря научно-теоретической и революционной деятельности В. И. Ленина была выработана идеология и организация большевизма — политического течения и партии, непримиримой к явным и скрытым врагам пролетариата, верной до конца принципам революционного марксизма.

А. А. ГОВОРКОВ

К ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КУРСКЕ

Настоящая статья не претендует на всестороннее исследование подготовки и проведения социалистической революции в Курской губернии. В ней ставится задача рассмотреть ход установления Советской власти в губернском центре Курске и процесс большевизации губернского Совета. В исторической литературе этот вопрос освещен недостаточно¹⁾.

Проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Курске, как и во всей Курской губернии, имело свои особенности. Эти особенности определялись прежде всего ярко выраженным аграрным характером губернии.

Промышленность в губернии была развита слабо и состояла главным образом из предприятий, перерабатывавших продукты сельского хозяйства. Всего в 1915 г. в промышленности на 6846 предприятиях было занято 31200 рабочих. Наиболее развитой отраслью пищевкусовой промышленности являлась свеклосахарная промышленность. В 1915 г. на 23 свеклосахарных заводах работало 14416 рабочих. За исключением свеклосахарных заводов почти все предприятия были мелкие. Среди железнодорожников насчитывалось много служащих. На Московско-Киево-Воронежской железной дороге работало 6472 служащих и 1862 рабочих²⁾. Железнодорожные рабочие были сильно распланы. Только в Белгороде и Курске имелись значительные железнодорожные мастерские. Большинство рабочих не порвало связи с земледелием, на производстве работали не круглый год. В большинстве уездных городов было много кустарей, но почти не было рабочих.

Абсолютное большинство населения губернии занималось сельским хозяйством. В 1905 году удобная земельная площадь Курской губернии равнялась 3964632 десятинам, из них 35,1% приходилась на долю частных владельцев, главным образом дворян, и 61,9% составляли наделенные земли³⁾.

Согласно земельной статистике 1905 года в губернии насчитывалось 335.271 крестьянский двор. Из них около 213 тысяч хозяйств, поч-

¹⁾ Л. Д. Глебов. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии, Курск, 1952 г.; Б. И. Краснов. Борьба рабочих и беднейших крестьян за установление Советской власти в Курской губернии, «Курский государственный педагогический институт. Ученые записки», выпуск VIII, Курск, 1958 и другие.

²⁾ «Курск в революции». Сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. Курск, 1927 г., стр. 41—42. В дальнейшем сборник будет называться сокращенно «Курск в революции».

³⁾ Статистика землевладения 1905 г., СПб., 1907, выпуск XXXVII, стр. 10. Величина общей земельной площади и взаимоотношения между отдельными видами землевладения почти не изменились к 1917 году (см. «Курск в революции», стр. 16).

ти $\frac{2}{3}$ общего количества дворов, имели не более 8 десятин земли на один двор. Около 190 тысяч дворов было безлошадных и однолошадных⁴).

В своей замечательной работе «Аграрный вопрос в России в конце XIX века» В. И. Ленин так определил положение крестьян, имевших надел до 8 десятин и являвшихся однолошадными и безлошадными: «И все это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, о которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью»⁵).

Вплоть до 1917 г. в сельском хозяйстве в губернии преобладали отработки, кабальная аренда и другие пережитки крепостничества.

В деревне была большая прослойка полупролетарских элементов, способная в союзе и под руководством рабочего класса идти на свержение капитализма.

В октябре 1917 г. Курская губерния была охвачена революционным движением крестьян. Аграрное движение распространилось на все уезды губернии. По неполным данным в этом месяце произошло 93 случая крестьянских выступлений против помещиков⁶). Крестьяне производили порубку помещичьих лесов, забирали у помещиков инвентарь, продовольственные и кормовые запасы. Не дожидаясь Учредительного собрания, они захватывали и делили помещичьи земли.

В городах голодные рабочие, женщины и солдаты производили обыски лавок и магазинов. Народные массы выходили из-под влияния эсеров и меньшевиков. Но процесс изоляции мелкобуржуазных партий от масс в губернии не закончился к Октябрьскому вооруженному восстанию. О соотношении политических сил в Курской губернии накануне советской революции свидетельствуют итоги выборов в Учредительное собрание. На этих выборах в губернии за список эсеров голосовало 867 743 избирателя, а за большевиков 119 127⁷). Эсеры имели сильное влияние на крестьян.

Руководство в Советах находилось в руках эсеров и меньшевиков. Счастливым исключением в этом отношении составлял Белгородский Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором руководство накануне Октябрьского вооруженного восстания принадлежало большевикам.

Советы не были объединены и делились на три не зависимых друг от друга секции: секцию Совета рабочих депутатов, секцию Совета солдатских депутатов и секцию Совета крестьянских депутатов. Совместные заседания секций собирались очень редко. Во всех Советах крестьянских депутатов преобладали эсеры. Советы солдатских депутатов имелись лишь в тех городах, где располагались воинские части и госпитали. Видную роль в них играло офицерство. Инструктор Московского Совета Вознесенский, побывавший в Курске в сентябре 1917 г., в своем отчетном докладе писал, что Курский Совет солдатских депутатов «произвел на меня впечатление скорее офицерского комитета, чем Совета солдатских депутатов»⁸). За исключением Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов Советы проводили соглашатель-

4) Военно-конская перепись 1912 года, II, 1914, стр. 92—95.

5) В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 59.

6) Подсчеты случаев крестьянских выступлений против помещиков сделаны нами на основании газет «Свободная речь» и «Курская жизнь» за октябрь 1917 г.

7) «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии». Сборник документов и материалов, Курск, 1957, стр. 133.

8) Московский областной архив Октябрьской революции (МОАОР), ф. Мобюс, оп. 11, д. 11, л. 51.

скую политику с буржуазией и помещиками, старались направить в мирное русло революционное движение крестьян и рабочих, заставить их мирно договориться с помещиками и капиталистами. Отсюда постоянное падение их влияния на рабочих и крестьян.

В сентябре-октябре 1917 г. заседания Курского Совета часто срывались за неимением кворума. Трудящиеся требовали его переизбрания. Подобное положение складывалось и в других местах.

Накануне Октября в Курской губернии не было единой губернской организации большевиков. Она возникла только в июне 1918 г. на первой губернской конференции большевиков. В самом Курске вплоть до октября 1917 г. большевики находились в одной организации с меньшевиками. Большевиков в Курске было около 40 человек. В большинстве своем они являлись рабочими-железнодорожниками. По уездам большевистские организации отсутствовали. Они возникли там только в первой половине 1918 г. Но в уездах работали отдельные большевики или небольшие группы большевиков. Это были матросы и солдаты, удаленные из армии и флота за революционную работу, или рабочие, приехавшие по поручению различных партийных организаций в Курскую губернию.

Только в Белгороде при содействии харьковских коммунистов возникла крепкая большевистская организация. Остановимся более подробно на ее возникновении и деятельности до Октябрьской революции. До июля 1917 г. белгородские большевики входили в объединенную социал-демократическую организацию. Внутри этой организации происходила ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками. С целью оказания помощи белгородским большевикам в деле создания самостоятельной организации в июне 1917 г. из Харькова приехал И. Г. Озембловский⁹⁾. В своих воспоминаниях о революционных событиях в Белгороде т. Костюков отмечал, что И. Г. Озембловский развернул агитацию за выделение большевиков из объединенной социал-демократической организации¹⁰⁾.

В июле 1917 г. белгородские большевики выделились из объединенной организации и образовали первую большевистскую организацию в Курской губернии. Серьезную помощь в укреплении молодой организации оказал приехавший в июле 1917 г. в Белгород М. К. Муранов¹¹⁾.

В своих воспоминаниях один из организаторов белгородской большевистской организации т. Славгородский отмечал, что М. К. Муранов выступил на ряде митингов и собраний с разоблачением эсеро-меньшевистских соглашателей¹²⁾. Эти выступления имели большое значение в деле завоевания трудящихся города на сторону большевиков.

С июля 1917 г. большевиков поддерживал Белгородский Совет рабочих и солдатских депутатов¹³⁾. На их стороне был 16-тысячный гарнизон города и железнодорожные рабочие.

⁹⁾ Озембловский Иван Густович, член КПСС. Расстрелян белогвардейцами в 1919 г.

¹⁰⁾ Курский областной партийный архив (КОПА), ф. 65, визка 3-а, д. 11. Воспоминания коммуниста Костюкова.

¹¹⁾ Муранов Матвей Константинович, член КПСС с 1904 г., депутат-большевик IV Государственной думы. На VI съезде партии был избран в состав ЦК.

¹²⁾ Славгородский Ф. От февраля к Октябрю в Белгороде. «Спутник большевика», № 9 (18) за 1926 г. Курск, стр. 94.

¹³⁾ Белгородский Совет рабочих депутатов возник по инициативе рабочих 12 марта 1917 г. Это был самый первый Совет, образовавшийся в Курской губернии после февральской революции. См. «Известия Белгородского Совета», 22 сентября 1917 г.

По инициативе большевиков 24 сентября 1917 г. состоялась громадная демонстрация рабочих и солдат Белгорода под лозунгами «Вся власть Советам», «Долой войну». Демонстранты требовали созыва Всероссийского съезда Советов и формирования советского правительства, установления рабочего контроля над производством и безвозмездной передачи земли крестьянам до созыва Учредительного собрания¹⁴⁾.

В середине октября белгородские большевики, опираясь на поддержку рабочих и солдат, одержали блестящую победу на выборах в городскую думу. Из 45 мест в думе большевики получили 25¹⁵⁾. Городским головой стал большевик И. Г. Озембловский.

Белгородские большевики проделали серьезную работу по завоеванию рабочих и солдат на свою сторону.

Если курские большевики не имели единой губернской организации, то эсеры сумели создать такую организацию, причем в ее рядах находился ряд участников революции 1905—1907 гг. В сентябре 1917 г. в Курске насчитывалось до 170 эсеров и 80 меньшевиков¹⁶⁾.

Отсутствие накануне Октябрьской революции сплоченной и сильной губернской организации большевиков и наличие значительного количества эсеров и меньшевиков затруднило борьбу за переход власти к Советам в Курске и во всей губернии.

28 октября 1917 г. эсеровская газета «Курская жизнь» опубликовала полученную из Харькова телеграмму о свержении Временного правительства и победе вооруженного восстания рабочих, матросов и солдат в Петрограде.

На созванных в связи с событиями в столице собраниях городская дума, продовольственный комитет, Совет рабочих и солдатских депутатов, партийные организации эсеров и меньшевиков Курска осудили выступление руководимых большевистской партией трудящихся и образование Советского правительства.

В самом Курске только солдаты мортирной батареи высказались за поддержку Советской власти и приветствовали политику Совнаркома.

По инициативе губернского комиссара 27 октября 1917 г. создается так называемый «комитет общественного спасения». Этот комитет объявил себя верховным органом власти в губернии. Он просуществовал до 30 ноября 1917 г., когда был распущен революционным Советом. Состав «комитета общественного спасения» постоянно пополнялся за счет различных организаций, посылавших в него своих представителей. В середине ноября 1917 г. в него входили представители земства, городской думы, продовольственного и земельного комитетов, представители партийных организаций народных социалистов, эсеров, меньшевиков и большевиков, а также губернский комиссар и начальник гарнизона¹⁷⁾.

«Комитет общественного спасения» играл контрреволюционную роль. Он ставил своей задачей «прекращение гражданской войны» и борьбу с «анархией»¹⁸⁾, т. е. борьбу против Советской власти и революционного движения крестьян. Прежде всего «комитет общественного спасения» решил прекратить распространение в Курске большевистских газет. С этой целью он конфисковал номер большевистской газеты «Известия» за 28 ноября 1917 г., но солдаты мортирной батареи под

¹⁴⁾ «Известия Белгородского Совета», 1 октября 1917 г.

¹⁵⁾ «Известия Белгородского Совета», 20 октября 1917 г.

¹⁶⁾ МОАОР, ф. МОБЮС, оп. 11, д. 11, л. 52.

¹⁷⁾ «Курская жизнь», 11 ноября 1917 г.

¹⁸⁾ «Свободная речь», 7 ноября 1917 г.

угрозой оружия заставили его от этого отказаться¹⁹). «Комитет общественного спасения» посылал для прекращения крестьянского движения карательные отряды, скрывал от населения все законы и мероприятия Советского правительства. Характеризуя его деятельность, один из эсеров писал: «Комитет общественного спасения» шел рука об руку с губернским комиссаром»²⁰). Этот «комитет» не пользовался никаким доверием среди трудящихся масс, его власть не признал революционный Белгородский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Как состав комитета, так его программа и деятельность показывают, что это был контрреволюционный орган, деятельность которого направлена против власти Советов, что это был орган, представлявший блок эсеро-меньшевистских соглашателей с буржуазией и кадетами.

Одновременно с организацией «комитета общественного спасения» курская буржуазия и помещики финансировали созданный офицерами кавалерийский отряд для подавления революционного движения рабочих и крестьян. Этот отряд насчитывал 200 человек²¹).

Деятельность этого отряда вызывала возмущение трудящихся. Поэтому эсеры и меньшевики вынуждены были его распустить.

Контрреволюционные мероприятия буржуазии и эсеро-меньшевистских соглашателей не могли задержать роста революционного движения в губернии.

В ноябре 1917 г. в Курской губернии огромных размеров достигало стихийное крестьянское движение. Руководствуясь декретом о земле, крестьяне приступили к организованной конфискации помещичьих имений²²).

В Рыльске, Путивле, Белгороде власть перешла к Советам, руководимым большевиками. По всей России шло быстрое установление и укрепление Советской власти.

В создавшихся условиях эсеры и меньшевики понимали, что для сохранения своей власти и продолжения обмана народа необходимо изменить свою тактику: формально порвать блок с буржуазией.

24—26 ноября 1917 г. в Курске состоялся II губернский съезд Советов крестьянских депутатов. Состав съезда был эсеровским. Съезд высказался за передачу всей власти Учредительному собранию.

На съезде эсеры протащили так называемое «Обязательное постановление о переходе земель в ведение земельных комитетов». Это постановление было направлено против проведения в жизнь ленинского декрета о земле и не предусматривало ликвидации помещичьего землевладения. Съезд принял также резолюцию по земельному вопросу. В ней подчеркивалось, что в настоящее время в России нет центральной власти, которая признавалась бы всем населением страны и могла издавать законы²³).

Приведенные факты убедительно опровергают утверждение Л. Д. Глебова о том, что «по предложению большевиков губернский съезд Со-

¹⁹) Документы Великой пролетарской революции, т. I. Госиздат, 1938, стр. 161.

²⁰) «Свободная речь», 3 декабря 1917 г.

²¹) «Курская жизнь», 28 ноября 1917 г.; «Свободная речь», 21 ноября 1917 г.

²²) Более подробно о крестьянском движении в ноябре 1917 г. в Курской губернии см. нашу статью «К вопросу о конфискации помещичьих имений в Курской губернии 1917—1918 гг.», помещенную в «Ученых записках Томского педагогического института» 1949, т. VII, стр. 72—75.

²³) «Курская жизнь», 1 декабря 1917 г.

ветов крестьянских депутатов полностью признал «правительство народных комиссаров»²⁴⁾).

Вместо «комитета общественного спасения» съезд постановил организовать так называемый революционный Совет. В последний день съезда состоялось объединенное совещание Курского Совета рабочих и солдатских депутатов и исполкома Совета крестьянских депутатов. На совещании обсуждался вопрос о создании губернской власти и об отношении к Советскому правительству. Большевики, опираясь на поддержку большинства рабочей секции Совета и части солдатской, предложили признать Совет Народных Комиссаров и передать в губернии всю власть Советам. Однако их предложения были отвергнуты эсеро-меньшевистским совещанием. После этого большинство рабочих и большевиков, участвовавших в работе совещания, покинули его.

Эсеры и меньшевики предложили утвердить совместную резолюцию. В ней писалось: «По созыву всенародного Учредительного собрания 28 ноября 1917 г. вся высшая власть в стране принадлежит только Учредительному собранию, которое должно установить и власть исполнительную»²⁵⁾).

За эту резолюцию голосовало 153, против 5, воздержалось 26. Однако зная, что Советская власть пользуется огромным авторитетом у рабочих, солдат и крестьян, «левые» эсеры внесли дополнение к принятой резолюции. В нем говорилось: «до тех пор, пока вся власть будет определена Учредительным собранием, вся власть должна принадлежать Советам»²⁶⁾). Это дополнение было принято незначительным большинством голосов: за него голосовало 89 человек, против 52, воздержалось 34.

Итак, резолюция, принятая этим совещанием, показывает, что большинство участников заседания, состоявшее из эсеров и меньшевиков, поддержало власть только Учредительного собрания, а дополнение к резолюции свидетельствовало лишь об уступке народным массам, лишь о том, что этим путем эсеры и меньшевики стремились скрыть свои подлинные контрреволюционные намерения — сорвать переход власти к Советам и сохранить власть буржуазии и помещиков. В «тезисах об Учредительном собрании» В. И. Ленин так оценивал подобную тактику: «...лозунг «Вся власть Учредительному собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с Советской властью, не считающийся с решением Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, Второго Всероссийского съезда крестьянских депутатов и т. д., такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа становится ясным, что этот лозунг фактически означает борьбу за устранение Советской власти и что Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть»²⁷⁾). Это замечательное высказывание В. И. Ленина блестяще вскрывает контрреволюционную позицию совещания курских эсеров и меньшевиков. В конце своей работы оно приняло решение об организации революционного Совета из 10 представителей от Совета рабочих депутатов, 10 от Совета солдатских депутатов, и 20 от Совета крестьянских депутатов. Кроме того, революционный Совет получал

²⁴⁾ Л. Д. Глебов. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Курск, 1952 г., стр. 52.

²⁵⁾ «Курская жизнь», 28 ноября 1917 г.

²⁶⁾ Там же.

²⁷⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 342—343.

право по своему усмотрению приглашать в свой состав представителей различных демократических организаций²⁸).

Соглашательскую и антисоветскую сущность революционного Совета выболтал «левый» эсер Праведников. «Для нас,— писал он,— одинаково неприемлемы такие организации власти, как «комитет спасения» или Военно-революционный комитет. Мы должны создать орган, в котором могла бы сплотиться вся революционная демократия на платформе разрыва с буржуазией и поддержки Учредительного собрания»²⁹). В действительности эта формула означала союз с буржуазией в новых условиях, после победы Октябрьского вооруженного восстания, когда народным массам нельзя было открыто говорить об этом союзе.

О партийном составе революционного Совета в источниках и литературе имеются противоречивые данные. В докладе в ЦК РКП(б) в октябре 1918 г. член Курского исполкома Совета рабочих и красноармейских депутатов т. Гуляев отмечал, что в состав революционного Совета в момент его образования входило 10 рабочих-коммунистов, 10 беспартийных солдат и 20 крестьян разного толка, но без коммунистов³⁰). В работе «Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны» И. Г. Кизрин указывает, что в составе революционного Совета было 9 большевиков, 5 «левых» эсеров, 2 правых эсера и один меньшевик, а относительно остальных членов партийная принадлежность неизвестна³¹). В вышеназванной работе Л. Д. Глебов пишет: «В созданном объединенном органе Советов — Курском революционном Совете влияние большевиков было решающим. В революционный Совет было избрано: большевиков 10, меньшевиков 1, «левых» эсеров 4, беспартийных 18»³²).

В статье Б. И. Краснова отмечается, что в революционный Совет входили 9 большевиков, 1 меньшевик и, по неполным данным, 13 «левых» и правых эсеров... остальные беспартийные»³³).

Несмотря на эти противоречивые сведения, утверждение Л. Д. Глебова о решающем влиянии большевиков в революционном Совете не соответствует действительности. Вот некоторые факты, подтверждающие это.

29 ноября 1917 г. состоялось первое заседание революционного Совета. На этом заседании был избран президиум революционного Совета в количестве 9 человек по три человека от каждой секции Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Председателем президиума революционного Совета был избран эсер-максималист Забицкий³⁴). В первые дни своей работы революционный Совет обсудил вопрос о власти. Под влиянием «левых» эсеров он признал власть Советов при условии единения всей революционной демократии³⁵). На заседании революционного Совета 29 ноября присутствовали представители Мос-

²⁸) «Курская жизнь», 28 ноября 1917 г.

²⁹) Там же.

³⁰) Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 393, оп. 11, д. 25, л. 163.

³¹) И. Г. Кизрин, Очерки по истории организации ВКП(б) в ЦЧО, т. 1. Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны. Воронеж, 1933, стр. 59.

³²) Л. Д. Глебов, Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Курск, 1952, стр. 54.

³³) Б. И. Краснов, Борьба рабочих и беднейших крестьян за установление Советской власти в Курской губернии, «Курский государственный педагогический институт. Ученые записки», вып. VIII, Курск, 1958, стр. 102.

³⁴) «Курская жизнь», 1 декабря 1917 г.

³⁵) «Свободная речь», 1 декабря 1917 г.

ковского военно-революционного комитета, выразившие недовольство тем, что он не проводит в жизнь декретов Советского правительства»³⁶).

Революционный Совет отстранил от власти губернского комиссара и распустил «комитет общественного спасения». 1 декабря прекратил свою деятельность губернский народный Совет, орган контрреволюционной буржуазии и мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков. Часть его членов была кооптирована в состав революционного Совета, еще больше усилив в нем число эсеров и меньшевиков. В целях прекращения крестьянского движения при нем образовалась конфликтная комиссия с целью улаживания споров между помещиками и крестьянами³⁷). Революционный Совет согласился пропустить на Украину по требованию Рады 8 орудий³⁸).

Приведенные факты говорят о руководящей роли «левых» эсеров и эсеров-максималистов в революционном Совете Курска, о том, что они вели политику соглашения с правыми эсерами, отрицательно относясь к основным решениям II съезда Советов и Советского правительства. В ноябре 1917 г. В. И. Ленин, отмечая колебания «левых» эсеров, говорил: «Товарищи левые эсеры, в июле началась полоса разрыва народных масс с политической соглашенией, но левые эсеры и до сих пор подают всю руку Авксентьевым, протягивая рабочим лишь мизинец»³⁹).

В. И. Ленин, указывая на необходимость союза большевиков с «левыми» эсерами, отмечал, что прочный союз между ними может быть заключен только на основе признания последними социалистического характера Октябрьской революции⁴⁰). Однако курские «левые» эсеры не признали этого в первой половине декабря 1917 года.

Итак, время перехода власти к Советам в Курске, указанное во II томе «Истории гражданской войны», в статье Э. Б. Генкиной «Победа социалистической революции на местах» и работе Л. Д. Глебова «Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии», не соответствует историческим фактам⁴¹).

Странную позицию по этому вопросу занимает Б. И. Краснов. С одной стороны, он считает, что Советская власть в Курске победила 26 ноября 1917 г., а с другой стороны, указывает на отсутствие согласованности в работе революционного Совета, которая происходила по вине находившихся в его составе правых эсеров, под влиянием которых большинство в нем все еще не признавало Советского правительства⁴²). Нам кажется, что ни о каком установлении Советской власти нельзя говорить до тех пор, пока Совет не признал Совета Народных Комиссаров и решений II Всероссийского съезда Советов.

Власть к Советам в Курске перешла в конце декабря 1917— начале января 1918 г. К этому времени «левые» эсеры организационно порвали с правыми эсерами. 12 декабря 1917 г. эсеровская газета

³⁶) «Свободная речь», 2 декабря 1917 г. См. также «Курская жизнь», 2 декабря 1917 г.

³⁷) «Свободная речь», 6 декабря 1917 г.

³⁸) В. А. Антонов-Овсеенко, Записки о гражданской войне, т. 1, 1924, стр. 53.

³⁹) В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 288.

⁴⁰) Там же, стр. 294, 295.

⁴¹) В датах важнейших событий во II томе «Истории гражданской войны» на стр. 617, изд. II указывается, что Советская власть в Курске установилась 26 ноября 1917 г. Аналогичного взгляда придерживаются на переход власти к Советам Э. Б. Генкина и Л. Д. Глебов.

⁴²) Б. И. Краснов, Борьба рабочих и беднейших крестьян за установление Советской власти в Курской губернии, «Курский государственный педагогический институт. Ученые Записки», вып. VIII, Курск, 1958, стр. 103.

«Курская жизнь» перешла в руки «левых» эсеров-интернационалистов. Крупную роль в установлении Советской власти в Курске сыграла делегация петроградских рабочих, посланная ВЦИКом.

Члены делегации приняли активное участие в заседании революционного Совета, состоявшемся 14 декабря 1917 г. На этом заседании петроградские рабочие, поддержанные местными большевиками, настаивали на признании революционным Советом Советского правительства и на реорганизации самого революционного Совета. Многие эсеры выступали против принятия этих предложений, ссылаясь на резолюции II губернского съезда Советов крестьянских депутатов. Однако представители Совета рабочих и солдатских депутатов поддержали предложение питерских рабочих, и революционный Совет впервые утвердил решение о признании Совнаркома. В реорганизованном после заседания революционном Совете делегация рабочих Петрограда получила шесть мест. Президиум революционного Совета был заменен исполкомом, в котором крестьянская секция Совета получила четыре места, рабочая и солдатская — по три, а петроградцы — два⁴³).

После такой реорганизации революционного Совета в нем выросло влияние большевиков.

Делегаты питерских рабочих вошли в продовольственную комиссию революционного Совета. Под их влиянием 20 декабря революционный Совет издал приказ о роспуске продовольственного комитета, саботировавшего проведение в жизнь продовольственных мероприятий Советского правительства.

В конце декабря 1917 — начале января 1918 г. в Курске состоялся III губернский съезд Советов крестьянских депутатов.

Съезд проходил в условиях ожесточенной борьбы большевиков, против правых эсеров. До открытия съезда правые эсеры сделали попытку провести объединенное заседание всех эсеров и привлечь на нем на свою сторону рядовых членов партии из крестьян, приехавших с мест и имевших неясное представление о происходящем расколе в партии. Большинство делегатов съезда, узнав о намерении правых эсеров, отказалось участвовать в проектируемом ими заседании.

На съезде делегаты с мест рассказывали о бессилии местных соглашательских органов власти и высказались за передачу власти Советам. 31 декабря 1917 г. съезд утвердил резолюцию по текущему моменту. «Всякую попытку Учредительного собрания, — говорилось в резолюции, — вступить в борьбу с Советом крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, съезд будет рассматривать, как посягательство на завоевания революции и самым решительным образом будет противодействовать ему в этом»⁴⁴).

Резолюция требовала утверждения Учредительным собранием всех решений II Всероссийского съезда Советов и отзыва из состава Учредительного собрания депутатов, не признававших Советскую власть. После принятия этой резолюции правые эсеры ушли со съезда. «Скатертью дорога», — неслось им вслед⁴⁵). Съезд постановил никаких заявлений от правых эсеров больше не принимать. В исполком Совета крестьянских депутатов съезд избрал большевиков, «левых» эсеров, эсеров-максималистов. Он постановил отозвать из состава ВЦИК Совета крестьянских депутатов правых эсеров, избранных в него ранее губернским Советом крестьянских депутатов, и присоединиться к решениям II Всерос-

⁴³) «Курская жизнь», 17 декабря 1917 г.

⁴⁴) «Курская жизнь», 4 января 1918 г.

⁴⁵) «Курская жизнь», 3 января 1918 г.

сийского съезда Советов крестьянских депутатов. Съезд вывел из состава революционного Совета правых эсеров.

Таким образом, правые эсеры потерпели поражение на съезде. «Левые» эсеры и эсеры-максималисты, учитывая настроение широких крестьянских масс, высказались за переход власти к Советам и признание всех мероприятий Советской власти.

Курские кадеты, узнав о решении съезда, закрыли свою газету «Свободная речь». После съезда изменился состав революционного Совета. В него вошли только большевики, «левые» эсеры и эсеры-максималисты.

В Курске установилась Советская власть, но большевикам предстояло еще провести большую работу, чтобы укрепить ее и изолировать «левых» эсеров от масс. В январе 1918 г. новый состав революционного Совета распустил губернский земельный комитет, земскую управу, в которых правые эсеры имели большинство мест.

С целью ускорения перехода власти к Советам на юге губернии революционный Совет послал войска в Рыльский и Льговский уезды для борьбы против украинских националистов⁴⁶).

В начале января при содействии питерских рабочих в Курске началось создание Красной гвардии.⁴⁷)

Из старых органов власти позднее всех была ликвидирована городская дума. 25 января в Курск прибыл сводный отряд кронштадтских моряков. Командир отряда, узнав о контрреволюционной деятельности думы, добился разрешения на обыск в помещении думы. Во время обыска матросы арестовали трех правых эсеров, известных своей анти-советской деятельностью. В здании думы матросы обнаружили запасы вин и продовольствия, а на стене портрет царя. На следующий день революционный Совет издал приказ о роспуске думы⁴⁸).

Важным событием в жизни Курской губернии явился I губернский съезд Советов. Он открылся 24 февраля 1918 г.⁴⁹). В работе съезда участвовало 489 делегатов (373 делегата с решающим голосом и 116—с совещательным). На съезде присутствовало 206 большевиков и 35 делегатов, сочувствующих им. «Левых» эсеров было 164. Численный состав представителей остальных партий точно не известен.

Но в протоколах съезда отмечены выступления эсеров-максималистов, меньшевиков и правых эсеров⁵⁰). По всем вопросам, обсуждаемым съездом, большевики вели борьбу с эсерами. Однако среди большевиков отсутствовала достаточная сплоченность, вызванная прежде всего отсутствием единой губернской организации, что дало возможность эсерам провести свои решения.

Съезд много внимания уделил определению структуры губернского советского аппарата. Выступавшие большевики предложили съезду выделить из своего состава исполнительный комитет, в задачу которого должно было входить проведение в жизнь мероприятий Советского правительства и текущей работы.

⁴⁶) «Курская жизнь», 11 января 1918 г.;

⁴⁷) «Курская жизнь», 3 января 1918 г. В феврале 1918 г. в Красной гвардии находилось 200 красногвардейцев. См. «Курская жизнь», 20 (7) февраля 1918 г.

⁴⁸) «Курская жизнь», 28 января 1918 г.

⁴⁹) С 1 февраля даты указываются по новому стилю.

⁵⁰) «Известия Курского объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов», 27 февраля 1918 г. Ниже эта газета будет называться сокращенно «Известия Курского объединенного Совета».

«Левые» эсеры выдвинули свой проект организации советских органов в губернии. Их предложения получили большинство голосов на съезде. Согласно утвержденной съездом левозеро́вской инструкции «Об организации губернской власти», высшим губернским органом власти объявлялся губернский съезд Советов, собиравшийся раз в три месяца.

В работах съезда должны были принимать участие по два делегата от каждой волости, по одному делегату от солдатской или рабочей организации, насчитывавшей от 200 до 5000 человек, и по два представителя от каждого уездного Совета, причем город Курск приравнивался к уезду. Съезд обязывался выделить из своего состава губернского бюро. В него должны были входить по два представителя от каждого уезда и три человека от съезда (всего 35 человек).

Это бюро, собиравшееся один раз в месяц, обязано было заниматься согласованием работы местных Советов с постановлениями Всероссийского съезда Советов и Совета Народных Комиссаров. В функцию выделенного из состава бюро президиума входил контроль за деятельностью губернского совнаркома, состоявшего из 12 комиссариатов и выполнявшего обязанность исполнительного органа в губернии⁵¹⁾.

Съезд утвердил также левозеро́вскую инструкцию «Об организации уездной власти». По этой инструкции в каждом уезде создавался свой совнарком и контрольное бюро. Уездный совнарком должен был состоять из 8 комиссариатов. Свои совнаркомы обязана была иметь и каждая волость.

Левозеро́вский план построения советских органов в Курской губернии предусматривал создание ряда ненужных органов, тормозивших выполнение мероприятий Советского правительства. Совершенно не было необходимости в создании бюро и президиума, строить местные органы власти по форме центральной власти. Вместо того, чтобы привлечь всех членов Советов к текущей работе, «левые» эсеры стремились превратить их значительную часть в бюрократов-контролеров.

В своей работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин, определяя задачи в области советского строительства, отмечал: «Разумеется, стихия мелкобуржуазной дезорганизованности... не может не накладывать своего отпечатка и на Советы. Над развитием организации Советов и Советской власти приходится неослабно работать. Есть мелкобуржуазная тенденция к превращению членов Советов в «парламентариев» или, с другой стороны, в бюрократов. Борьба с этим надо, привлекая всех членов Советов к практическому участию в управлении. Отделы Советов превращаются во многих местах в органы, сливающиеся постепенно с комиссариатами»⁵²⁾.

Страстные прения на съезде возникли по вопросу о мире. Большинство большевистской фракции съезда выступало за заключение мира. Но съезд утвердил резолюцию, предложенную эсером-максималистом Забицким и «левым» эсером Брагинским, в основе которой лежал троцкистский лозунг «ни мира, ни войны», и предлагалось созвать Всероссийский съезд Советов для обсуждения вопроса о мире.

В марте 1918 г. началась перестройка советских органов в соответ-

51) «Известия Курского объединенного Совета», 28 февраля 1918 г. Это название газета получила в январе 1918 г. в связи с объединением трех почти отдельно существовавших Советов: Совета рабочих депутатов, Совета солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов. В 1917 г. она называлась «Известия Курского Совета рабочих и солдатских депутатов».

52) В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 242—243.

ствии с решениями I губернского съезда Советов. Вместо революционного Совета образовался губернский совнарком.

Большинство комиссариатов возглавили «левые» эсеры и эсеры-максималисты. Так продолжалось до середины мая 1918 г. Рассмотрев деятельность Курского совнаркома за период с марта до середины мая 1918 г.

В марте-апреле 1918 г. через Курск с Украины эвакуировались войска. Из центрально-промышленных губерний сюда бежало много белогвардейцев, надеявшихся перебраться на Дон или переждать в Курске до прихода туда немцев.

При вступлении немецких войск на территорию губернии эсеры протасили в губернском совнаркоме резолюцию о нейтралитете в борьбе с захватчиками⁵³).

Эта резолюция фактически открывала немцам путь в губернию и обезоруживала трудящихся губернии перед германскими оккупантами. На II губернном съезде Советов представители с мест, члены большевистской партии резко критиковали левоэсеровское руководство губернского совнаркома за срыв организации сопротивления немецким империалистам⁵⁴).

Руководство обороной Курской губернии находилось в руках полевого штаба, состоявшего из «левых» эсеров и эсеров-максималистов. Вместо организации обороны полевой штаб занимался контрреволюционной агитацией, грабежом и пьянством. Среди войск росло недовольство против полевого штаба и губернского совнаркома. Недовольством попытались воспользоваться руководители одного из отрядов, являвшиеся замаскированными контрреволюционерями. 10 апреля 1918 г. они подняли мятеж, обстреляли Курск из орудий и разогнали совнарком. Некоторые большевики были арестованы. Мятеж был ударом в спину Советской власти и облегчал немцам захват Курской губернии, которые как раз в этот момент захватили Белгород. В Курск спешно прибыл Н. И. Подвойский с отрядом московских рабочих, ликвидировавший мятеж. По приказу Н. И. Подвойского мятежный отряд был расформирован, а большинство членов полевого штаба было предано суду революционного трибунала⁵⁵).

Вредительская деятельность курских эсеров помогла немцам оккупировать южную часть Курской губернии. Немцы полностью захватили Белгородский, Путивльский и Грайворонский уезды, а также часть Рыльского, Львовского, Суджанского, Обоянского и Корочанского уездов. В основном на территории частично оккупированных уездов проходила демаркационная линия, что затрудняло работу советских органов в этих уездах.

Одновременно с действиями, направленными на срыв сопротивления немецким захватчикам при вторжении в Курскую губернию, «левые» эсеры пытались развалить работу советских органов. Они умышленно тормозили чистку советских учреждений от проникнувших туда бывших черносотенцев, земских служащих и анархистов, которые саботировали проведение в жизнь мероприятий Советской власти⁵⁶).

⁵³ «Известия Курского объединенного Совета», 14 апреля 1918 г.; см. также «Земля и Воля», 28 (15) апреля 1918 г. «Земля и Воля» — центральный орган эсеровской партии.

⁵⁴ «Меч свободы», 22 (9) мая 1918 г.

⁵⁵ «Набат», 3 мая 1918 г. Газета «Набат» — орган Курского совнаркома.

⁵⁶ «Правда», 17 (4) мая 1918 г.; см. также «Курская беднота», 7 ноября 1918 г.

В протоколах II губернского съезда Советов отмечались случаи, когда комиссариат внутренних дел, руководимый «левым» эсером Трубицким, отдавал приказы об освобождении из-под ареста контрреволюционеров⁵⁷⁾.

Контрреволюционная деятельность эсеровского большинства губернского совнаркома вызвала широкое недовольство крестьянской бедноты и рабочих. Отражая это недовольство, некоторые уездные Советы еще в марте 1918 г. требовали созыва нового съезда Советов и отстранения эсеровского руководства⁵⁸⁾.

Период с января до мая 1918 г. характерен в Курской губернии постоянным падением влияния «левых» эсеров и максималистов на широкие массы крестьянства и ростом среди них авторитета коммунистов.

К маю 1918 г. значительно окрепли ряды курских большевиков. ЦК РКП(б) направил в Курск для работы своего представителя⁵⁹⁾. После оккупации Белгорода многие белгородские коммунисты перешли на работу в Курск. Укрепление Курской партийной организации и отход большинства трудящихся крестьян от «левых» эсеров не могли не сказаться на работе II губернского съезда Советов, открывшегося 10 мая 1918 г. На съезде делегатов-большевиков было 127, «левых» эсеров и эсеров-максималистов — 117, два правых эсера, один меньшевик и три беспартийных⁶⁰⁾.

По текущему вопросу съезд утвердил большевистскую резолюцию.

В этой резолюции съезд Советов Курской губернии постановил всемерно укреплять Красную армию, налаживать социалистическое производство, вести беспощадную борьбу с кулачеством, саботажем, разрухой и мешочниками, увеличивать обмен между городом и деревней, руководить организацией трудовых сельскохозяйственных коммун. Резолюция одобряла внешнюю политику Советского правительства и заключение мирного договора с Германией. Эсеры голосовали против этой резолюции. Съезд отменил структуру построения органов Советской власти, принятую первым губернским съездом Советов. Вместо губернского совнаркома съезд избрал исполком, в который вошло 25 большевиков и 20 «левых» эсеров и максималистов. Губернское бюро и президиум прекратили свою деятельность. При обсуждении состава исполкома эсеры попытались проташить на съезд Советов своих сторонников с II губернского земельного съезда, который заседал одновременно со съездом Советов, и при помощи их голосов получить большинство в исполкоме. Съезд Советов разрешил участвовать в заседаниях делегатам земельного съезда, но не допустил их до голосования. Попытка эсеров получить большинство в исполкоме потерпела поражение⁶¹⁾.

Решения II губернского съезда Советов способствовали улучшению работы Советов Курской губернии. Губернские советские органы были очищены от антисоветских элементов.

В середине июля 1918 г., после провала левоэсеровской авантюры в Москве, «левые» эсеры и эсеры-максималисты были выброшены из губернских советских органов, что завершило процесс большевизации губернского Совета.

57) «Красная армия», 19 мая 1918 г. Эта газета издавалась в Курске.

58) Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов. Курск. 1957, стр. 250, 255.

59) ЦГАОР, ф. 393, оп. 11, д. 25, л. 164.

60) «Знамя труда», 11 мая 1918 г. Газета «Знамя труда» — центральный орган «левых» эсеров.

61) «Красная армия». 17 мая 1918 г.

С. С. ГРИГОРЦЕВИЧ

ЯПОНСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В КИТАЕ в 1916—1917 гг.

Япония и Соединенные Штаты Америки во время первой мировой войны проявили наибольшую экономическую и политическую активность в Китае, добиваясь его дальнейшего закабаления. Японские и американские авторы написали значительное количество работ, посвященных международным отношениям на Дальнем Востоке¹⁾, но данная проблема в их работах не находит должного отражения.

К. Каваками, Т. Такеути, К. Сато и некоторые другие японские авторы не скрывают агрессивных замыслов Японии в годы первой мировой войны, но пытаются оправдать политику японского империализма в Китае, а периоду после 1915 года уделяют мало внимания.

Американские буржуазные историки, как правило, затушевывают экспансионистскую политику американских монополий в Китае и пытаются доказать, что Соединенные Штаты не имели сколько-нибудь значительных интересов в Китае.

Советскими и китайскими историками написан ряд работ, посвященных агрессивной политике империалистических держав в Китае, однако данная тема освещена пока недостаточно²⁾, хотя с 1916 г., в связи с ожидавшимся окончанием мировой войны, Соединенные Штаты резко активизировали свою политику на Дальнем Востоке, что вызвало в свою очередь противодействие со стороны Японии. Усиление агрессивной политики империалистических держав привело к несомному подъему освободительной борьбы китайского народа, который оказал

¹⁾ В. Akadi, *Japan's foreign relations 1542—1936*, Tokio, 1936.

К. Исии, *Дипломатические комментарии*, М., 1942, стр. 85.

К. Kawakami, *Japan in world politics*, New York, 1919.

Т. Takeuchi, *War and diplomacy in the Japanese Empire* London, 1935.

К. Сато, *Япония и Америка в их взаимных отношениях*, М.-П., 1923.

P. Clyde, *International rivalries in Manchuria 1689—1922*, Ohio, Columbus, 1926.

B. Curry, *Woodrow Wilson and Far Eastern policy 1913—1921*, New York, 1957.

F. Dulles, *Forty years of american-japanese relations*, New York—London, 1937.

E. Price, *The Russo-Japanese treaties of 1906—1916. Concerning Manchuria and Mongolia*, Baltimore, 1933.

²⁾ «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», М., 1956; Е. И. Попова, К вопросу о политике американского империализма в Китае 1914—1916 гг., «Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина», 1951, т. XIV, вып. 1, стр. 243—281; Лю Да-нянь, История американской агрессии в Китае, М., 1953; Ху Шен, Агрессия империалистических держав в Китае, М., 1951; Цинь Бэнь-Ли, История экономической агрессии американского империализма в Китае, М., 1951.

значительное влияние на международную обстановку на Дальнем Востоке.

22 августа 1914 г. Япония начала военные действия против Германии и менее чем в 3 месяца захватила район Цзяочжоу и порт Циндао на Шаньдунском полуострове, а также Маршалльские, Марианские и Каролинские острова. Этими операциями, в которых Япония потеряла 1844 человека, и ограничилось участие Японии в войне³⁾. Захваченные территории использовались для дальнейшей экспансии в Китае и других странах Дальнего Востока.

В период войны японские монополии обогащались, увеличивая объем производства, внешнюю и внутреннюю торговлю. По официальным японским данным, накануне войны в 1913—1914 финансовом году⁴⁾ доходы государственного бюджета составляли 721 975 485 иен, а расходы 573 633 925, т. е. превышение доходов над расходами равнялось 148 341 560 иен. В 1916—1917 финансовом году доходы достигли 813 308 614 иен, а расходы 590 795 353, т. е. превышение доходов над расходами повысилось до 222 513 261 иены⁵⁾.

Возросший спрос на японские товары на внешних рынках, военные заказы стран Антанты стимулировали развитие японской промышленности. Оплаченный капитал японских акционерных компаний (в текущих ценах) увеличился с 1195 млн. иен в 1914 г. до 4641 млн. иен в 1919 г.⁶⁾. Число рабочих, занятых в промышленности, увеличилось с 916 тысяч человек в 1913 г. до 1,4 млн. человек в 1918 г.⁷⁾. Особенно быстро развивались металлургия, судостроение, машиностроительная и химическая промышленность.

Несмотря на быстрые темпы роста промышленного производства, объем производившихся промышленных товаров, особенно в тяжелой промышленности, был незначительным по сравнению с наиболее развитыми странами. Так, в 1913 г. в Японии было выплавлено 243 тыс. тонн чугуна, а в 1918 г. — 606 тыс. тонн; стали в 1913 г. — 255 тыс. тонн, а в 1918 г. — 813 тыс. тонн. Тоннаж торгового флота Японии к 1918 г. достиг 3100 тыс. тонн, против 1500 тыс. тонн в 1914 г.⁸⁾.

На доходах от торговли, перевозки грузов и оплаты военных заказов в Японии резко вырос золотой запас. Если в 1914 г. он равнялся 341 млн. иен, то в 1919 г. достиг 2 млрд. иен⁹⁾.

За годы войны выросли капиталовложения Японии за границу, в первую очередь в Китае. В 1914 г. инвестиции японского капитала за границей были равны 460 млн. иен, а к 1920 г. достигли 2200 млн. иен¹⁰⁾.

Японская буржуазия использовала то, что страны Антанты, а затем и США, занятые войной, не могли выбрасывать достаточное количество товаров на рынки Азии, Африки и Южной Америки. Спрос на японские товары вырос, цены были высокие. Обороты внешней торговли Японии быстро возрастали.

³⁾ Г. И. Болдырев, Финансы Японии, М., 1946, стр. 159.

⁴⁾ Финансовый год в Японии начинается 1 апреля и кончается 31 марта следующего года.

⁵⁾ The twenty-eight financial and economic annual of Japan (Annual of Japan), Tokio, 1928 стр. 21.

⁶⁾ И. Я. Бедняк, А. Л. Гальперин, Л. Д. Гришлева, Г. И. Подпалова, В. А. Попов, П. П. Толеха, Х. Т. Эйдус, Очерки новой истории Японии (1640—1917), М., 1958, стр. 475.

⁷⁾ Г. И. Болдырев, цит. соч., стр. 164.

⁸⁾ Эйдус. Япония от первой до второй мировой войны, М., 1946, стр. 51.

⁹⁾ Н. Попов. Экономика Японии. М., 1936 г., стр. 37.

¹⁰⁾ Х. Эйдус, цит. соч., стр. 51.

Перед войной Япония имела пассивный внешнеторговый баланс. В 1913 году ввоз в Японию заграничных товаров исчислялся в 729 431 644 иены, а вывоз в 632 460 213, т. е. превышение ввоза над вывозом достигало 96 971 431 иены¹¹⁾. В 1917 г. ввоз товаров в Японию увеличился до одного миллиарда иен, а вывоз до 1,6 млрд. иен¹²⁾. Таким образом, в течение одного года превышение ввоза над вывозом достигло 600 млн. иен, а в течение четырех лет войны активное внешнеторговое сальдо Японии достигло 1,3 млрд. иен¹³⁾. С целью поощрения вывоза японское правительство в 1915 г. установило возврат пошлин за промышленные товары, вывозившиеся за границу. Кроме того, с 1 апреля 1915 г. был отменен конвенционный тариф с Германией и другими странами, пользовавшимися правом наибольшего благоприятствования по ввозу в Японию, и введен высокий протекционистский тариф на целый ряд промышленных товаров (цинковые листы, кожи выделанные, салициловая кислота, полушерстяные изделия и т. д.), что привело к росту цен на эти товары и повысило доходы японских капиталистов¹⁴⁾.

В среднем дивиденды, выплачиваемые японскими компаниями держателям акций, во второй половине 1914 г. составляли 14,2% от вложенного капитала, а в 1918 г. достигли 63,3%. Особенно разбогатели на войне крупнейшие монополистические объединения, такие, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и др. В результате возросшей концентрации капитала несколько гигантских монополий поставили под свой контроль экономику Японии. Параллельно с ростом мощи финансового капитала росли захватнические планы и вождедения японского империализма.

Для американских капиталистов война оказалась еще более доходным делом. В то время, как европейские державы истощали свои силы в кровопролитной войне, монополии Соединенных Штатов Америки развернули мощный производственный аппарат, снабжали страны Антанты военными материалами и захватывали новые рынки во всех странах света.

Стоимость зарегистрированного капитала, вложенного в обрабатывающую промышленность США, возросла с 20,8 млрд. долларов в 1914 г. до 40,3 млрд. долларов в 1919 г.¹⁵⁾. Общая стоимость американского экспорта за границу увеличилась с 2,6 млрд. долларов в 1913 г. до 6,7 млрд. долларов в 1917 г. За эти же годы стоимость импорта возросла с 1,9 млрд. до 3,5 млрд. долларов. Таким образом, в 1917 г. вывоз товаров из Соединенных Штатов в другие страны более чем на 3 млрд. долларов превышал ввоз¹⁶⁾. Это приводило к усиленному притоку золота в США и устанавливало экономическое господство американского империализма в ряде стран мира.

Общая сумма американских частных капиталовложений за границей возросла с 3,5 млрд. долларов в 1914 г. до 7 млрд. долларов в

¹¹⁾ Annual of Japan. Tokio, 1928, стр. 118.

¹²⁾ Annual of Japan. Tokio, 1928, стр. 118. При исследовании вопроса о росте объема внешней торговли Японии надо учитывать, что в данный период имел место рост цен на товары. Г. И. Болдырев считает, что в сопоставимых ценах объем внешней торговли Японии с 1913 г. по 1918 г. увеличился на 60%. См. Г. Болдырев, цит. соч., стр. 161.

¹³⁾ См. Annual of Japan, Tokio, 1928, стр. 118.

¹⁴⁾ Центральный Государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГАДВ), ф. 252, оп. 1, д. 53, лл. 82—83. Бюллетень справочной части по внешней торговле Министерства торговли и промышленности, 1915, № 8.

¹⁵⁾ A statistical abstract supplement historical statistics of the United States colonial times to 1957, Washington, 1960, стр. 410.

¹⁶⁾ Там же, стр. 537.

1919 г.¹⁷⁾. Чистая прибыль всех американских компаний, составлявшая в 1914 г. 2684 млн. долларов, увеличилась в три раза и составила 7958 млн. долларов в 1917 г.¹⁸⁾.

Американские капиталовложения в Китае накануне войны достигали 59 млн. долларов, из которых 10 млн. представляли собственность миссий различных церквей, 42 млн. долларов были вложены в торговлю и предпринимательство и 7 млн. долларов—в ценные бумаги и облигации китайских правительственных займов¹⁹⁾. За четыре года первой мировой войны американские инвестиции в Китае значительно возросли, а число американских предприятий в Китае увеличилось с 70 в 1913 г. до 130 в 1919 г.²⁰⁾.

В 1914—1918 гг. шел рост внешней торговли Соединенных Штатов во всех частях света, но наиболее значительным этот рост был в Европе, где США снабжали страны Антанты военными и стратегическими материалами.

Стоимость американского экспорта, в млн. долларов

	1912—1913 гг. ²¹⁾	1915—1916 гг. ²²⁾
Европа	1479	2999
Северная Америка (включая Мексику)	617,4	733
Южная Америка	146,1	180,2
Азия	115	278,6

Американский ввоз в Китай возрос за эти три года очень незначительно с 21,3 млн. долларов до 26,2 млн. долларов. Подобный факт объясняется конкуренцией японских товаров в Китае, а также новыми рынками сбыта, которые получила американская промышленность в связи с мировой войной.

Следует отметить, что в эти же годы ввоз из Китая в Соединенные Штаты увеличился с 39 млн. долларов до 72,4 млн. долларов.

К концу войны торговое соперничество американских и японских монополий на мировых рынках стало возрастать. К этому времени произошли значительные изменения в японо-американской торговле.

Стоимость вывоза японских товаров, в млн. иен²³⁾

	1914 г.	1915 г.	1917 г.	1918 г.
В страны Азии	277,1	341,5	704,1	935,5
В страны Европы	917,9	126,1	335,2	298,2
В страны Америки	202,3	213,2	505,6	597,2

¹⁷⁾ A Statistical abstract supplement historical statistics of the U. I. Washington, 1960, стр. 565.

¹⁸⁾ А. Клод. Куда идет американский империализм, М., 1951, стр. 41.

¹⁹⁾ R. Сиггу, цит. соч., стр. 41.

²⁰⁾ Цинь Бэн-ли, цит. соч., стр. 69.

²¹⁾ The statesmen's year book. Statistical and historical annual of the States of the world, т. 51, 1914, London, стр. 430—431.

²²⁾ Там же, т. 54, 1917, стр. 473.

²³⁾ Annual of Japan. Tokio, 1928, стр. 120—121.

Таким образом, на первом месте по ввозу японских товаров стояли страны Азии, затем Америки. Наиболее крупными покупателями японских товаров стали Соединенные Штаты Америки, ввоз которых из Японии в 1918 г. достиг 530 млн. иен. В Китай вместе с Квантунской провинцией в этом же году было ввезено товаров на 475,5 млн. иен, в Англию на 143 млн. иен и во Францию на 142 млн. иен²⁴).

Основными статьями японского вывоза стали промышленные товары, а также шелк, хлопчатобумажные ткани и различные виды военного оборудования и снаряжения.

Стоимость ввоза иностранных товаров в Японию, в млн. иен²⁵)

	1914 г.	1915 г.	1917 г.	1918 г.
Из Азии	304,5	301,9	475,5	812,7
Из Европы	158,8	79,0	82,2	82,8
Из Америки	—	106,7	376,8	665,0

На первом месте по ввозу товаров в Японию стояли США. Их экспорт в Японию с 97 млн. иен в 1914 г. достиг 626 млн. иен в 1918 г., что превышало одну треть всего японского ввоза. Япония попала в зависимость от Соединенных Штатов Америки в деле закупок промышленного оборудования и важнейших видов сырья.

* * *

Относительная экономическая слабость ограничивала экспансионистские возможности японского империализма. Однако война улучшила международное положение Японии, которая получила почти полную свободу рук на Дальнем Востоке. Японские империалисты стремились использовать первую мировую войну для установления своего господства в Китае. Об этом свидетельствует вся политика Японии в Китае в 1914—1918 гг. С начала войны для осуществления этих планов Японии создалась исключительно благоприятная обстановка. Китай был внутренне слаб, а его правители готовы были идти на уступки японскому империализму, дабы сохранить свое господство в стране. Противодействие других империалистических держав, защищавших свои интересы в Китае, как фактор, сдерживавший японскую экспансию в Китае, значительно ослабело, так как первая мировая война оказалась затяжной и приковала к фронтам войны основные силы великих держав Европы.

Оказать серьезное противодействие дальнейшему укреплению позиций Японии в Китае могли либо США, либо Россия в случае, если бы последняя вышла из войны, например, путем сепаратного мира с Германией, чего серьезно опасались в Японии²⁶).

Правительство Соединенных Штатов Америки почти ничего не сделало для противодействия Японии. 2 октября 1914 г. президент Китая Юань Ши-кай в беседе с американским посланником в Пекине заявил, что Япония имеет «определенный и далеко идущий план использования

²⁴) Annual of Japan. Tokio, 1928, стр. 120—121.

²⁵) Там же, стр. 118, 122—123.

²⁶) См. К. И с и и, Дипломатические комментарии, М., 1942, стр. 84—85.

европейского кризиса для развития попытки заложить основы контроля над Китаем»²⁷⁾.

Когда Япония начала военные действия на территории Китая с целью захвата германских владений в Шаньдуне, то министр иностранных дел Японии Като отказался дать конкретные обязательства относительно возвращения этих территорий Китаю. В то же время, выступая в парламенте, Като заявил, что Япония рассматривает решительные меры, которые будут предприняты для урегулирования взаимоотношений между Японией и Китаем²⁸⁾. Это было ничем не замаскированное поползновение на значительную часть территорий Китая. Газета «Нью-Йорк Таймс» в передовой статье писала, что «политика Японии заключается в том, чтобы провозглашать и поддерживать свой контроль и превосходство в азиатских водах Тихого океана, вероятно, с целью конечного исключения влияния западных наций»²⁹⁾.

Правительство Японии дало заверения, что американские интересы в Китае не пострадают, что в тот период устраивало правительство США. Когда в американский конгресс была внесена резолюция, в которой выражалось требование, чтобы государственный секретарь США протестовал против занятия Японией территории, «арендованной» Германией в Китае, то, как сообщал Малевский-Малевич из Токио со слов Като, государственный секретарь США заявил японскому послу в Вашингтоне, что обсуждение этой резолюции в конгрессе «последний иметь не будет»³⁰⁾.

В 1915 г. Соединенные Штаты не оказали поддержки китайскому народу, когда Япония навязала Китаю так называемое «21 требование». 27 января 1915 г. президент Вильсон в письме на имя государственного секретаря отмечал, что надо что-либо предпринять в связи с японской агрессией в Китае, однако в мягком для Японии тоне, так как «дружбы последней мы так искренне желаем»³¹⁾. Эта установка Вильсона проводилась в жизнь государственным департаментом, который даже не оказал серьезного дипломатического давления на Японию. 6 мая 1915 г., когда японский империализм силой навязывал Китаю кабальные соглашения, государственный секретарь Брайан в неофициальном послании на имя премьера Японии Окума призывал последнего «поступить с Китаем в духе терпения» и вести переговоры до тех пор, пока «будет найдено какое-нибудь дружеское решение существующих споров»³²⁾.

Американский историк Даллес писал, что правительство президента Вильсона в это время не склонно было идти на конфликт с Японией и государственный секретарь США Брайан не предпринял никаких других мер, направленных против агрессивной политики Японии в Китае, «кроме отправки умеренной ноты в Токио»³³⁾. Другой автор, Клайд, пишет, что политика американского правительства во время событий 1915 г. была «осторожной и корректной во всех отношениях»³⁴⁾. Более

²⁷⁾ F. Dulles, цит. соч. стр. 103.

²⁸⁾ Там же, стр. 103—104.

²⁹⁾ Там же, стр. 104.

³⁰⁾ «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств», с. III, т. VI, ч. 1, стр. 118. См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», М., 1956, стр. 260—269.

³¹⁾ The Lansing Papers 1914—1920. т. II, Washington, 1940, стр. 400.

³²⁾ Там же, стр. 422—423.

³³⁾ F. Dulles, цит. соч., стр. 110.

³⁴⁾ P. Clyde, цит. соч., стр. 178.

того, правящие круги США предприняли меры для прекращения анти-японской пропаганды, которая велась частью американской прессы. С этой целью были собраны и опубликованы заявления пятидесяти двух государственных деятелей США о необходимости сохранения хороших взаимоотношений с Японией³⁵). Американские империалисты путем соглашения с Японией надеялись расширить и укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. Один из биографов Вильсона пишет, что цель президента — «служить Азии» — постепенно получила «тождество с сохранением американских позиций в Китае»³⁶).

Уступчивость американского империализма в пользу Японии носила временный характер. Правящие круги Соединенных Штатов готовились к тому, чтобы взять реванш на почве экономической конкуренции или договориться с Японией о совместной эксплуатации Китая. В первую очередь была пущена в ход дипломатия доллара. Американский финансовый капитал при поддержке правительства усилил финансово-экономическое проникновение в Китай. Весной 1915 г. один из американских советников в Китае призывал американских банкиров дать Китаю заем в сумме от 100 до 200 млн. долларов³⁷). Американский автор Р. Кари пишет, что «Вильсон лично, в особых случаях, делал все, что он мог, для поощрения американских банковских компаний участвовать в китайских капиталовложениях»³⁸).

В ноябре 1915 г. в Соединенных Штатах была учреждена «Американская международная корпорация», которая располагала капиталом в 500 млн. долларов для кредитования заграничных капиталовложений. Корпорация была создана с целью развития торговых сношений с Китаем, Японией, Индией и Россией; учреждения в этих странах торговых и промышленных предприятий; получения концессий и т. д. Президентом корпорации стал Чарльз Стон — глава банкирской фирмы «Стон и Вебстер»³⁹).

Государственный департамент настойчиво добивался осуществления займа на регулирование реки Хуайхэ в сумме 20 млн. юаней из 5% годовых, предварительное соглашение о котором было достигнуто в январе 1914 года⁴⁰). В переговорах по заключению займа активное участие принимал американский Красный Крест. В октябре 1914 года посланник США в Китае Рейнш в письме Лансингу поставил вопрос о необходимости предоставления в счет этого займа аванса в 5 млн. долларов⁴¹). Однако дело затянулось в связи с тем, что оно не было достаточно выгодным с точки зрения американских капиталистов, и государственный департамент не мог быстро найти банкиров, которые согласились бы дать деньги.

28 декабря 1915 г. государственный секретарь Лансинг сообщил в Пекин Рейншу, что делом о займе на регулирование реки Хуайхэ заинтересовалась «Американская международная корпорация»⁴²). Однако ее руководители, ссылаясь на существовавшее политическое положение на Дальнем Востоке, настаивали на отсрочке в предоставлении аванса на один год. Рейнш, отвечая на телеграмму Лансинга, настаивал на пре-

³⁵) F. Dulles, цит. соч., стр. 108.

³⁶) R. Curry, цит. соч., стр. 8.

³⁷) R. Curry, цит. соч., стр. 149.

³⁸) Там же, стр. 148.

³⁹) Китай и Япония (обзор периодической печати), 1916, № 236, стр. 63.

⁴⁰) Лю Да-ан-янь, История американской агрессии в Китае, М. 1953, стр. 153.

⁴¹) Papers relating to the foreign relations of the United States („Foreign Relations“), 1916 стр. 213.

⁴²) Там же, стр. 215.

доставлении денег не позднее января 1916 г. и охарактеризовал значение этого займа для укрепления позиций США в Китае. Если в предыдущих телеграммах Рейнш отмечал «гуманную цель займа», то теперь он писал, что осуществление этого займа будет «способствовать преимуществам Соединенных Штатов» и что пока «к счастью, политическая ситуация не подверглась еще таким радикальным изменениям, чтобы американским капиталистам нужно было просить разрешения у своих конкурентов прежде, чем заняться новым делом в Китае». Затем Рейнш указывал, что не произошло ничего, что повлияло бы «на безопасность иностранных капиталовложений», и предлагал представителям «ведущих американских финансистов» посетить Китай и убедиться в этом. В заключение американский посланник отмечал, что имеются все условия, «благоприятные для здорового установления американских деловых интересов в Китае на длительное время в будущем, когда европейские рынки будут заняты»⁴³). Таким образом, вывод Рейнша заключался в том, чтобы возможно сильнее укрепиться на рынках Китая ко времени окончания мировой войны.

В апреле 1916 г. банкирский дом «Ли-Хиггинсон и К^о» подписал контракт на предоставление правительству Юань Ши-кая займа в 5 млн. долларов сроком на 3 года. Заем назывался промышленным, однако первый взнос в счет займа в сумме 1100 тыс. долларов⁴⁴) был использован кликой Юань Ши-кая для подавления революционного движения на юге Китая, что вызвало возмущение китайского народа. В Шанхае началась агитация за организацию бойкота американских товаров. 129 членов первого китайского парламента подписали протест против этого займа. Банкиры вынуждены были приостановить дальнейшие платежи по займу⁴⁵).

В декабре 1917 г. представитель фирмы «Ли-Хиггинсон и К^о» обратился к государственному секретарю с запросом, не будет ли возражать правительство Соединенных Штатов, если фирма пожелает сделать дальнейшие взносы по займу в счет предусмотренной суммы в 5 млн. долларов. Ответ гласил, что, с точки зрения государственного департамента, «заем желателен»⁴⁶).

Усиленное проникновение американского империализма в Китай вызывало серьезное беспокойство в Японии. Соединенные Штаты Америки создали мощный производственный аппарат и усиленно готовились к войне с Германией, увеличивая армию и флот. Было вполне очевидным, что после окончания войны роль США в международных делах на Дальнем Востоке возрастет. В таких условиях правящие круги Японии видели пути к сохранению своих позиций в Китае в дальнейшем увеличении военно-морских вооружений, а также считали необходимым достигнуть соглашения с Соединенными Штатами по вопросам политики в Китае.

На развитие японо-американских отношений в 1917 г. оказало большое влияние вступление Соединенных Штатов Америки в войну на стороне стран Антанты, а также те изменения в международной обстановке на Дальнем Востоке, которые вызвала революция в России и рост национально-освободительной антиимпериалистической борьбы в Китае.

⁴³) Foreign Relations. 1916, стр. 215—216.

⁴⁴) Foreign Relations. 1917, стр. 158.

⁴⁵) Китай и Япония. 1916, № 239, стр. 37, № 241, стр. 41.

⁴⁶) Foreign Relations. 1917, стр. 157—158.

Правящие круги Японии для осуществления своих захватнических планов усиленно вооружились. Особенно большое внимание уделялось строительству военного флота. В 1916 г. официоз японского правительства «Джапан Таймс» писала о «грандиозной программе строительства флота», рассчитанной на затрату 250 млн. иен в течение 7 лет, причем на 1917—1918 бюджетный год надо было израсходовать до 45 млн. иен⁴⁷⁾.

Наиболее агрессивно настроенная часть японских империалистов выражала недовольство политикой правительства Окума. С июня 1916 года в японской прессе стали появляться слухи о предстоящей замене Окума на посту премьера графом Тэраути, с именем которого военщина связывала надежды на более активный курс внешней политики⁴⁸⁾. В сентябре 1916 г. при поддержке «Генро» и военщины маршал Тэраути стал премьер-министром Японии⁴⁹⁾. Министром иностранных дел был назначен виконт Мотоно, бывший в 1906—1916 гг. послом Японии в России. Большинство министров нового правительства являлось членами верхней палаты японского парламента — палаты пэров.

Новое правительство Японии развернуло большую внешнеполитическую активность, направленную на закрепление позиций, захваченных в Китае, и укрепление положения Японии на Дальнем Востоке. Японское агентство «Ниппон Демпо» в ноябре 1916 г. опубликовало сообщение о решении японского правительства проводить новую политику относительно Китая, суть которой сводилась к тому, чтобы временно прекратить активное наступление на Китай и попытаться закрепить достигнутое⁵⁰⁾.

Японская дипломатия прилагала много сил для того, чтобы добиться от великих держав признания японских захватов в Китае и тем самым гарантировать Японию от попыток этих держав вытеснить японских империалистов из Китая после окончания войны. «Всевозможные вопросы, связанные с миром,—писал К. Исии,—были главным занятием японской дипломатии во время мировой войны. Первым делом надо было обеспечить себе хорошее положение на будущей мирной конференции»⁵¹⁾.

Японии удалось добиться того, что в феврале—марте 1917 г. Англия, Россия, Франция и Италия признали права Японии на германские владения в Китае⁵²⁾. Однако данное соглашение не давало полной гарантии японским империалистам в том, что им удастся удержать Шаньдунь, так как против этого выступили США. В начале 1917 г. государственный секретарь Лансинг в беседе с японским послом отметил, что США признают специальные интересы Японии в Маньчжурии, но отказался сделать подобное признание относительно Шаньдуна⁵³⁾. Японо-американские отношения продолжали обостряться.

Правительство Японии видело, что американский империализм достаточно силен, чтобы успешно бороться против монопольного положе-

74) Харбинский вестник, 13 июля 1916 г.

48) Харбинский вестник, 3 июля 1916 г.

49) Тэраути в 1902—1906 гг., а затем в 1908 г. был военным министром. В 1909—1916 гг., будучи генерал-губернатором Кореи, Тэраути проявил себя как безжалостный колонизатор, душитель свободы корейского народа.

50) Харбинский вестник, 24 ноября 1916 г.

51) К. Исии, цит. соч., стр. 83.

52) Э. Гримм, Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), М., 1927, стр. 192—194.

53) Foreign Relations, 1917, стр. 187. См. также А. Гальперин, Англо-японский союз, М., 1947, стр. 336.

ния Японии в Китае, а американский капитал продолжал усиливать свое проникновение в китайскую экономику. В таких условиях правящие круги Японии делают серьезную попытку достигнуть соглашения с американским империализмом на основе совместной эксплуатации китайского народа. Эта политика находит поддержку у американской дипломатии и среди влиятельных торгово-промышленных кругов США. Еще летом 1916 г. посол США в Токио Гутри в донесении в государственный департамент предлагал достичь соглашения с Японией по вопросам политики в Китае⁵⁴).

С января 1917 г. в японской прессе начинается агитация в пользу экономического и финансового сотрудничества Японии и США в Китае. Японские империалисты стремились использовать американские капиталы для закрепления своего политического господства в Китае. В свою очередь, американские монополисты, проводившие политику закабаления Китая при помощи доктрины «открытых дверей», считали что сотрудничество с Японией даст им более широкие возможности для проникновения в Китай и эксплуатации китайского народа.

В апреле 1916 г. американская фирма «Симс энд Кэри», входившая в «Американскую международную корпорацию», подписала соглашение о предоставлении 7-процентного займа в 3 млн. долларов на расширение и углубление Великого китайского канала, проходившего через провинции Шаньдун и Цзянсу. Заем гарантировался особым налогом на землю. Заключение займа вызвало недовольство в Китае. Шаньдунское провинциальное собрание заявило протест против условий американского займа⁵⁵).

Японское правительство выступило против предоставления концессии на перестройку Великого канала американскому капиталу, ссылаясь на особое положение Японии в Шаньдуне. В таких условиях «Американская международная корпорация» предложила Промышленному банку Японии принять участие в концессии. По мнению правления корпораций, сотрудничество Японии и Соединенных Штатов устранило бы опасения «относительно японской оппозиции по отношению к американским финансам» в Китае⁵⁶).

Японское правительство и банкиры положительно отнеслись к идее японо-американского сотрудничества в деле перестройки Великого канала. В январе 1917 г. в Соединенные Штаты выехал вице-президент Японского Промышленного банка Оно, имевший близкие связи с японским правительством. В США Оно вел переговоры с представителем «Американской международной корпорации» Стрейтом⁵⁷). Американский посланник в Пекине Рейнш первоначально выступил против подобного сотрудничества, опасаясь недовольства китайского народа. 2 января 1917 г. он писал в государственный департамент, что если бы китайцы узнали о предполагающейся попытке занести в этот район японцев «на спине американцев, их негодование было бы беспредельно и нанесло бы сильный ущерб американским интересам вообще и вызвало бы всеобщий антагонизм к международной корпорации»⁵⁸).

Государственный секретарь Лансинг не поддержал точку зрения Рейнша, ссылаясь на то, что без согласия Японии вообще не удастся осуществить этот заем. «Департамент никогда не признавал,— писал

⁵⁴) R. C. G. у, указ. соч., стр. 139.

⁵⁵) «Китай и Япония». 1916, № 246, стр. 33.

⁵⁶) Foreign Relations, 1917, стр. 207.

⁵⁷) «Китай и Япония». 1917, № 249, стр. 45.

⁵⁸) Foreign Relations, 1917, стр. 207.

Лансинг Рейншу, — что Германия или Япония имеют особые права в Шаньдуне, но боится, что оппозиция Японии может помешать осуществлению требуемого займа⁵⁹). Переговоры по данному вопросу длились до ноября 1917 г. 30 августа Рейнш писал государственному секретарю о необходимости быстрейшего заключения соглашения, указывая, что в случае провала переговоров японцы потребовали бы передачи всего предприятия в свои руки, что, по мнению Рейнша, было бы «очень вредно для американских интересов»⁶⁰).

20 ноября 1917 г. между правительством Китая и «Американской международной корпорацией» был подписан договор о предоставлении 7-процентного золотого займа на сумму в 6 млн. долларов для перестройки Великого канала. Причем предусматривалось, что облигации этого займа на сумму 3,5 млн. долларов будут выпущены в Соединенных Штатах, а остающаяся сумма в 2,5 млн. долларов может быть размещена «где либо еще»⁶¹).

Особым соглашением, которое от имени «Американской международной корпорации» подписал Кэри, а от имени Промышленного банка Японии Оно, предусматривалось, что сумма в 2,5 млн. долларов, место размещения которой не было определено в американо-китайском договоре, будет внесена японскими банкирами. Подобная махинация была проведена не случайно. Она давала возможность американским монополистам сохранить решающую роль в деле предоставления займа и одновременно удовлетворить притязания японских конкурентов. Кроме того, правящие круги Соединенных Штатов стремились скрыть от китайской общественности факт японо-американского сотрудничества в деле проникновения в Шаньдунскую провинцию⁶²).

В 1917 г. было образовано несколько других смешанных японо-американских компаний с целью совместной эксплуатации природных богатств Китая и других стран Дальнего Востока.

17 мая 1916 г. компания «Симс энд Кэри» при поддержке «Американской международной корпорации» заключила соглашение с пекинским правительством о постройке железных дорог в различных провинциях Китая протяжением около 2500 км (1500 миль). Президент Вильсон и его правительство активно поддержали «усилия американского концерна», направленные на установление американского контроля над железными дорогами Китая⁶³). Данная попытка американского монополистического капитала имела далеко идущие экономические и политические цели. По условиям соглашения американская компания должна была разместить на денежных рынках Соединенных Штатов «железнодорожный заем» в 100 млн. долларов.

Для строительства железных дорог было намечено три района: 1) северный, в провинциях Шаньси и Ганьсу, простиравшихся от Пекина до границ Внутренней Монголии; 2) южный, в провинциях Гуанси и Гуандун, расположенных по побережью Южно-Китайского моря от границ Индо-Китая до Шанью (Свату); 3) восточный, в провинции Чжецзян, примыкавшей к выходу Великого канала в Восточно-Китайское море и району Шанхая. Передача обширных районов страны аме-

⁵⁹) Foreign Relations, 1917, стр. 215.

⁶⁰) Foreign Relations, 1917, стр. 215.

⁶¹) Там же, стр. 225—230.

⁶²) Американский автор В. Сиггу необоснованно утверждает, что данное соглашение было достигнуто «без согласия или помощи государственного департамента». См. В. Сиггу, цит. соч., стр. 147.

⁶³) См. В. Сиггу, цит. соч., стр. 147—148.

риканскому капиталу вызвала возмущение китайского народа и критику со стороны партии Гоминдан⁶⁴).

Попытка американского капитала поставить под свой контроль обширные районы Китая вызвала протесты со стороны других империалистических держав: Японии, Англии, Франции и России⁶⁵). В связи с этим газета «Пекин Дейли Ньюс» писала, что «у России шансов противостоять Америке нет, но Япония может пойти и на войну»⁶⁶).

Государственный департамент прилагал все усилия к тому, чтобы отстоять «право» Соединенных Штатов на строительство железных дорог в вышеназванных районах Китая либо, в крайнем случае, добиться создания для железнодорожного строительства смешанных международных компаний с участием американского капитала. Дипломатическая переписка по этому вопросу длилась до конца 1917 г. Японское правительство, ссылаясь на японо-китайское соглашение от 5 октября 1913 года, а также «21 требование», навязанное Китаю в 1915 году, и свои «специальные интересы», доказывало, что Япония имеет преимущественное право на строительство железных дорог в Южной Маньчжурии и восточной Внутренней Монголии⁶⁷). Японский посланник в Пекине заявил Рейншу, что он «выступает в пользу общего принципа сотрудничества между японскими и американскими капиталистами» в Китае, но что применение этого принципа в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии осложняется «особой позицией», занимаемой там Японией⁶⁸).

Государственный секретарь Лансинг в телеграмме американскому посланнику в Китае Рейншу 16 апреля 1917 г.⁶⁹) отвергал протесты Японии против американского железнодорожного строительства в японских сферах влияния как необоснованные. «Специальные интересы Японии, с точки зрения государственного департамента, — писал Лансинг, — должны пониматься, как ограниченные теми специальными правами и привилегиями, которые были получены японским правительством» в порядке международных соглашений по договорам с Китаем и Россией⁷⁰). Здесь же Лансинг заявил, что американские граждане имеют право на предпринимательскую деятельность в Маньчжурии⁷¹).

В апреле 1917 г. посланник Франции в Пекине выступил против американского железнодорожного строительства в провинции Гуанси, ссылаясь на секретное соглашение, навязанное Францией Китаю, по которому французский капитал имел предпочтительное право на получение горных и железнодорожных концессий в названной провинции⁷²). Государственный департамент решительно отверг притязания французского правительства, ссылаясь на принципы политики «открытых дверей», признанные Францией. «По этой причине, — писал Лансинг, — американское правительство не может признать силу возражения, сделанного Францией по контракту о строительстве железной

⁶⁴) Peking Daily News, 27 сентября 1916 г.

⁶⁵) Китай и Япония, 1916, № 247, стр. 53.

⁶⁶) Peking Daily News, 23 ноября 1916 г.

⁶⁷) Foreign Relations, 1917, стр. 161, 170.

⁶⁸) Там же, стр. 170.

⁶⁹) В американской официальной публикации указан 1918 год, но судя по тексту документа это опечатка, и данный документ следует датировать 1917 годом.

⁷⁰) Foreign Relations, 1917, стр. 187.

⁷¹) Там же.

⁷²) Foreign Relations, 1917, стр. 183.

дороги через Гуанси «Американской международной корпорацией»⁷³).

Правительство Великобритании выступило против проекта постройки американской железной дороги в провинциях Хубей и Хунань, ссылаясь на секретное соглашение, заключенное 5 сентября 1905 г. между британским генеральным консулом в Ханькоу и местными китайскими властями, по которому английский капитал получал преимущественное право на постройку железных дорог в двух названных провинциях⁷⁴). Государственный департамент выступил против притязаний Англии. В меморандуме, переданном государственным департаментом послу Великобритании в Вашингтоне 24 августа 1917 года, отмечалось, что «резервирование целых провинций и больших площадей в Китае для строительства железных дорог, для горного дела или для другого промышленного предприятия любым государством кажется американскому правительству решительно противоречащим политике «открытых дверей» и равенства коммерческих возможностей, к которым присоединилось британское правительство»⁷⁵). Затем в меморандуме отмечалось, что «интересы Соединенных Штатов и Великобритании в Китае тождественны», и выражалось пожелание, чтобы Англия придерживалась политики «открытых дверей».

Английский империализм был не склонен пускать американский капитал в свою сферу влияния в Китае, однако зависимость Великобритании от американских кредитов и военного снабжения, устоявшаяся к концу войны, заставила Англию проявить известную уступчивость и дать согласие на строительство железных дорог в провинциях Хубей и Хунань смешанным англо-американским капиталом⁷⁶). В конечном итоге американские монополии не удалось осуществить своих планов обширного железнодорожного строительства, они были сорваны острым межимпериалистическим соперничеством и растущей освободительной борьбой китайского народа. Дело ограничилось только тем, что поисковые партии американских инженеров наметили несколько вариантов направлений, намечавшихся к строительству железных дорог⁷⁷).

16 ноября 1916 г. американский банкирский дом «Континентальный и коммерческий трест и Сберегательный банк Чикаго» предоставил Китаю заем в 5 млн. долларов для целей промышленного развития и стабилизации валюты⁷⁸). Эта сумма рассматривалась как задаток по планировавшемуся в дальнейшем займу у американских банкиров на 25 млн. долларов. Против американского займа выступили французские и английские банкиры, заявлявшие, что данный заем нарушает монопольное право международного консорциума по финансированию Китая. Японское правительство сделало запрос в Пекине относительно займа у чикагских банкиров и осталось неудовлетворенным ответом китайского правительства⁷⁹).

Правительство Соединенных Штатов признало возражения необоснованными. «Это вмешательство со стороны союзных банкиров,— писал президент Вильсон Лансингу,— сильно меня раздражает, и я ду-

73) Foreign Relations, 1917, стр. 192. Лансинг французскому послу в Вашингтоне, 24 августа 1917 года.

74) Там же, стр. 187. Рейнш государственному секретарю, 14 июля 1917 года.

75) Foreign Relations, 1917, стр. 191—192.

76) Foreign Relations, 1917, стр. 195—196.

77) В. Сургу, цит. соч., стр. 147.

78) Foreign Relations, 1916, стр. 140—143.

79) Foreign Relations, 1917, стр. 129. Лансинг Рейншу, 5 апреля 1917 г.

маю, мы должны выразить наш протест в довольно ясных выражениях»⁸⁰). По указанию Вильсона американский посланник в Пекине Рейнш довел до сведения соответствующих дипломатических миссий, что любые попытки оказать давление на китайское правительство с целью заставить его отказаться от заключенного займа «встретят очень решительное сопротивление» со стороны правительства США⁸¹).

В первой половине 1917 г. «Континентальный и коммерческий трест и Сберегательный банк Чикаго» при поддержке государственного департамента вел переговоры об условиях размещения и гарантиях по заключенному займу. В начале июня эти переговоры завершились подписанием соответствующих соглашений⁸²).

Еще более энергично в деле экономического проникновения в Китай действовали японские монополии, накопившие значительные свободные капиталы благодаря военным прибылям. Добившись ряда привилегий в Китае по условиям «21 требования» в 1915 г., японский империализм стремился закрепить их путем установления собственного контроля над промышленностью, торговлей и финансами Китая. В 1916—1917 гг. японские банки навязали центральным и провинциальным властям Китая ряд значительных займов. В августе 1917 г. «Иокогама—Спешли Банк» предоставил пекинскому правительству заем в 10 млн. иен⁸³). В сентябре 1917 г. японский Банк промышленного развития подписал с железнодорожным банком Китая соглашение о предоставлении займа в 20 млн. иен⁸⁴). С 1915 г. до октября 1918 г. японские монополии по объявленным данным вложили в финансы и экономику Китая 391 430 000 иен⁸⁵). Фактически японские капиталовложения в Китай за этот период были значительно выше, так как многие из них из-за политических соображений держались втайне.

Усиленное проникновение японского и американского капитала в экономику Китая объяснялось как политическими, так и экономическими причинами. Инвестированный в Китае капитал приносил высокие прибыли. Так, по японским данным за 1912 год, действовавшие в Китае 52 крупных иностранных компании ежегодно выплачивали дивиденды от 5 до 40% от вложенного капитала, а в отдельных случаях дивиденды достигали более 70%⁸⁶). Дивиденды иностранных страховых компаний в Шанхае и Гонконге колебались от 20 до 50%⁸⁷).

Японские и американские займы подрывали позиции международного консорциума, претендовавшего на монопольное господство в китайских финансах. Особенно были встревожены английские монополии, игравшие ведущую роль в консорциуме и имевшие наибольшие капиталовложения в Китае. В таких условиях, по инициативе Англии, американская банковская группа во главе с Морганом была приглашена вернуться в консорциум⁸⁸).

Японское правительство считало, что в случае развертывания даль-

⁸⁰) R. Curry, цит. соч., стр. 153.

⁸¹) Там же.

⁸²) Foreign Relations, 1917, стр. 128, 130, 132—133.

⁸³) Foreign Relations, 1917, стр. 146.

⁸⁴) Там же, стр. 150—151.

⁸⁵) R. Curry, цит. соч., стр. 154.

⁸⁶) The Japan financial and economic Monthly, 1912, № 10, стр. 69—76.

⁸⁷) Там же, стр. 79.

⁸⁸) Американская банковская группа вышла из консорциума в марте 1913 года по указанию президента Вильсона, сделанному из политических соображений. Германские банкиры были вытеснены из консорциума в связи с войной. К 1917 г. в консорциум входили Англия, Франция, Япония и Россия.

нейшей конкурентной борьбы между Японией и США за контроль над финансами Китая преимущество будет на стороне более мощного американского финансового капитала. Поэтому Япония также высказалась за приглашение американских банкиров в консорциум. В связи с этим газета «Дзи-дзи» писала, что «присоединение Соединенных Штатов к консорциуму желательно», но запретить американским банкирам сепаратные финансовые операции в Китае невозможно. Затем «Дзи-дзи» указывала, что если США будут продолжать свои сепаратные капиталовложения в Китай, то они могут «остаться в одиночестве на случай, если четырем союзным державам придется спасать свои капиталы, вложенные в Китае»⁸⁹). Таким образом, газета подчеркивала общность интересов империалистических держав по сохранению полукOLONиального положения Китая.

Одной из причин приглашения Соединенных Штатов в консорциум было отсутствие «свободных» капиталов в странах Антанты в связи с войной. Вопрос о вступлении Соединенных Штатов в консорциум всплыл в августе 1916 г. в связи с обсуждением вопроса о реализации Второго реорганизационного займа для Китая в 100 млн. долларов⁹⁰). Государственный секретарь Лансинг положительно отнесся к вопросу об участии Соединенных Штатов в консорциуме.

30 января 1917 г. в Лондоне после предварительных переговоров состоялась конференция представителей англо-франко-русско-японских банковских групп, на которой было принято решение пригласить американскую банковскую группу во главе с Морганом вернуться в консорциум и принять участие в выпуске займа⁹¹). На этой же конференции было предварительно решено, что заем на сумму от 10 до 20 млн. фунтов стерлингов будет размещен равными долями в Соединенных Штатах и Японии. Кроме того, банкиры выдвинули требование, чтобы в качестве гарантии по этому займу китайское правительство передало под контроль консорциума дополнительные налоги на соль и налоги на землю. На пост «главного инспектора» по осуществлению контроля за поступлением налогов намечался представитель Японии⁹²).

8 марта 1917 г. американская группа банкиров⁹³) в письме на имя государственного секретаря изложила свои условия, на которых она согласилась бы вступить в консорциум. Банкиры требовали в целях «лучшей защиты американских держателей облигаций» более определенных гарантий со стороны китайского правительства по Хугуанскому займу, часть которого была выпущена в Соединенных Штатах американской группой в июне 1911 г. Кроме того, американская финансовая группа претендовала на одинаковое с Японией участие в контроле над поступлением китайских земельных налогов и соглашалась принять участие в займе лишь с одобрения и при поддержке своего правительства⁹⁴).

В сентябре 1917 г. в Пекине начались переговоры представителей консорциума с министром финансов Китая, который просил заем в 200 млн. мексиканских долларов для проведения денежной реформы⁹⁵). Однако пекинское правительство предлагало в качестве гарантии по

⁸⁹) «Китай и Япония», 1916, № 243, стр. 29.

⁹⁰) Там же, 1916, № 245, стр. 23.

⁹¹) *Foreign Relations*, 1917, стр. 128.

⁹²) Там же.

⁹³) В американскую банковскую группу входили: «Морган и К^о», «Куи, Леб и К^о», «Первый национальный банк Нью-Йорка» и «Национальный городской банк Нью-Йорка».

⁹⁴) *Foreign Relations*, 1917, стр. 126—127.

⁹⁵) Там же, стр. 138.

займу дополнительные доходы от соляного налога и морских таможен, но не соглашалось на включение в число гарантий поземельного налога, как того требовали представители консорциума.

Переговоры затягивались. В таких условиях пекинское правительство в ноябре 1917 г. обратилось к международной банковской группе с просьбой предоставить аванс в 2 млн. фунтов стерлингов⁹⁶). Японское правительство поддержало эту просьбу и, ссылаясь на то, что «стоимость банкнот, выпущенных китайским банком, падает», а это ведет к депрессии в торговле и «причиняет огромные потери местным и иностранным купцам», выразило пожелание выдать аванс за счет средств японских банкиров⁹⁷). Но против этого выступил государственный департамент США, который обратился к правительствам Англии и Франции с пожеланием, чтобы английские и французские банки приняли участие в предоставлении Китаю аванса в 2 млн. фунтов стерлингов и тем самым не допустили нового сепаратного японского займа Китаю до вступления США в консорциум⁹⁸).

Государственный департамент затягивал решение вопроса о вступлении американской банковской группы в консорциум, настаивая на выгодных для американского капитала условиях, а затем в 1918 г., в связи с истечением срока действия старого консорциума, правительство США выступило инициатором создания нового консорциума, в котором правящие круги Соединенных Штатов добивались главенствующей роли⁹⁹).

Закабаление страны иностранными империалистами вызывало растущее возмущение китайского народа. «21 требование», навязанное Японией Китаю в 1915 году, вызвало возмущение китайцев, которые все более активно выступали против империалистов. В начале 1915 г. начался бойкот японских товаров, вскоре охвативший основные районы страны. Под давлением Японии президент Юань Ши-кай в марте 1915 г. послал провинциальным властям Китая распоряжение, в котором требовал не допускать антияпонских выступлений¹⁰⁰). Однако антиимпериалистическое движение продолжалось, особенно сильным оно было на юге Китая. Антияпонскую агитацию вели «Патриотическая лига Китая», «Общество памяти национального движения Китайской республики» и другие патриотические организации, которые посылали агитаторов, выпускали прокламации и в короткий срок собрали 33 млн. долларов в «фонд спасения Китая»¹⁰¹). В результате бойкота ввоз японских товаров в Китай за первую половину 1915 г. по сравнению с этим же периодом предшествующего года уменьшился на 30 млн. иен¹⁰²).

Росло недовольство широких масс антинародной политикой Юань Ши-кай, которое особенно сильно проявилось на Юге. Русский посланник в Пекине Крупенский в январе 1916 г. писал: «Согласно полученным моим французским сотоварищем донесениям как от многочисленных подведомственных ему консульских представителей на Юге Китая, так и от пограничных французских властей, положение во всех южных провинциях вплоть до Шанхая представляется чрезвычайно тревожным.

⁹⁶) Foreign Relations, 1917, стр. 153.

⁹⁷) Foreign Relations, 1917, стр. 153—154. Посол США в Великобритании Пэйдж Лансинг, 12 ноября 1917 г.

⁹⁸) Там же, стр. 159. Лансинг Рейншу, 29 декабря 1917 г.

⁹⁹) Цинь Бэнь-ли, История экономической агрессии американского империализма в Китае, М., 1951, стр. 55—57.

¹⁰⁰) Китай и Япония, 1915, № 227, стр. 7.

¹⁰¹) Там же, № 229, стр. 124. «Харбинский вестник», 12 июля 1916.

¹⁰²) «Китай и Япония», 1915, № 231, стр. 2.

Недовольство нынешним пекинским правительством, независимо от монархической или республиканской формы правления, пустило глубокие корни в населении, и если теперешняя вспышка и останется локализованной, то в будущем можно ожидать общего восстания, обещающего быть гораздо более серьезным, чем так называемая «вторая революция» 1913 года»¹⁰³).

В июле 1916 г. произошел инцидент в Чженцзятуне, вызвавший новый взрыв антияпонского движения в Китае. Японское правительство с целью укрепления своих позиций в Южной Маньчжурии и получения удобного пути во Внутреннюю Монголию добилось в 1915 г. права на постройку железной дороги от Сыпина Сыпингая — станции на ЮМЖД, расположенной к северу от Мукдена до Чженцзятуна, находящегося примерно в 100 км к востоку от Сыпина. В Чженцзятун был направлен японский военный отряд и здесь появилось много японцев, занятых на строительстве железной дороги, в торговле и т. д. Спровоцированный японцами конфликт привел к перестрелке между китайскими и японскими солдатами, в которой были убитые и раненые с обеих сторон¹⁰⁴). Затем японские офицеры вызвали подкрепления, заняли город и арестовали многих китайцев.

Японские милитаристы всячески раздували Чженцзянтунский инцидент. Согласно сообщению газеты «Мансю-Ници-Ници» от 28 августа 1916 г., японское правительство требовало отвода китайских войск из этого района, компенсации убытков, отстранения китайского генерала, командовавшего дивизией, солдаты которой принимали участие в столкновении, и передачи полицейских функций в китайских поселках, расположенных на линии ЮМЖД, японцам и т. д.¹⁰⁵). В Китае начались новые антияпонские выступления, в различных городах были проведены антияпонские митинги и демонстрации¹⁰⁶). Произошел ряд новых столкновений с японцами. Инцидент был урегулирован лишь в январе 1917 года¹⁰⁷).

20 октября 1916 г. французская полиция в Тяньцзине арестовала китайских полицейских и французский консул объявил о расширении французской концессии на 170 гектаров, силой захваченных у Китая. Самоуправство французской полиции вызвало взрыв возмущения. В Тяньцзине состоялся митинг протеста, на котором присутствовало 8 тыс. человек. В Китае начался бойкот французских товаров¹⁰⁸).

В 1917 г. антиимпериалистическое движение в Китае продолжало усиливаться, особенно в связи с революцией в России и вовлечением Китая в мировую войну. Представители США, Японии, Англии и других империалистических держав неоднократно вмешивались во внутренние дела Китая, добиваясь прекращения революционной и национально-освободительной борьбы. Однако это не давало должного эффекта. В прессе западных стран стали появляться статьи о неизбежности возрождения Китая и других стран Азии после войны. В таких условиях правящие круги США, напуганные революцией в России и подъемом освободительной борьбы китайского народа, решили пойти на соглашение с Японией по вопросам политики в Китае.

¹⁰³) Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 778—779.

¹⁰⁴) «Китай и Япония» 1916, № 244, стр. 98—100.

¹⁰⁵) Там же, 1916, № 245, стр. 116.

¹⁰⁶) Там же, стр. 37, 114—115.

¹⁰⁷) Там же, 1917, № 249, стр. 58.

¹⁰⁸) «Китай и Япония», 1916, № 247, стр. 23—24.

Следует отметить, что к лету 1917 г. японо-американское соперничество в Китае достигло весьма большого обострения. Активное паникновение Соединенных Штатов в Китай вызывало серьезное беспокойство правящих кругов Японии. В июне 1917 г. американский представитель в Токио сообщил о том, что, по мнению японского правительства, «американское влияние в делах Китая все больше и больше угрожает» положению Японии в этой стране¹⁰⁹). Однако основные военно-морские силы Соединенных Штатов были заняты в Европе и Атлантическом океане. Это также было одной из причин, в силу которых правительство США решило искать временного соглашения с Японией. Как пишет американский автор: «В данный момент казалось, переговоры являются более реальным методом достижения целей американской политики в Восточной Азии»¹¹⁰). В свою очередь правительство Японии решило использовать вступление США в войну отвлечение их сил на европейские театры войны для того, чтобы добиться признания японских захватов в Китае. В США с этой целью был направлен чрезвычайный посол военного времени Исии¹¹¹).

Во время переговоров между Исии и государственным секретарем США Лансингом японские политики всячески подчеркивали свое дружественное отношение к Соединенным Штатам и готовность идти на широкое сотрудничество. В сентябре 1917 г. в США была направлена японская парламентская делегация, кроме того, было решено послать особую финансовую миссию во главе с бароном Т. Мегата. В связи с приездом миссии Мегата в американской печати появились сообщения о том, что цель этой миссии — обсудить с американскими капиталистами возможности «совместного развития производительных сил Китая», есть эксплуатации китайского народа.

2 ноября 1917 г. после длительных переговоров в государственном департаменте произошел обмен официальными нотами между Лансингом и Исии относительно политики в Китае. Правительство США признало, что Япония имеет специальные интересы в Китае, в особенности в соседних с ней областях. В этом же соглашении признавал принцип «открытых дверей» для торговли и промышленности в Китае¹¹²). Кроме того, по условиям дополнительного протокола Япония обязалась не приобретать таких прав и привилегий в Китае, которые наносили бы ущерб правам граждан других государств¹¹³).

Следует отметить, что пекинское правительство Китая официально протестовало против этого империалистического соглашения¹¹⁴). Япония в ответ на признание японских политических интересов в Китае в основном перестала активно противодействовать экспансии американского капитала в странах Дальнего Востока.

В результате соглашения Лансинг — Исии правительство Соединенных Штатов признало позиции Японии, захваченные последней в Китае к моменту подписания соглашения, и одновременно с этим стремилось положить предел дальнейшей экспансии Японии. Это соглашение привело лишь к кратковременному перемирию между двумя империалистическими державами.

¹⁰⁹) В. Curry, цит., соч., стр. 170.

¹¹⁰) Там же, стр. 174.

¹¹¹) См. К. Исии, цит. соч., стр. 89—98.

¹¹²) J. Mac Murray, *Treaties and agreements with and concerning China* т. II, (1912—1917), New York, 1921, стр. 1394—1395.

¹¹³) Подробнее о соглашении Лансинг—Исии см. Е. И. Попова, *Столкновение американского империализма с японским в 1917 г.*, «Вопросы истории» 1952, № 9.

¹¹⁴) «Харбинский вестник», 15 ноября 1917 г.

риалистическими державами и не снимало острой борьбы между ними из-за господства в Китае.

Временное улучшение взаимоотношений с Японией дало возможность Соединенным Штатам перебросить часть своего флота из Тихого океана в Атлантический для военных операций против Германии и активно выступить против нараставшего революционного подъема на Дальнем Востоке.

Еще до Октябрьской социалистической революции США и Япония при поддержке других стран Антанты стали выступать как контрреволюционная сила с целью задержать дальнейшее развитие революции в России и не допустить выхода России из войны. Вскоре после февральской революции в Японию из России стали поступать сведения о все усиливавшейся тяге русского народа к миру. Это весьма беспокоило японское правительство. 5 апреля 1917 г. японские власти затребовали от своих представителей точных сведений о положении русских войск на фронте¹¹⁵). В это же время синдикат японских банков временно прекратил переговоры, которые шли в Токио о новом займе для России.

Япония, как и другие страны Антанты, признала Временное правительство, но мало считалась с ним. Правящие круги Японии угрожали нападением на Россию в случае заключения последней сепаратного мира с Германией, тем самым оказывалась поддержка контрреволюционным силам в России, стоявшим на позициях продолжения войны до победного конца.

О том, что правящие круги США стремились также не допустить выхода России из войны, свидетельствует много фактов. 31 мая 1917 г. американское посольство в Петрограде передало министру иностранных дел Временного правительства сообщение относительно посылки чрезвычайной миссии Рута в Россию. В этом сообщении упор делался на то, что Россия будет продолжать войну, а США «готовы оказать всяческое содействие и помощь русскому народу для доведения до конца войны»¹¹⁶).

Так упорно боролись империалисты за то, чтобы народы России продолжали лить кровь за чуждое им дело. Необходимо учитывать, что в тех конкретных условиях, когда партия большевиков во главе с В. И. Лениным взяла курс на пролетарскую революцию и революционный выход из войны, давление на Россию с целью заставить ее продолжать войну было прямой поддержкой внутренней контрреволюции.

За годы первой мировой войны Япония и Соединенные Штаты Америки намного укрепили свои позиции на Дальнем Востоке и в Китае. Но победа Великой Октябрьской социалистической революции и дальнейший рост национально-освободительного движения в Китае коренным образом изменили международную обстановку на Дальнем Востоке. Дипломатические комбинации, созданные США и Японией вкрупне с другими империалистами с целью укрепления своего господства в Китае, оказались подорванными.

¹¹⁵) «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 128. Мотоно Утида, 5 апреля (2 марта), 1917 г.

¹¹⁶) «Харбинский вестник», 7 июня 1917 г.

Е. В. ЕЛИСЕЕВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОССТАНИЯ В ГЕРЦЕГОВИНЕ ЛЕТОМ 1875 г. И ЕГО РУКОВОДИТЕЛИ

В начале июля 1875 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание крестьян южной Герцеговины¹⁾. Эта область, расположенная в северо-западной части Балканского полуострова, входила в состав турецкой империи. Причиной восстания было невыносимое угнетение герцеговинских крестьян со стороны феодалов-помещиков и чиновников Османской империи. Гнет классовый сплетался здесь с национально-религиозным, так как герцеговинцы принадлежали к сербской ветви среди славянских народов и исповедовали христианскую религию, а помещики и чиновники были турками-мусульманами²⁾.

Первая половина июля 1875 г. прошла в Герцеговине под знаком концентрации сил как со стороны восставших, так и со стороны представителей власти и помещиков. К середине июля 1875 г. восстанием были охвачены в той или иной мере все округа Южной Герцеговины: Любушский, Невесиньский, Столацкий, Гацкий, Требиньский. В них насчитывалось до 10 тыс. славянских домов и до 50 тыс. человек мужчин³⁾. Сборным пунктом восставших стал Невесиньский округ, расположенный в лощине между скалами к юго-востоку от города Мостара, — административного центра провинции.

Дервиш-паша, губернатор Боснийского вилайета, куда входила и Герцеговина, 2 июля 1875 г. отдал распоряжение об отправке в район восстания солдат регулярной армии. Турецкие помещики-беки также стали создавать из своей челяди банды для расправы с крестьянами. Вместе с тем Дервиш-паша стремился прекратить разгоравшееся восстание запугиванием и лживыми обещаниями улучшить положение крестьян.

В начале июля он издал прокламацию, в которой требовал прекращения восстания, выдачи вооруженных крестьян и подчинения властям. Но она не оправдала надежд Дервиша-паши. Крестьяне видели, как вооружаются помещики, и знали, чем это может обернуться для них.

1) Е. В. Елисеева, Начало восстания в Герцеговине в 1875 году, «Сборник научных работ кафедр всеобщей истории и истории СССР. Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева», т. 150. Изд. Томского университета, 1960.

2) Е. В. Елисеева, К вопросу о социально-экономических отношениях и национальном гнете в Боснии и Герцеговине перед восстанием 1875 года, «Пятая научная конференция. Секция социально-экономических и исторических наук». Там же, т. 136. Изд. Томского университета, 1957.

3) И. Я. В. Летопись восстания в Герцеговине, «Русский мир», 5 (17) августа 1875 г.

Поэтому они не расходились из лагерей, где собирались, хотя и не предпринимали пока активных действий.

Между тем губернатор, собирая силы для подавления восстания, продолжал проводить политику угроз в отношении его участников, а также и того населения, которое еще не вышло из повиновения. Эти угрозы, по мнению турецкого администратора, должны были предотвратить распространение восстания на северные округа. 23 июля 1875 года он опубликовал вторую прокламацию, напечатанную на турецком, сербском и греческом языках и широко распространенную в Боснийском и соседних с ним вилайетах.

Эта прокламация гласила: «Народам его величества султана! Волею султана будучи назначен подавить революцию и на основании полномочий, предоставленных мне великим визирем, объявляю, что всякое лицо, которое окажет помощь инсургентам, подлежит смертной казни. Объявляю во вверенных моему управлению провинциях осадное положение; объявляю, что каждый правоверный магометанин имеет право арестовать или предоставить ко мне всякое лицо, которое заподозрено в участии в восстании или в оказании какой-либо помощи врагам нашего преславного султана... объявляю, что все корпорации должны быть готовы служить нам беспрекословно во всем, что может нам потребоваться. Молния султана да поразит всех тех, которые не следуют нашим велениям, и справедливость требует, чтобы мы были тогда неумолимы. Повелеваю не давать ни одному мятежнику приюта и затем всякое лицо, как давшее, так и принявшее убежище, будет казнено смертью. Повелеваю также молиться во всех храмах, находящихся в зависимости от нашей юрисдикции, о даровании пресветлому султану... божией помощи и защиты пророка»⁴⁾.

В этом воззвании, которое затем Дервиш-паша именовал «попыткой договориться с восставшими мирным путем», как в капле воды отражалась вся система управления турецкой администрации в нетурецких областях и взгляды правящих классов Турции на положение славянской райи (как презрительно называли крестьян) в Оттоманской империи. Вводя в провинциях осадное положение и угрожая смертной казнью как схваченным участникам восстания, так и всем жителям, оказавшим в какой-либо форме помощь повстанцам, генерал-губернатор тем самым отменял совершенно вопрос о какой-либо правомерности восстания, о каких-либо притязаниях славян.

Последние рассматривались главой турецкой администрации вилайета в качестве завоеванного населения, законное состояние и удел которого—безропотно подчиняться помещичье-бюрократической системе управления завоевателей. Всякая попытка вырваться из такого положения расценивалась Дервиш-пашой как нарушение «справедливости» с точки зрения данного правящего класса, который считал себя вправе быть «неумолимым».

Объявляя, что каждый мусульманин имеет право арестовывать всякого даже по подозрению в участии в восстании или оказании помощи восставшим, Дервиш-паша тем самым узаконивал ту войну, которую уже вели помещики против крестьян. Тем самым генерал-губернатор поощрял террор, жестокости и насилия, которые процветали в вилайете и ранее и которыми турецкие землевладельцы стремились удержать герцеговинцев в покорности теперь.

Требую от корпораций полного повиновения и службы, Дервиш-

4) «Русский мир», 29 июля (10 августа) 1875 г.

паша имел в виду, прежде всего, корпорации босногерцеговинских ремесленников, которые должны были обеспечивать турецкие войска оружием и другими необходимыми вещами. Повеление генерал-губернатора молиться в храмах, «находящихся в зависимости» от турецкой юрисдикции, о даровании побед султану над «мятежниками» являлось прямым издевательством над религиозными и национальными чувствами славянского населения. Речь шла о христианских храмах, которые подчинялись верховному контролю турецкого государства. Крестьяне, отягощенные налогами и повинностями, доведенные до отчаяния лихоимством турецкой администрации, надеялись на улучшение своего положения после начала восстания. Поэтому требование молиться в церквах за успех военных действий угнетателей-турок против восставших, естественно, рассматривалось славянами, как чудовищное оскорбление.

Прокламация Дервиш-паши принесла результаты прямо противоположные тем, на которые рассчитывал этот представитель власти. Она еще раз показала славянскому населению вилайета, что в условиях турецкого управления ему лишь обеспечены полное бесправие, произвол помещиков и чиновников, насилия и казни, национальные и религиозные оскорбления. Вследствие этого после появления прокламации, решимость партизан бороться с оружием в руках за свои права только окрепла и усилился приток добровольцев в партизанские лагеря. Стала более смелой и тактика повстанцев.

Во всех округах Южной Герцеговины, охваченных восстанием, вслед за опубликованием второй прокламации Дервиш-паши стали появляться летучие, маневренные отряды партизан, которые задерживали транспорты с боеприпасами и продовольствием для снабжения турецких военных частей. Им удалось даже однажды захватить почтовую корреспонденцию и шифрованные донесения турецкого консула в Рагузе, направленные через Герцеговину в Константинополь⁵). Начались и первые сражения повстанцев с регулярными турецкими войсками. Эти боевые схватки в июле и первой половине августа 1875 г. были удачны для партизан, которые стойко сопротивлялись наступающим туркам.

Уже 23 июля имели место нападения турецких регулярных военных частей на партизан в Невесинье, где произошло упорное сражение и имелось большое число убитых и раненых с обеих сторон. Того же числа войска атаковали партизан возле окружного города Столаца (к юго-западу от Невесинья) и города Дабара (к юго-востоку от Столаца). На следующий день турки снова атаковали повстанцев под Дабаром, где бой длился весь день, а также у Габеллы, городка близ австрийской границы⁶).

Турецкие части под командованием опытного офицера Селим-паши, сосредоточенные около Невесинья, 27 июля были внезапно окружены партизанами. У турок имелось 1100 человек, у партизан — 1400. Последние были вооружены хорошими для того времени ружьями, которые заряжались с казенной части. Крестьяне-повстанцы дрались без перерыва несколько часов подряд, добившись решительной победы над турками. Селим-паша и много других турецких офицеров были ранены. Потери с обеих сторон были значительны⁷). Это упорство партизан, возмущенных угрозами второй прокламации Дервиш-паши, показы-

5) «Герцеговинское восстание и восточный вопрос», СПб, 1876, стр. 23.

6) «Русский мир», 18 (30) июля 1875 г. и 19 (31) июля 1875 г.

7) А. Фелькнер, Славянская борьба 1875—1877 гг., СПб, 1877, стр. 33.

вало туркам, что в лице их вчерашней «райи» они имели очень опасного противника.

Тогда же развернулся новый бой под Столацом, в итоге которого турки потеряли 150 человек убитыми и пленными. Но под Габеллой туркам удалось оттеснить партизан на противоположный берег реки Крупац⁸⁾. В сражении при Дабаре 28 июля ожесточенный бой окончился поражением турок⁹⁾. 29 июля турки с помощью кавалерии хотели завладеть православным монастырем Дуже, расположенным к западу от города Требинье в юго-западной части Герцеговины, но после семичасового боя были отбиты с большим уроном. Так же неудачна была попытка турок одержать победу над партизанами у города Билеча¹⁰⁾.

Таким образом, намерения Дервиш-паши разгромить повстанцев в июле 1875 г. силами военных гарнизонов Боснийского вилайета не увенчались успехом. Крестьяне-партизаны, поднявшись на борьбу для того, чтобы избавиться от своих угнетателей, стойко выдерживали натиски профессиональных турецких солдат и сами наносили им чувствительные удары, имея при этом гораздо меньшие потери убитыми и ранеными. Так, по данным корреспондента из Черногорской столицы Цетинье, на конец июля в стычках с турками партизаны потеряли лишь около 80 человек¹¹⁾. В конце июля — начале августа повстанцы располагали 3500 ружьями¹²⁾. В то же время, по данным современников, в партизанских лагерях насчитывалось до 10 000 человек¹³⁾, которым не хватало оружия.

Первые успехи восставших в борьбе с турками способствовали дальнейшему развитию восстания как по числу населения, поднимавшегося на борьбу, так и по организации. Крестьяне взялись за оружие стихийно, повинувшись необходимости самозащиты. Никаких предварительно разработанных планов восстания и организации для этого в Герцеговине не было, но объективно предпосылки для такого восстания назревали давно, так же, как и стремления массы угнетенных сербов вилайета, а особенно боснийско-герцеговинской буржуазии к национальному самоопределению. Наиболее отчетливо эти стремления формулировались теми представителями боснийско-герцеговинской эмиграции в Сербии, которые были связаны с великосербским идейно-политическим движением.

В начале августа 1875 г. газеты, следящие за событиями в Герцеговине, поместили сообщения о том, что в конце июля образовался «...обширный тайный комитет, неизвестно где заседающий, тем не менее ведущий сильную пропаганду. Комитет этот распространил в Герцеговине и Боснии (второй славянской провинции, входившей в состав Боснийского вилайета.—Е. Е.) прокламацию, написанную на латинском и сербском языках и отпечатанную в Триесте»¹⁴⁾. Она была опубликована 31 июля.

Эта прокламация прославляла мужество герцеговинцев, поднявшихся на борьбу с турками, как достойных потомков сербских борцов за независимость — Милоша Обилича и Марко Краевича. Далее, в

8) «Русский мир», 23 июля (4 августа) 1875 г.

9) А. Фелькнер ...стр. 34.

10) «Славянская война за независимость». Светопечатный сборник, 1877, вып. II, стр. 2.

11) «Русский мир», 22 июля (3 августа) 1875 г.

12) «Русский мир», 27 июля (8 августа) 1875 г.

13) «Живописное обозрение», № 37, 14 сентября 1875 г., стр. 583.

14) «Русский мир», 26 июля (7 августа) 1875 г.

ней подчеркивалась необходимость продления настоящего восстания для того, чтобы принудить Сербию и Черногорию оказать помощь восставшим. Прокламация требовала признания национальной независимости за каждым вероисповеданием и указывала на необходимость убедить фанатиков турок и католиков, что религия не делает различия между единым сербским народом Герцеговины и что «все, говорящие одинаковым языком,— братья»¹⁵⁾.

Переходя к вопросу о политической программе восстания, авторы прокламации говорили о том, что, хотя теперь и нельзя возродить в полном объеме некогда существовавшее великое сербское государство, «...но,— как излагает прокламация газета,— независимое сербское государство может существовать в настоящее время. Поэтому, если населению Боснии и Герцеговины удастся освободиться из-под ненавистного ига турецких мусульман, то нужно стараться, чтобы жители этих древнеславянских земель слились в одно государство с Сербией и Черногорией. Изменником отечества следует считать каждого, кто замышляет предать Герцеговину и Боснию во власть чужеземцев. Должна ли в будущем новом государстве царствовать сербская или черногорская династия,— заключает прокламация,— это безразлично; об этом вопросе спорить не следует, ибо князя Милан Обренович и Николай Петрович могут войти между собой в соглашение по этому предмету»¹⁶⁾.

Прокламация, таким образом, известила герцеговинцев о создании некоего органа, бравшего на себя руководство восстанием. Появление его было закономерным фактом в развитии восстания. Теперь перед ним ставилась определенная, ясно сформулированная политическая цель — борьба за создание независимого сербского государства, куда вошли бы сербы Турецкой империи. Место создания этого комитета, участники, их деятельность, связь с национально-освободительным движением, которое разворачивалось в суверенном Сербском княжестве, не отражены как в русской и иностранной литературе, так и в документах, которые явились источниками для написания данной статьи.

Поэтому можно делать лишь предположительные выводы о создании комитета и его участниках на основании изложенной в газете программы и некоторых других данных. Несомненно, что комитет составил прежде всего из числа представителей боснийской буржуазной эмиграции, находившейся до восстания в Сербии. Также бесспорно, что он находился под идейным влиянием буржуазно-либеральной партии «Омладина», созданной в Сербии и выдвигавшей великосербскую идею. Комитет, совершенно очевидно, был создан вне пределов Герцеговины, так как это должно было обеспечить ему свободу деятельности и контакт с внешним миром.

Вполне возможно, что он находился в Триесте, где была отпечатана прокламация, но еще вероятнее, что его местопребыванием стал Белград — средоточие боснийской эмиграции. В пользу второго предположения говорит и то, что, по единогласным сообщениям корреспондентов венских газет из Белграда и Далмации, в начале августа в столице сербского княжества специально для помощи герцеговинским повстанцам организован комитет из членов «Омладины»¹⁷⁾. Последний не мог не знать о деятельности названного тайного комитета по руко-

15) «Русский мир», 26 июля (7 августа) 1875 г.

16) Там же.

17) «Русский мир», 23 июля (4 августа) 1875 г.

водству восстанием и не поддерживать с ним связи. Ее можно было особенно удобно осуществлять в Белграде.

Несомненным участником, организатором и даже идейным главой тайной повстанческой организации являлся Михаил Любобратич, избранный в августе 1875 г. главным предводителем восстания¹⁸⁾. Он родился в 1839 г. в одной из деревень Требиньского округа Герцеговины и, по словам современного Любобратичу биографа, как «потомок одной из знаменитейших фамилий послан в училище в Дубровник»¹⁹⁾. Из этого мы видим, что он был отпрыском семьи из той незначительной части славянской привилегированной верхушки, которая не приняла ислама завоевателей. В 1861 г. он участвовал в восстании в южной Герцеговине, возглавленном Лукой Вуколовичем. Любобратич был личным секретарем и правой рукой Вуколовича. В 1863 г., после подавления восстания, Любобратич, сопровождая Вуколовича, посетил Россию и жил в Одессе. Оттуда Любобратич отправился в Белград, где он находился до начала восстания в Герцеговине в 1875 г., занимаясь, по свидетельству современника, «стратегией, литературой и иностранными языками». Он хорошо говорил по-итальянски и по-французски, свободно читал по-русски и понимал по-немецки²⁰⁾.

Таким образом, Любобратич жил в Белграде на положении ветерана Герцеговинского восстания 1861 г. Являясь наиболее образованным из числа всех вождей восстания 1875 г., он, несомненно, был вождем боснийской эмиграции в Сербии, связанной с «Омладиной». Поэтому вполне вероятно, что после начала восстания крестьян в июле он принял на себя роль организатора тайного комитета по руководству восстанием.

Программа тайного комитета была весьма умеренной, отражающей, прежде всего, интересы верхов зажиточного славянского населения Боснийского вилайета. Они стремились ограничить задачи восстания исключительно политическими вопросами — созданием независимого национального государства под властью сербской или черногорской династии. Что касается социально-экономических отношений, то они предпочитали оставить их неизменными. В программе ни одного слова не говорилось о том, что более всего волновало крестьян — о земле, принадлежащей помещикам, о наделении райи политическими правами и участии ее в управлении, о повинностях, которые несли крестьяне.

Обращает внимание также антиавстрийская направленность прокламации. Называя «изменником отечества» каждого, «кто замышляет предать Герцеговину и Боснию во власть чужеземцев», авторы ее явно кивали в сторону тех элементов, которые политически тяготели к Австрии и хотели использовать восстание для усиления в провинциях австрийского влияния.

Анализ прокламации заставляет также думать, что среди участников комитета не было единого мнения по вопросу о том, на какую династию, на какое правительство следует прежде всего ориентироваться — на Сербию или Черногорию. Очевидно, для того, чтобы не упускать время на трения и раздоры в комитете по этому поводу, прокламация призывала пока «не спорить», откладывая решение вопроса до будущего времени.

Несмотря на то, что авторы этого документа выступали в нем как

18) «Славянская борьба за независимость». Светопечатный сборник, 1877, стр. 2.

19) «Живописное обозрение», № 23, 1876, стр. 358.

20) «Герцеговинское восстание и восточный вопрос», СПб, 1876, стр. 28.

монархисты и чрезвычайно умеренные политические руководители, создание комитета и опубликование программы явились положительными факторами в развитии восстания. Развернувшееся стихийное крестьянское движение находило, таким образом, вождей и политические цели борьбы, которые затем крестьянские массы дополнили своими собственными социально-экономическими требованиями.

Наряду с Любобратичем, игравшим ведущую роль и командовавшим партизанами Требиньского округа²¹⁾, непосредственными руководителями партизанских отрядов являлись представители молодой боснийско-герцеговинской буржуазии и интеллигенции. Так, партизанами Невесиньского округа командовал Лазарь Сочица. Он родился в 1842 г. в селе Плужино близ Пивы (к юго-востоку от города Гацко, недалеко от Черногорской границы). После смерти отца он воспитывался у дяди — архимандрита Пивского монастыря, где выучился грамоте, а затем был усыновлен своим отчимом — пивским воеводой.

В 1859 г. в Пиве вспыхнуло восстание. Лазарь Сочица принял в нем участие и получил от черногорского князя награду. После окончания восстания он, как один из наиболее богатых славян-землевладельцев этой местности, был назначен юзбашой (начальником отряда полиции) и официальным представителем от христиан Пивского округа при турецких властях. В его распоряжении находилось 42 человека пандуров — вооруженных славян, обязанных поддерживать порядок в округе.

Сочица исполнял свои административные обязанности, защищая интересы сербов, и одновременно занимался торговлей и поставками продовольствия. Турецкое правительство наградило его орденом в 1867 г. В 1873 г. он энергично действовал в пользу нескольких арестованных турками пивян и затем, боясь преследований со стороны администрации, бежал сам в Черногорию. Турки выпустили арестованных и предлагали Сочице вернуться, но он медлил ответом и занимался торговлей в черногорском городе Шавнике, находясь под особым покровительством черногорского князя.

Едва только в Герцеговине вспыхнуло восстание, Сочица уже 21 июля явился в Пиву, а оттуда направился в центр восстания — Невесинье. Сочица прибыл сюда как раз после издания второй прокламации Дервиш-паши. 16 человек руководителей, за которыми шли собравшиеся здесь повстанцы, колебались и намеревались, ввиду угроз Дервиш-паши, сложить оружие. Сочица убедил их не верить обещаниям генерал-губернатора и был прав, так как невесиньский паша получил приказ убить четырех наиболее влиятельных невесиньских предводителей восстания. Затем он с двумястами партизан впервые сразился с отрядом Селим-паши, командующего турецкими военными силами в Невесинье. Последний потерял в этом бою 40 человек солдат²²⁾. С этого времени Лазарь Сочица стал одним из наиболее влиятельных и популярных вождей восстания.

Наряду с ним проявил себя в качестве вождя повстанцев Пейко Павлович. Он встретил это восстание уже 50-летним человеком, большая часть жизни которого была посвящена борьбе с турками. Он пользовался широкой известностью вследствие²³⁾ участия в восстаниях гер-

²¹⁾ «Борьба за независимость страждущих славян Балканского полуострова», М., 1877, стр. 62.

²²⁾ «Русский мир», 25 февраля (8 марта) 1876 г.

²³⁾ «Борьба за независимость страждущих славян Балканского полуострова», М., 1877, стр. 56.

цеговинцев в 1860, 1861 и 1862 гг. Павлович родился в знатной черногорской семье в Черногории. Будучи совершенно неграмотным, он прекрасно знал боевую историю сербского народа и «не усвоил себе других понятий,— говорит о нем современный автор,— кроме борьбы с турками». Поэтому, едва выйдя из юношеского возраста, он переселился в Герцеговину, где 17 лет гайдучил, защищая угнетенных крестьян от произвола турок²⁴⁾.

К моменту настоящего восстания Павлович находился в Черногории, но как только оно вспыхнуло, он немедленно явился в Гацкий округ. Убедясь в том, что с турками невозможно договориться мирным путем, он встал на защиту славян от истязаний и занялся охраной их имущества от разграбления. Пейко создал летучий отряд партизан, прикрывая с ним последовательное очищение селений в южной Герцеговине, жители которых вместе с домашним скарбом и скотом переселялись к границам Черногории. «Как гений истребитель,— пишет современный автор о Павловиче,— он переходил от одного оставленного селения к другому, предавая пламени все, что было покинуто или принадлежало мусульманам ...консулы насчитали до 81 спаленных таким образом селений»²⁵⁾. Павлович был вождем партизан Гацкого округа.

В этом же округе выступал и другой, широко известный в Герцеговине, участник восстания 1861 г. — священник Богдан Симонич (или Зимонич). Он родился в 1819 г. в старинной герцеговинской семье местных кнезов (старейшин). Его отец был священником в Гацко. Богдан занял место отца после смерти последнего, используя свое положение для оказания помощи тем, кто выступал против Турции. В 1859 г. турки арестовали его и направили в Мостарскую тюрьму, где Симонич был прикован к стенам. В 1861 г., в начале восстания Луки Вуколовича, турецкие власти выпустили Богдана в обмен на его обещание содействовать успокоению народа.

По прибытии на место Симонич вопреки данному обещанию призвал гачан к восстанию и возглавил их борьбу. После поражения восстания бежал в Черногорию, оставив свой дом и значительное богатство. В Черногории Симонич был назначен граховским воеводой и членом сената. После начала восстания в Невесиньском округе Симонич сразу же явился к своим землякам и снова возглавил их в борьбе с турками²⁶⁾.

Помимо указанных в восстании принимало участие, в качестве руководителей, большое число других представителей местной славянской буржуазно-интеллигентской верхушки: торговцы, кнезы, священники. Они являлись элементами того слоя складывающейся молодой буржуазии, которая наиболее остро ощущала несоответствие феодальных отношений Турецкой империи потребностям буржуазного экономического развития.

В конце июля конкретные требования, которые выдвигались восставшими крестьянами правительству, сводились к следующему: 1) отмена дополнительной десятинной подати; уменьшение налога на овец с 90 до 14 пиастров за штуку; 2) уменьшение военной подати (за освобождение райев от военной службы) с 28 и 35 пиастров до 15 пиастров в год с человека, с тем, чтобы ее платили мужчины лишь в возрасте от 15 до 45 лет, а не в течение всей жизни; 3) введение местного

24) А. Фелькнер, Славянская борьба 1875—1877 гг., СПб, 1877, стр. 102.

25) Там же.

26) «Живописное обозрение», № 23, 1876, стр. 359.

полицейского управления и назначение полицейских чиновников из среды христиан, а не исключительно мусульман²⁷⁾. Требования эти были по-прежнему весьма умеренными, выполнение которых не представляло никакой опасности для власти Турции в Боснийском вилайете.

Но турецкая администрация не собиралась идти ни на какие уступки восставшим и все свои надежды возлагала на силу оружия, хотя положение Дервиш-паши было весьма затруднительным. У него, прежде всего, не было денег для ведения военных действий. Чтобы достать их, он потребовал от наиболее состоятельных землевладельцев-мусульман вилайета уплаты налогов за будущее время, а также заключил от имени турецкого правительства принудительный заем в 200 тысяч пиастров в сараевских ростовщиков²⁸⁾.

Дервиш-паша обратился также с просьбой к высшему духовенству христианских церквей о том, чтобы оно приняло все меры для убеждения верующих в необходимости прекратить восстание. Православный митрополит и католический епископ Мостара, являвшиеся верными агентами турецкого правительства в деле эксплуатации населения, охотно пошли навстречу Дервиш-паше и развернули пропаганду о прекращении восстания и возвращении повстанцев домой²⁹⁾. Католический епископ специально для этой цели выезжал в Габеллу. Католическое население, веря епископу в том, что турки изменят свое отношение к христианам, стали возвращаться в родные места³⁰⁾.

Но в целом христиане южной Герцеговины, ободренные успехами своей борьбы, продолжали нападать и защищаться. Поражения турок в конце июля у Невесинья, под Столацем, у Добры, при монастыре Дуже, у Билеча заставили Дервиш-пашу настойчиво повторять турецкому правительству свои требования о присылке подкреплений, с которыми он безуспешно обращался на протяжении второй половины июля. К началу августа у боснийского генерал-губернатора имелось в Герцеговине 10—12 батальонов солдат регулярной армии при наличии в каждом батальоне 8 рот по 50 человек в каждой. Таким образом, Дервиш-паша распоряжался боевыми силами в 4000—4800 человек. Для подавления восстания в Герцеговине этих солдат было недостаточно³¹⁾.

С первых дней августа турецкое правительство отдало распоряжение начать подготовку для переброски в Герцеговину своих регулярных военных частей из Туниса, Крита и Варны³²⁾. Доставить их в восставшую провинцию наиболее удобным путем можно было лишь через два выхода к Адриатическому морю, которыми обладала Герцеговина: бухты Клек (к северу) и Боккади-Каттаро (к югу). Обе, в силу турецко-австрийского трактата, являлись нейтральными и пользоваться ими для военных целей можно было лишь с согласия Австрии³³⁾. Последняя дала необходимое Турции разрешение на высадку частей подкрепления в бухте Клек, которые ожидалась там в середине августа.

Однако доставка турецких войск и боеприпасов в бухту Клек была самой легкой частью общей задачи по пополнению боевых сил, нахо-

27) «Герцеговинское восстание и восточный вопрос», СПб, 1876, стр. 20.

28) А. Фелькнер, Славянская борьба 1875—1877 гг., СПб, 1877, стр. 34.

29) «Герцеговинское восстание и восточный вопрос», СПб, 1876, стр. 22.

30) «Русский мир», 23 июля (4 августа) 1875 г.

31) «Русский мир», 3 (15) августа 1875 г.

32) А. Фелькнер, Славянская борьба 1875—1877 гг., СПб, 1877, стр. 34.

33) «Русский мир», 3 (15) февраля 1876 г.

дящихся в ведении боснийского генерал-губернатора. Самой сложной операцией ввиду бездорожья являлась переброска их от бухты внутрь провинции, непосредственно к очагам восстания. В Герцеговине имелась лишь одна более или менее удобная шоссейная дорога, которая связывала города Мостар, Столац и Требинье с внешним миром через бухту Клек. Все остальные пути представляли собой выючные тропы, идущие по горам то вверх, то вниз. Мосты были в самом жалком состоянии, по ним могли передвигаться только пешие, а для лошадей требовалось искать брода. Отвесные кручи и дремучие леса встречались чуть ли не на каждом шагу по горным кряжам, отделяющим одно обжитое «поле» от другого. Острые кремнистые осколки скалистой почвы увечили ноги людей и выючных животных³⁴). Таким образом, краткие, по прямой линии, расстояния между населенными пунктами Герцеговины могли преодолеваться движущимися войсками с большим трудом и медленно.

В августе 1875 г. партизаны продолжали нападать на турок. Так, 4 августа 200 человек невесинцев под командованием некоего Радана Мильянова, впервые упоминаемого в сведениях о восстании, атаковали отряд в 800 человек турок под командованием генерала Селим-паши. Турецкий отряд был совершенно разбит. Селим-паша лишился при этом своих пушек и обоза с продовольствием³⁵).

Повстанцы решили предпринять операцию и большего масштаба, которая обеспечила бы им не только частный, но и более прочный стратегический успех. Уже 6 августа партизаны численностью в несколько тысяч человек после кровопролитного сражения у города Требинье на юге Герцеговины осуществили блокаду его, намереваясь захватить крепость³⁶). Этой операцией командовал Михаил Любобратич³⁷).

Требинье, осажденный восставшими, был наряду с Мостаром самым крупным городом Герцеговины, насчитывающим до 10 000 человек жителей³⁸). Он состоял из длинного ряда селений, расположенных у подошвы горы, на краю поля, орошаемого речкой Требишницей. Крепость Требинье заключала в себе несколько десятков мусульманских домов, построенных из серого камня, вдоль крайние узких улиц³⁹). Эти неказистые на вид крепость и город, защищаемые одним турецким стрелковым батальоном и 2 горными орудиями, имели тем не менее важное стратегическое значение, которое объяснялось их выгодным географическим положением.

Крепость Требинье была расположена близко от морского побережья, а также от границ Черногории и Далмации. Это одно придавало ей большое значение. Кроме того, Требинье, стоящая при слиянии рек Требишницы и Макро, являлась центром, через который скрещивались все дороги и тропы, которые вели из Черногории и Далмации в глубь юго-западной Герцеговины⁴⁰).

Захват повстанцами Требинье дал бы им возможность беспрепятственно сноситься с дружественной Черногорией, минуя турецкий форт Клубук, построенный к востоку от Требинье на самой герцеговинско-черногорской границе у другой тропы из Герцеговины в это княжество.

34) А. Фелькнер, Славянская борьба 1875—1877 гг., СПб., 1877, стр. 35.

35) «Русский мир», 1 (13) августа 1875 г. и 5 (17) августа 1875 г.

36) «Русский мир», 30 июля (11 августа) 1875 г.

37) «Борьба за независимость страждущих славян Балканского полуострова», М., 1877, стр. 62.

38) А. Фелькнер, Славянская борьба 1875—1877 гг., СПб., 1877, стр. 11.

39) «Герцеговинское восстание и восточный вопрос», СПб., 1876, стр. 23—24.

40) «Русский мир», 31 июля (12 августа) 1875 г.

В Требинье шел путь из бухты Бокка-ди-Каттаро, расположенной к югу от крепости. Эта бухта была вторым, после Клека, выходом Герцеговины в море. Уже одна блокада повстанцами Требинье лишала турок возможности выгружать в Бокка-ди-Каттаро доставляемые туда морем продовольствие и боеприпасы для снабжения турецких войск в Герцеговине и заставляла их пользоваться только бухтой Клек. Но в последней все эти грузы надо было вначале провозить по австрийской территории, так как удобная дорога шла по ней⁴¹⁾.

Партизаны, осадившие Требинье, устроили свою главную квартиру в монастыре Дуже, расположенном близ реки Требишницы среди невысокого леса на расстоянии полутора часов езды к западу от Требинье. Лес и скалы хорошо охраняли монастырь и повстанцев от внезапных нападений деморализованных неудачами турецких солдат⁴²⁾. Несмотря, однако, на численное превосходство осаждавших, турки, запершиеся в крепости, имели артиллерию, тогда как партизаны были вооружены одними ружьями. С таким оружием повстанцы не могли осуществить штурм крепости и ограничивали свои действия блокадой с целью измора турецких солдат. Последние же, укрывшись за крепостными стенами, ждали подкрепление извне.

В течение первой половины августа, как и в последующее время, в Герцеговину к восставшим стали во множестве стекаться добровольцы из Сербии, Черногории, южных областей Австрии⁴³⁾. Они переправлялись сюда через австрийскую Далмацию. Это была молодежь, одушевленная идеей помощи «братьям-герцеговинцам» в их справедливой борьбе против общего врага — турок.

Правительство Сербии заняло позицию нейтралитета в отношении к восстанию. Вместе с тем здесь сразу же было создано много комитетов для сбора средств в пользу герцеговинцев. Они предназначались прежде всего для покупки оружия, с которым и отправлялись добровольцы. По свидетельству газеты, следившей за ходом восстания, среди восставших уже находились «сыновья именитых белградских купцов»⁴⁴⁾. Та же газета сообщала, что «богатый серб Крыжманич организует за свой счет корпус волонтеров»⁴⁵⁾. Личное участие буржуазной сербской молодежи в восстании и материальные расходы купечества на оружие подчеркивают как связь сербского и герцеговинского национально-освободительного движения, так и кровную заинтересованность сербской буржуазии в освобождении Боснийского вилайета от власти турок.

Такою же заинтересованность в успехе восстания проявили черногорцы. Хотя князь Николай из дипломатических соображений после начала восстания созвал совет из сенаторов и воевод, который тоже принял официальное решение невмешательства в герцеговинские дела⁴⁶⁾, в княжестве среди населения развернулась активная деятельность по оказанию помощи герцеговинцам.

Здесь восстанавливались все пути сообщения, в том числе и телеграфные, происходил сбор денег, брались на учет все склады оружия⁴⁷⁾. Вопреки запрещению правительства, из Черногории в Герцего-

41) «Русский мир», 31 июля (12 августа) 1875 г.

42) «Герцеговинское восстание и восточный вопрос», СПб, 1876, стр. 25.

43) «Русский мир», 9 (20) августа 1875 г.

44) «Русский мир», 1 (13) августа 1875 г.

45) «Русский мир», 4 (16) августа 1875 г.

46) «Русский мир», 11 (23) августа 1875 г.

47) «Русский мир», 1 (13) августа 1875 г.

вину перешли два отряда добровольцев под командованием капитанов Симонича и Алексея Петровича⁴⁸). Несколько позже сообщалось о прибытии в Герцеговину двух тысяч черногорцев⁴⁹). Весьма вероятно, что речь идет о численности уже упомянутых отрядов.

Не менее сочувственно отнеслись к восстанию и жители югославских земель Австрии. Так, известно, что из Лайбаха в Герцеговину отправился отряд словенцев в 56 человек под командой наборщика Губмайера⁵⁰). Были, очевидно, и другие отряды.

Исследователю трудно установить сейчас местопребывание и охарактеризовать деятельность этих добровольцев в Герцеговине, так как они сливались с местными силами восставших. Есть сведения о том, что один значительный отряд присоединился к осаждающим Трebinье. Другой, состоящий преимущественно из далматинцев и черногорцев, в 3 тысячи человек, стремился прервать сообщение между Мостаром и Невесиньем. 250 человек далматинцев овладели поселением Береклея. Отряд в 1500 человек, почти исключительно из далматинцев, направился к Бокче⁵¹).

Эти добровольцы, присоединяясь к партизанским отрядам, возбуждали среди восставших надежды на успех их дела как вследствие роста численности их вооруженных сил, так и моральной поддержки, оказываемой, таким образом, герцеговинцам братскими славянскими народами. Следует сказать, что вожди повстанцев также принимали меры для того, чтобы в возможно большей степени обеспечить успех восстания, который решался, прежде всего, участием местного населения. Один из них, Богдан Симонич, имевший прочные связи с Черногорией, отправился в это княжество, вероятно, не без ведома тайного комитета, чтобы заручиться поддержкой влиятельных кругов княжества. Здесь ему была обещана всяческая помощь, и 10 августа он уехал из Цетинья в Герцеговину для агитации и возбуждения к восстанию новых слоев крестьянства⁵²). Герцеговинские события вызвали горячие симпатии передовых слоев общества в России. Но вследствие дальности расстояния и ряда других обстоятельств поддержка и помощь отсюда пришли позже.

16 августа в Клеке высадился первый транспорт карательной экспедиции, посланный турецким правительством в Герцеговину извне вилаета. Численность прибывших солдат составляла 1030 человек⁵³). Всего же в Герцеговину для подавления восстания предполагалось послать 20 000 человек⁵⁴). Для охраны первого прибывшего отряда во время движения из Клека в Мостар герцеговинский правитель послал 1500 человек пехоты, 100 человек кавалерии и 2 пушки. Повстанцы решили устроить засаду, чтобы не допустить установления связи между турецкими войсками⁵⁵). В итоге сражения турки потеряли 30 человек убитыми и было много раненых, но дорога из Клека в Мостар целиком осталась за ними. Таким образом, турки могли теперь проводить по этому пути новые транспорты солдат и боеприпасов⁵⁶).

48) «Русский мир», 27 июля (8 августа) 1875 г.

49) «Русский мир», 5 (17) августа 1875 г.

50) «Русский мир», 28 июля (9 августа) 1875 г.

51) «Русский мир», 5 (17) августа 1875 г.

52) «Славянская война за независимость». Светопечатный сборник. вып. II, 1877.

53) «Русский мир», 9 (21) августа 1875 г.

54) «Русский мир», 8 (20) августа 1875 г.

55) «Русский мир», 9 (21) августа 1875 г.

56) А. Ф е л ь к н е р, Славянская борьба 1875—1877 гг. СПб. 1877, стр. 36.

Наибольшую опасность для турецких властей, с точки зрения сохранения их позиций в Герцеговине, представляла бы потеря крепости Требинье. Поэтому первые же подкрепления, прибывшие в эту провинцию, числом в 5 тысяч человек были брошены на выручку осажденного города и крепости. Уже 7 августа более 1000 турецких солдат вступили в Требинье⁵⁷⁾, и через три дня турки нанесли решительный удар по лагерю повстанцев в Дужском монастыре, выбив их оттуда. Партизаны вынуждены были частично отступить на юг и укрепиться в труднодоступной горной местности Зубцы, а частично уйти на восток в пограничный с Черногорией район Баньянских гор⁵⁸⁾.

События в Герцеговине оказали влияние и на население соседней Боснии, где в середине августа 1875 г. также вспыхнуло антифеодальное восстание крестьян.

57) «Герцеговинское восстание и восточный вопрос», СПб, 1876, стр. 27.

58) В. Рюстов, «Война в Турции...», вып. II, СПб, 1877, стр. 71.

Б. С. ЖИГАЛОВ

**ЮЖНО-МАНЬЧЖУРСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
И ПРОНИКНОВЕНИЕ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КИТАЙ В 1906—1914 гг.**

Победа в русско-японской войне явилась важным переломным моментом в истории внешнеполитической экспансии японского империализма. Укрепившись в Корее и получив важные позиции в Южной Маньчжурии, японские империалисты повели активную борьбу за полное экономическое и политическое подчинение всего Северо-Восточного Китая. В этой борьбе японские правящие круги большое внимание уделяли захвату существующих и строительству новых железных дорог в Маньчжурии, являвшихся ключом к экономике этой огромной и богатой территории. Обладание железными дорогами Маньчжурии давало японским империалистам возможность не только грабить природные богатства и эксплуатировать население этой части Китая, но и вытеснить оттуда своих империалистических соперников. Важнейшим оружием в экономическом и политическом проникновении японского империализма в Северо-Восточный Китай явилась Южно-Маньчжурская железная дорога.

История политики Японии в отношении Китая в 1906—1914 гг. и, в частности, деятельность компании ЮМЖД в этот период нашла свое отражение в работах ряда советских историков¹). Однако эти работы посвящены более широкому кругу вопросов, и тема настоящей статьи раскрывается в них в самой общей форме.

Более подробно эта проблема рассматривается в работах американских и японских буржуазных авторов. Для работ японских буржуазных историков и публицистов, написанных в 20—30-е гг., характерным является апологетика «цивилизаторской» миссии Японии в Маньчжурии. Превозносится деятельность компании ЮМЖД, роль японского капитала, якобы принесшие экономическое «процветание» для Маньчжурии²). Американские авторы, исследуя политику Японии в Маньчжурии в 1906—1914 гг., не вскрывают империалистическую сущность и грабительские методы ее проведения. Они либо ограничиваются легким осуждением Японии за нарушение доктрины «открытых дверей», обвиняя

¹) См. Аварин В., Империализм в Маньчжурии, М.—Л., 1934, т. I, Канторович А. Я., Иностраный капитал и железные дороги Китая, М., 1926; Романов Б. А., Очерки дипломатической истории русско-японской войны, М.—Л., 1955, Бедняк И. Я., Гальперин А. Я. и др. Очерки новой истории Японии (1640—1917), М., 1958.

²) См. Isamu Abe, The economic development of Manchuria, Dairen, 1931; Kiyoshi Kanai, The south Manchuria Railway Company's Part in the Economic Development of Manchuria, Tokio, 1936, Economic history of Manchuria, Seoul, 1921.

Китай в уступчивости японским требованиям, либо просто без комментариев перелагают содержание японо-китайских соглашений относительно Маньчжурии, заключенных в этот период³).

Строительство Южно-Маньчжурской ветви КВЖД (от Харбина до Порт-Артура) было завершено царским правительством в 1903 г. По условиям Портсмутского договора часть этой линии от станции Куанченцы до Порт-Артура протяжением около 700 км перешла к Японии. В Портсмутском договоре вообще вопросу о маньчжурских железных дорогах было уделено значительное внимание. В статье VI договора говорилось, что правительство России передает японскому правительству железную дорогу между Куанченцы и Порт-Артуром и «все ее разветвления со всеми принадлежавшими ей правами, привилегиями и имуществом (подчеркнуто нами. — Б. Ж.) в этой местности, а также все угольные копи в названной местности, принадлежащие означенной железной дороге или разрабатываемые в ее пользу».

Статья VII устанавливала, что КВЖД и ЮМЖД должны эксплуатироваться «исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических». Это положение договора не распространялось на небольшой участок ЮМЖД, проходящий по территории Ляодунского полуострова, аренду на который царское правительство также уступало Японии.

В статье VIII предусматривалась необходимость заключения в будущем «отдельной конвенции для определения условий обслуживания соединенных железнодорожных линий в Маньчжурии». Наконец, было согласовано, что Япония и Россия сохраняют свою железнодорожную охрану, численность которой определялась из расчета 15 человек на 1 км железнодорожного пути⁴).

Портсмутский договор был заключен Россией и Японией без учета мнения Китая, хотя в самом договоре содержалась оговорка о необходимости получения согласия Китайского правительства на переход к Японии Южно-Маньчжурской железной дороги и аренды Ляодунского полуострова. Опираясь на превосходство своих сил, используя поддержку США и Англии, японские империалисты скоро добились такого «согласия» цинских правителей Китая.

22 декабря 1905 г. были подписаны японо-китайский договор и дополнительные соглашения, в которых фиксировалось формальное согласие Китая на передачу Японии ЮМЖД и аренды Ляодуна. Японское правительство обязалось в отношении арендованной территории и ЮМЖД соблюдать все соглашения, заключенные в свое время по этим вопросам между Россией и Китаем.

Кроме того, в дополнительном соглашении к договору, в частности, предусматривалось право Японии на реконструкцию и эксплуатацию железной дороги Мукден — Аньдун, которая была построена японскими военными властями в годы русско-японской войны. Эта железная дорога была передана ЮМЖД и считалась ее ветвью⁵). Правительство

³ См. Clyde P. H., *International rivalries in Manchuria, 1689—1922*. Columbus, 1926; Young C. W., *Japanese jurisdiction in the south Manchuria railway areas*. Baltimore, 1931; Young C. W., *The international relations of Manchuria*. Chicago, 1929.

⁴ См. «Сборник договоров России с другими государствами», М., 1952, стр. 339—343.

⁵ Работы по перестройке узкоколейной Аньдун-Мукденской ж. д. активно начались лишь в августе 1909 г. и были завершены в октябре 1913 г. Эти работы обошлись в 22 млн. иен. См. Clyde P. H., *International rivalries in Manchuria*. Columbus, 1926, p. 151.

во Китая давало согласие на то, чтобы все материалы, необходимые для японских железных дорог в Южной Маньчжурии, были освобождены от всех пошлин и обложений (статья VIII дополнительного соглашения). Наконец, в так называемых «секретных протоколах» к японо-китайскому договору 22 декабря 1905 г. содержалось важное обязательство китайского правительства не строить железных дорог вблизи или параллельно ЮМЖД⁶).

Портсмутский договор и японо-китайские соглашения от 22 декабря 1905 г. явились фундаментом, с которого начался новый этап японской экспансии в Китае. Важную роль в экономическом наступлении японского империализма в Маньчжурии должна была сыграть ЮМЖД. В обоих договорах подчеркивалось, что японская Южно-Маньчжурская железная дорога пользуется теми же правами и привилегиями, которые распространялись на эту дорогу, когда она была собственностью России. Но очень скоро японские империалисты добились новых прав и преимуществ, которыми русская железная дорога никогда не пользовалась.

Одновременно японские власти стремились использовать уже имевшийся опыт других империалистических держав в деле экономического и политического проникновения в Китай. Так, был использован опыт царского правительства России по созданию формально частного, но фактически государственного предприятия-общества КВЖД. Выгоды создания подобного общества были очевидны: это давало возможность формально признавать принцип «открытых дверей» и равных возможностей, чего особенно добивались США, в то же время использовать «частное» общество как часть правительственного аппарата в интересах монополистического капитала Японии.

Подобным образом было решено организовать деятельность ЮМЖД. Еще в январе 1906 г. один из крупнейших японских банкиров Соза сообщил Эд. Гарриману, что получено согласие Китая на возобновление деятельности Южно-Маньчжурской железной дороги компанией, состоящей из японских и китайских граждан⁷).

7 июня 1906 г. указом императора Японии было санкционировано создание акционерного общества Южно-Маньчжурской железной дороги. Общество ЮМЖД создавалось как частное общество, но с участием государства. Капитал общества был определен в 200 млн. иен, из которых 50%, т. е. 100 млн. иен, вносилось правительством. Весь капитал был распределен на 1-млн. акций по 200 иен каждая⁸).

Вносимый правительством капитал заключался в самой железнодорожной магистрали от Чанчуня до Дайрена с ветвями (протяженность которых, включая Аньдун-Мукденскую ж. д., составляла около 400 км), собственности этих железных дорог и угольных шахтах Фушуня и Янтая, принадлежавших в свое время КВЖД и перешедших теперь к Японии.

Обществу ЮМЖД предоставлялись весьма широкие права. Помимо эксплуатации железной дороги и шахт компания могла заниматься

⁶ Mac Murray J. V. A, Treaties and Agreements with and concerning China, 1894—1919, v I, p. 550—552.

⁷ Clyde P. H., Указ. соч., с. 110. Незадолго до этого японское правительство окончательно отвергло предложения Гарримана о продаже ему ЮМЖД. Чтобы не обострять положение, а Япония еще не могла полностью рвать с США, Соза обещал в случае необходимости обратиться за финансовой помощью именно к Гарриману.

⁸ В 1920 г. капитал общества ЮМЖД был увеличен до 440 млн. иен, из которых 50% также принадлежало японскому правительству.

комиссионной торговлей, строить и эксплуатировать электростанции и газовые заводы, создать пароходство, строить пристани и пр. Помимо японцев акционерами компании ЮМЖД могли быть китайские граждане и правительство Китая. В действительности китайские граждане в компании ЮМЖД не участвовали. Это была чисто японская компания⁹⁾.

Деятельность компании ЮМЖД полностью контролировалась правительством Японии. Правительство назначало президента компании сроком на 5 лет¹⁰⁾, вице-президента и директоров. Правительство могло отдавать свои распоряжения компании и в случае необходимости распространить на ЮМЖД действие законов, относящихся к японским железным дорогам, являвшимся собственностью государства¹¹⁾.

Для привлечения частных японских капиталов к новой компании правительство Японии предоставило обществу ЮМЖД большие финансовые льготы. Так, оно обязалось покрывать дефицит общества в первые 15 лет его существования и гарантировало 6% дивиденда на акции, принадлежавшие частным владельцам, в течение этого же срока. Если компания ЮМЖД не имела средств для выплаты 6% дивиденда, то этот дивиденд не выплачивался на акции, принадлежащие правительству. Правительство обязалось гарантировать облигации компании ЮМЖД, если будет признано необходимым их выпустить¹²⁾.

1 апреля 1907 г., после завершения вывода войск из Маньчжурии, ЮМЖД вместе с принадлежавшими ей ветвями и имуществом была передана японским правительством компании. Для того, чтобы сделать ЮМЖД важнейшей транспортной магистралью Маньчжурии, могущей конкурировать с КВЖД и дорогами Северного Китая, японское правительство наметило провести большие работы по усовершенствованию и улучшению железной дороги и ее предприятий.

Было намечено в течение 3-х лет перестроить ЮМЖД на колею, принятую на железных дорогах Японии, проложить вторую колею. Планировалось израсходовать на ремонт основного пути Чанчунь—Дайрен 28 млн. иен, на ремонт и сооружение гавани в Дайрене — 5 млн., на прокладку второй колеи — 9,6 млн., на перестройку узкоколейной дороги Мукден — Аньдун — 22 млн. иен¹³⁾.

Железнодорожные линии оснащались новым подвижным составом. 27 июня (10 июля) 1908 г. управляющий КВЖД Хорват сообщал в Петербург, что, по полученным им «частным сведениям», для ЮМЖД заказано в США 205 паровозов, 2155 товарных вагонов и платформ. К началу июня 1908 г. на ЮМЖД уже был доставлен 121 паровоз, 79 пассажирских и почтовых вагонов и 1400 товарных вагонов и платформ¹⁴⁾.

Работы по переустройству железнодорожной линии проводились японскими властями весьма энергично. Осенью 1909 г., по словам пре-

⁹⁾ Лишь несколько акций на ничтожную сумму было приобретено китайцами. Правительство Китая в компании ЮМЖД не участвовало. См. Young C. W., *Japanese jurisdiction in the South Manchuria railway areas*. Baltimore, 1931, p. 85.

¹⁰⁾ Первым президентом компании ЮМЖД был назначен виконт Гото, неоднократно занимавший министерские посты в японском правительстве. И в дальнейшем президентами ЮМЖД назначались представители высшей администрации и генералитета.

¹¹⁾ Mac Murray, J. V. A., указ. соч., v. I, p. 556—558.

¹²⁾ Там же, стр. 558.

¹³⁾ *The Japan year book*, 1907. См. Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем ЦГИАЛ), ф. 323 (Правление общества КВЖД), оп. 1, д. 541, лл. 67—70.

¹⁴⁾ ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 555, л. 42.

зидента ЮМЖД Накамура, приведенным в газете «Джэпэн Уикли Мейл» от 5 (18) декабря 1909 г., работы по укладке второй колеи были закончены на 4/5 всей дороги¹⁵).

Всего за 1907—1914 гг. для ЮМЖД было приобретено различных материалов на сумму 83,2 млн. иен¹⁶).

Проведение всех этих работ требовало больших расходов. Но финансовое положение Японии было очень тяжелым. Уже русско-японская война велась в значительной степени на англо-американские займы. Война в еще большей степени ухудшила финансовое положение Японии. Недостаток свободных капиталов в Японии в это время подтверждается и тем, что из 500 тыс. акций компании ЮМЖД, предназначенных для продажи частным лицам, было реализовано лишь 100 тыс. акций, что дало 20 млн. иен. Остальной капитал пришлось приобретать путем внешних займов¹⁷).

В 1907—1911 гг. компания ЮМЖД заключила в Лондоне несколько займов на общую сумму 14 млн. ф. ст. Первый из этих займов был заключен в 1907 г. на сумму в 4 млн. ф. ст., в 1908 г. — два займа на общую сумму также в 4 млн. ф. ст. и в 1911 г. — еще один заем в 6 млн. ф.ст.¹⁸). Так английский империализм снова пришел на помощь своему союзнику.

Компания ЮМЖД представляла из себя огромную корпорацию, в ведении которой находились не только железные дороги, но и угольные шахты Фушуня и Янтая, порт Дайрен, пароходная линия Дайрен—Шанхай, электростанции, газовые заводы, гостиницы, складские помещения. Это был гигантский спрут, охвативший своими щупальцами экономику всей Южной Маньчжурии.

В экономической области японские империалисты стремились прежде всего с помощью ЮМЖД захватить рынки Северо-Восточного Китая, вытеснить оттуда товары других стран. В конечном счете им удалось в значительной степени увеличить экспорт своих товаров в Южную Маньчжурию. С этой целью японцы использовали различные методы.

Прежде всего японские власти стремились направить весь поток грузов Южной Маньчжурии через Дайрен—порт ЮМЖД. Раньше значительное количество иностранных товаров ввозилось в Маньчжурию через порт Инкоу (Нючжуан). Японцы построили тогда через реку Ляохэ, на которой стоит Инкоу, мост с такими низкими арками, что китайские джонки должны были снимать свой такелаж и разгружаться, чтобы пройти под этим мостом. Это значительно усложнило и удорожило транспортировку товаров по р. Ляохэ¹⁹).

Подобный же метод японские власти применили и в другом конечном пункте ЮМЖД—Чанчуне. В начале июня 1907 г. русские и японские представители согласовали вопрос о том, что Япония построит между русской станцией Куанченцзы и японским городом Чанчунь свою железнодорожную станцию Чанчунь. Было оговорено, что в случае, если японские власти будут строить от станции Чанчунь до Гирина железную дорогу, то они построят виадуки и переезды в местах пересечения этой железной дороги и главной линии между Куанченцзы и Чанчуном²⁰).

¹⁵) См. ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 556, л. 36.

¹⁶) Clyde P. H., указ. соч., стр. 127.

¹⁷) Young C. W., указ. соч., стр. 84.

¹⁸) Young C. W., The international relations of Manchuria, Chicago, 1929, p. 63.

¹⁹) Севостьянов П. П., Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, М., 1958, стр. 34.

²⁰) ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 541, лл. 9—10.

Работы по сооружению японской станции были начаты очень быстро. Уже в конце сентября русский вице-консул в Куанченцзы сообщил, что вся площадь между Куанченцзы и Чанчунем занята японскими постройками, насыпями, что японцы скупили эти земли, заняли и главный железнодорожный путь, не построив полагающихся виадуков и переездов. «В общем, — подчеркивал вице-консул, — русская станция потеряла большое количество грузов, что неблагоприятно отразилось на деятельности всей южной линии КВЖД»²¹⁾.

Эти действия японских властей вызвали серьезное беспокойство в Петербурге. Коковцов, являвшийся в качестве министра финансов шефом КВЖД, обратился к Извольскому с просьбой заявить протест японскому правительству против подобных действий. Лишь в конце октября 1907 г. была достигнута договоренность с ЮМЖД о восстановлении движения между Чанчунем и Куанченцзы²²⁾.

Японские предприниматели использовали ЮМЖД для ввоза в Маньчжурию своих товаров беспошлинно, хотя по условиям японо-китайских соглашений Япония могла ввозить через Дайрен товары беспошлинно лишь для арейдованной территории Ляодуна.

В июне 1906 г. группа американских торговцев посетила Маньчжурию с целью изучения обстановки, сложившейся там после окончания войны. В своем докладе посланнику США в Пекине Рокхиллу они сообщили, что японцы свободно ввозят по Южно-Маньчжурской железной дороге свои товары, не уплачивая ни таможенных пошлин, ни ликина²³⁾. Товары же других стран, доставляемые в Маньчжурию через Инкоу, облагаются тяжелыми ликинными пошлинами. Японские предприниматели не платят также и местные налоги, которые взимаются с китайских торговцев²⁴⁾. Таким образом, японцы находятся в привилегированном положении как в отношении китайцев, так и в отношении иностранцев.

Это было не единственное свидетельство о проведении Японией дискриминационной политики в отношении других держав в Южной Маньчжурии. С первых же месяцев 1906 г. государственный департамент США стал получать многочисленные жалобы от американских торговцев, что им мешают ввозить товары в Маньчжурию через Инкоу, хотя японские торговцы беспрепятственно проникают через Дайрен²⁵⁾.

В конечном счете Япония смогла занять господствующее положение во внешней торговле Южной Маньчжурии. В 1909—1914 гг. японские товары составляли 60% маньчжурского импорта, а в Японию шло 85% всего маньчжурского экспорта²⁶⁾.

Структура товаров, провозимых по Южно-Маньчжурской железной дороге, подтверждает колониальный характер японо-китайской торговли. В Маньчжурию ввозились изделия японской промышленности, а вывозились главным образом сельскохозяйственная продукция и промышленное сырье. Так, среди товаров, привозимых по ЮМЖД в Дайрен для дальнейшей отправки по морю, основное место занимают бобы, бобовые жмыхи, зерно, каменный уголь. Много привозилось также кож,

21) ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 541, лл. 74—75.

22) Там же, л. 80.

23) Ликин — внутренняя пошлина, взимаемая при перевозке товаров из одной провинции в другую.

24) Clyde P. H., указ. соч., стр. 119.

25) Там же, стр. 116.

26) См. Бедняк И. Я., Гальперин А. Л. и др. Очерки новой истории Японии, М., 1958, стр. 440.

земляных орехов, шелка-сырца, костей животных и серебряной монеты. В то же время в Дайрен для дальнейшей отправки в Маньчжурию доставлялись японские ткани, швейные изделия, спички и т. п.²⁷⁾.

Конечный пункт ЮМЖД—Дайрен—становится одним из крупнейших портов Китая, уступающим по размерам грузооборота лишь Шанхаю. В 1909—1911 гг. на долю Дайрена приходилось 13,1% всего внешнеторгового оборота Китая²⁸⁾.

29 мая 1913 г. было заключено новое японо-китайское соглашение, облегчившее проникновение японских товаров в Китай. Устанавливалось, что товары, ввозимые в Маньчжурию или вывозимые из Маньчжурии по железной дороге через г. Аньдун (т. е. по Аньдун-Мукденской ж. д.), облагаются пошлиной в размере $\frac{2}{3}$ обычных пошлин китайской морской таможни. В то же время, чтобы не создать в лице Аньдуна конкурента для Дайрена, как морского порта, в соглашении оговаривалось, что эта уменьшенная пошлина не распространяется на товары, прибывающие или вывозимые на судах из Аньдуна²⁹⁾. Это соглашение сыграло важную роль в дальнейшем развитии торговой экспансии Японии в Китае, в вытеснении с рынков Маньчжурии товаров других стран. Теперь ЮМЖД и японские железные дороги в Корее были загружены большим потоком грузов, чем раньше.

Благодаря росту японской торговли в Южной Маньчжурии, возрос удельный вес Японии во внешней торговле всего Китая. Так, в 1913 г. доля Японии во внешней торговле Китая составила 19,7%, по сравнению с 14% в 1905 г. За этот же период времени доля США упала с 15% в 1905 г. до 7,6% в 1913 г.³⁰⁾.

Японские империалисты не удовлетворялись преобладанием на рынках Южной Маньчжурии, они настойчиво стремились пробиться в Северную Маньчжурию, считавшуюся сферой влияния царской России. С этой целью они усиленно добивались установления прямого сообщения между ЮМЖД и КВЖД. В 1908 г. было решено установить прямое пассажирское и багажное сообщение на линии Харбин—Дайрен (оно было введено в действие в 1910 г.). Но вопрос о грузовом прямом сообщении оставался открытым. Спорной была проблема существования различных грузовых тарифов на ЮМЖД и КВЖД. Русская сторона отказывалась понизить тарифы на участке Харбин—Куанченцзы, ибо тогда поток грузов из Северной Маньчжурии устремился бы к Дайрену, а не к Владивостоку.

После долгих споров был выработан общий тариф для перевозки некоторых товаров по ЮМЖД и КВЖД. 27 сентября (10 октября) 1910 г. была подписана конвенция о прямом грузовом сообщении. Обе стороны пошли на некоторые уступки. Были установлены поощрительные пошлины для транспортировки ряда грузов с КВЖД на ЮМЖД и наоборот. Пониженные пошлины устанавливались для перевозки леса, муки, водки, животного масла с КВЖД на ЮМЖД и для перевозки угля, овощей, фруктов, морской рыбы с ЮМЖД на КВЖД. Определялся порядок следования этих грузов: грузы с КВЖД доставлялись до станции Чанчунь (между Чанчунем и Куанченцзы были проложены две колеи: русская и японская), где они перегружались силами ЮМЖД в ее вагоны; грузы с ЮМЖД доставлялись до станции Куанченцзы, где перегружались силами КВЖД в ее вагоны и следовали дальше. Это

27) ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 558, лл. 110—112.

28) «История экономического развития Китая», М., 1958, стр. 85.

29) Mac Millan, J. V., A., указ. соч., т. II, стр. 1039—1040.

30) Севостьянов П. П., указ. соч., стр. 38.

прямое сообщение устанавливалось между станциями КВЖД и Уссурийской ж. д. (которая была передана царским правительством в управление обществу КВЖД), с одной стороны, и станциями ЮМЖД и некоторыми японскими городами, с другой³¹⁾.

В развернувшейся борьбе за господство на рынках Северной Маньчжурии между царской Россией и Японией постепенно стал явно проявляться перевес Японии. Русская буржуазная печать на Дальнем Востоке всегда очень настороженно подмечала все успехи японцев в этой конкурентной борьбе. Еще до того, как была проложена вторая колея на ЮМЖД, японцы смогли нанести ряд чувствительных ударов по русской торговле. «Харбинский вестник» писал 15 (28) августа 1908 г. об успехах японцев в привлечении хлебных грузов на свою линию даже из района Харбина. За короткое время около 700 вагонов зерна пошли по южной ветке КВЖД до Куанченцзы и дальше по ЮМЖД до Дайрена. «Таким образом, впервые чувствительно отразилось влияние направления Харбин—Дайрен, конкурирующего с линией Харбин—Владивосток». «Предстоит упорная и длительная экономическая борьба с японцами»,— предсказывала газета.

Эта борьба в конечном счете завершилась победой японского капитала: ему удалось к 1915 г. захватить преобладающее положение на рынках Северной Маньчжурии. Этот факт признается в специальном докладе управляющего КВЖД Хорвата «О положении японской торговли в Харбине и районах, прилегающих к КВЖД», подготовленном в мае 1916 г. В докладе Хорвата приведены следующие цифры, показывающие постоянный рост ввоза японских товаров в Северную Маньчжурию:

Ввоз товаров в Северную Маньчжурию через ст. Куанченцзы³²⁾

1909 г.—	3 135 541	пуд, или	37,7%	общего ввоза
1910 г.—	5 117 951	" "	54%	" "
1911 г.—	6 985 801	" "	60%	" "
1912 г.—	8 956 577	" "	62,8%	" "
1913 г.—	10 250 907	" "	61,7%	" "
1914 г.—	10 862 399	" "	65,9%	" "
1915 г.—	14 699 380	" "	72,9%	" "

Управляющий КВЖД отмечал, что эти цифры не являются исчерпывающими. Здесь показаны лишь грузы, направляемые в Северную Маньчжурию по ЮМЖД. Действительную сумму ввоза японских товаров нужно увеличить, ибо определенное количество грузов перевозится с юга на север и гужевым транспортом.

Главнейшими видами товаров, ввозимых японцами в Северную Маньчжурию, были каменный уголь, бумажные ткани, бумажная пряжа, галантерея, спички, мыло, бумага, москательный товар, медикаменты, овощи³³⁾.

Таков был итог борьбы за рынки Маньчжурии. Эта борьба закончилась победой японских империалистов, которые за сравнительно короткий срок смогли вытеснить с маньчжурского рынка американские и русские товары. Этот успех японского монополистического капитала был обусловлен прежде всего тем, что в руках Японии находились ключевые

³¹⁾ ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 624, лл. 84—87.

³²⁾ ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 559, л. 7.

³³⁾ Там же, л. 7.

позиции в Южной Маньчжурии — Южно-Маньчжурская железная дорога и порт Дайрен.

Японские империалисты использовали ЮМЖД не только для того, чтобы захватить рынки Маньчжурии, но и для захвата природных богатств Северо-Восточного Китая, получения новых концессий, скупки и захвата земель вдоль железнодорожной линии. Особенно интересовали японцев угольные месторождения Маньчжурии. По условиям Портсмутского договора к Японии перешли шахты Фушуня и Янтая, эксплуатировавшиеся в прошлом КВЖД.

В сентябре 1909 г. японское правительство навязало Китаю новый договор, по условиям которого все шахты вдоль линии Южно-Маньчжурской железной дороги и Аньдун-Мукденской железной дороги должны были эксплуатироваться как совместные японо-китайские предприятия. Это положение не распространялось на шахты Фушуня и Янтая, которые признавались Китаем как полная японская собственность. Договор 1909 г. привел к новому значительному расширению прав Японии в Маньчжурии. Цинские правители Китая признавали право японских империалистов на эксплуатацию новых больших районов Китая.

В этом же договоре устанавливалось, что за эксплуатацию шахт Фушуня и Янтая японские власти (администрация ЮМЖД) должны выплачивать сборы, размер которых должен быть определен на основе самых низких тарифов на уголь, установленных в других районах Китая. При экспорте этого угля также должны были выплачиваться администрацией ЮМЖД самые низкие экспортные пошлины на уголь, существующие в Китае³⁴).

Лишь 12 мая 1911 г. было заключено японо-китайское соглашение, конкретно регулирующее размер выплаты сборов за уголь, добываемый на шахтах Фушуня и Янтая. Было согласовано, что компания ЮМЖД будет выплачивать правительству Китая сбор за уголь в размере 5% от стоимости угля, добытого в месяц. Если размер добычи не превышает 3 тыс. тонн в день, то стоимость угля определяется в 1 купинский таэль за тонну. Если же добыча угля ежедневно превышает 3 тыс. тонн, то стоимость его будет определяться в 1 японскую иену за тонну.

При экспорте этого угля общество ЮМЖД обязалось выплачивать пошлину в размере $\frac{1}{10}$ хайгуанского таэля за тонну. При этом делалась оговорка, что размер пошлины за уголь, вывозимый через Корею и Россию, будет определен позднее. ЮМЖД освобождалась от уплаты пошлины за уголь, добываемый для собственного потребления, но размер такой беспошлинной добычи не мог превышать 700 тонн в день. Помимо упомянутой выше пошлины, Южно-Маньчжурская железная дорога освобождалась от уплаты каких-либо сборов и пошлин (включая ликин)³⁵).

Таким образом, и после заключения соглашения 1911 г. значительная часть угля, добываемого ЮМЖД, освобождалась от уплаты каких-либо сборов.

Благоприятная обстановка, сложившаяся для японских капиталистов в Маньчжурии, поощряла их вложения в угольную промышленность. К 1913 г. японские капиталовложения в угольную промышленность Китая составили 35 млн. иен. Помимо того, 2,2 млн. иен составляли местные вложения японцев и китайцев³⁶).

³⁴) Mac Murray, J. V., A., указ. соч., т. I, стр. 790—791.

³⁵) Там же, т. I, стр. 792—793.

³⁶) «История экономического развития Китая». М., 1958, стр. 140.

В 1913 г. на шахтах, полностью захваченных японцами, добывалось 12,7% всего угля, производимого в Китае. Кроме того, на шахтах, частично финансировавшихся японскими капиталистами, добывалось еще 12% общенационального производства угля. Таким образом, полностью или частично японским капиталом контролировалось 24,7% всей угледобычи Китая³⁷⁾. Главным образом это осуществлялось на шахтах, захваченных компанией ЮМЖД.

Угольные шахты, принадлежащие ЮМЖД, по своему значению стояли на втором месте среди предприятий этой компании, уступая лишь самой железной дороге. Так, в 1912 г. компания ЮМЖД получила прибыль от эксплуатации этих шахт в размере 1,8 млн. иен³⁸⁾. А в 1914 г., по данным газеты «Маньчжурия дейли ньюс», доходы от шахт ЮМЖД составили 2,1 млн. иен³⁹⁾.

Среди методов экономической экспансии, проводимой японскими империалистами в Китае, одним из важнейших было предоставление займов Китаю на кабальных условиях. Японская финансовая буржуазия не обладала большими свободными капиталами, но экономические и политические выгоды от таких займов были настолько велики, что она шла на это⁴⁰⁾. В этих операциях основную роль играло государство, именно по линии таких контролируемых правительством и поддерживаемых им учреждений, как компания ЮМЖД, осуществлялось предоставление займов. Предоставление займов бессильному цинскому правительству Китая приводило к установлению финансового контроля или к полному захвату Японией новых железных дорог, предприятий, земельных участков и пр.

15 апреля 1907 г. было заключено соглашение о займе правительством Китая у компании ЮМЖД средств, необходимых для строительства железных дорог Синьминьтунь—Мукден и Чанчунь—Гириин. Было условлено, что ЮМЖД предоставит заем в размере 50% потребного для этого строительства капитала. При этом делалась весьма существенная оговорка: если китайским правительством будет решено продолжить линию Чанчунь—Гириин, то, в случае отсутствия необходимого капитала, правительство Китая вновь обратится за помощью к ЮМЖД⁴¹⁾.

Это соглашение было конкретизировано в ноябре 1908 г., когда был определен размер и условия предоставления займов китайскому правительству для железнодорожного строительства в Маньчжурии. Для строительства Синьминьтунь-Мукденской железной дороги ЮМЖД предоставляла заем в 320 тыс. иен сроком на 18 лет, а для Чанчунь-Мукденской—в 2 150 тыс. иен сроком на 25 лет. Оба займа предоставлялись из расчета 93 за 100, из 5% годовых⁴²⁾. Китайское правительство

37) «История экономического развития Китая», М., 1958, стр. 135.

38) ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 558, л. 46.

39) См. ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 559, л. 23.

40) Следует также отметить, что в целом в японских капиталовложениях в Китае займы занимали сравнительно небольшое место. В этом отношении Япония уступала Англии и Франции. Особенностью японских капиталовложений в Китае было полное преобладание, так называемых «деловых», капиталовложений, а не правительственных займов. Так, в 1914 г. из общей суммы японских капиталовложений в Китае в 219,6 млн. долларов лишь 9,6 млн. приходилось на правительственные займы, а 210 млн. долларов представляли из себя «деловые капиталовложения». См. Вэй Цзычунь, Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945), М., 1956, стр. 27.

41) Мас Мургау, J. V. A., указ. соч., т. I, стр. 628.

42) Там же, стр. 767.

соглашалось на назначение главным инженером и главным бухгалтером на строительство японских граждан.

Другой заем был предоставлен компанией ЮМЖД маньчжурским властям в мае 1913 г. в размере 600 тыс. иен сроком на 1 год, из 6% годовых. Заем обеспечивался имуществом и доходами электростанции, телефона в Мукдене и торговым кварталом площадью в 550 десятин земли. В случае неуплаты займа в срок электростанция, телефонная станция и этот земельный участок переходили в собственность ЮМЖД⁴³).

Компания ЮМЖД принимала участие в создании банков и других финансовых учреждений в Маньчжурии, стремясь установить свой контроль над финансами и кредитом северо-восточных провинций Китая.

9 июля 1909 г. «Ост-Азиатейше лloyd», ссылаясь на официальную японскую газету «Кукумин-Симбун», сообщал, что ЮМЖД совместно с крупнейшим японским банком «Июкогама Спешу бэнк» открывает новый банк в Маньчжурии с целью парализовать влияние американского, германского и английского капитала.

В экспансии японского империализма в Северо-Восточном Китае ЮМЖД выступала не только как важнейший экономический фактор, но и как фактор политический. Сама компания ЮМЖД выступает непосредственно как агент японского правительства.

В 1913 г. ЮМЖД была подчинена департаменту японских казенных железных дорог⁴⁴). А летом 1917 г. управление корейскими железными дорогами, являющимися собственностью Японии, было передано ЮМЖД, деятельность же самой компании ЮМЖД была поставлена под контроль японского генерал-губернатора Кореи⁴⁵). Так проходил процесс централизации управления японскими владениями на азиатском материке. Практически к 1917 г. Корея, арендованная Квантунская область и полоса ЮМЖД представляли собой в политическом и административном отношении единое целое — японскую колонию, управляемую генерал-губернатором.

Одним из наиболее спорных вопросов в японо-китайских отношениях этого периода был вопрос о землях, принадлежащих ЮМЖД. Точно размер этого земельного отвода не был зафиксирован. В контракте на постройку и эксплуатацию КВЖД, заключенном в 1896 г., говорилось об отводе КВЖД земель, необходимых для постройки, эксплуатации и охраны линии и земель в окрестностях железнодорожной линии, потребных для добычи строительных материалов⁴⁶).

Компания ЮМЖД использовала эту неопределенную формулировку для захвата обширных земельных участков. В состав зоны ЮМЖД входили, кроме земель, принадлежавших раньше КВЖД, земли, захваченные во время или после русско-японской войны японскими военными властями, и земли, купленные или арендованные компанией ЮМЖД⁴⁷).

На земельной территории, прилегающей к железнодорожной линии, компания ЮМЖД пользовалась практически всеобъемлющими правами, включая даже такие права, которыми пользуется суверенное го-

43) ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 558, лл. 61—62.

44) «Новое время», 11 (24) июля 1913 г.

45) Mac Murgau, J. V. A., указ. соч., т. I, стр. 563.

46) Гримм Э. Д. (сост.), Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке, М., 1927, стр. 111.

47) Young C. W., Japanese jurisdiction in the South Manchuria Railway areas. Baltimore, 1931, p. 144—145. •

сударство на своей территории, как-то: обложение налогами, полицейская власть, право владения и передачи собственности⁴⁸). Это фактически было государство в государстве, хотя во всей Южной Маньчжурии, не считая арендованной территории Ляодуна, проживало в 1911 г. всего 12,8 тыс. японцев⁴⁹).

На захваченной китайской территории японские власти вводили свои порядки. 28 сентября 1907 г. компанией ЮМЖД было издано распоряжение об уплате налогов и сборов на своих землях. Устанавливались два вида налогов: общие, которыми облагалось все население, и специальные, которыми облагались владельцы увеселительных заведений и пр.⁵⁰). Вся зона ЮМЖД (от Куанченцзы до Ляодунского полуострова) была разделена на 8 административных единиц. Во главе каждого административного района находился поселковый староста, который занимался сбором налогов, вопросами торговли и промышленности, ведал землями и постройками. Все распоряжения этих старост доводились до сведения администрации ЮМЖД и санкционировались ею. Все население, проживающее в полосе ЮМЖД, подчиняется правилам и распоряжениям компании ЮМЖД. Аренда земли и построек в полосе ЮМЖД была возможна лишь с разрешения японского губернатора Квантунской области⁵¹).

Таким образом, 1906—1914 гг. характеризуются усилением экспансии японского империализма на азиатском материке. Японские монополии использовали благоприятную международную обстановку, сложившуюся для них на Дальнем Востоке в результате поражения царской России и резкого обострения империалистических противоречий в Европе.

В связи с относительной слабостью японского империализма важнейшую руководящую роль в экспансии японского капитала в Китае играет само государство⁵²). Японское государство выступало в качестве своего рода крупного капиталистического предпринимателя, государственно-капиталистического концерна, которому принадлежали военные заводы, крупные предприятия, железные дороги Японии⁵³). Японским государством была организована и компания ЮМЖД, которая в качестве непосредственного агента правительства и осуществляла дальнейшую экспансию японского капитала в Китае.

Основным рычагом экономического наступления Японии в Китае стала Южно-Маньчжурская железная дорога. ЮМЖД пересекала всю южную Маньчжурию с севера на юг, соединялась с сетью корейских железных дорог, также принадлежавших Японии, была связана с крупнейшими портами Маньчжурии: Дайреном, Инкоу, Аньдунем и с важнейшими месторождениями угля. Опираясь на ЮМЖД, японские империалисты смогли добиться успеха в конкурентной борьбе с империалистами других стран и занять преобладающее положение сначала в Южной Маньчжурии, а затем и во всем Северо-Восточном Китае. Они

⁴⁸) Young C. W., *The international relations of Manchuria*, p. 89.

⁴⁹) «Вестник Азии», Харбин, 1911, № 8.

⁵⁰) Мас Миггау, J. V. A., указ. соч., т. I, стр. 564—565.

⁵¹) «Вестник Азии», 1909, № 1.

⁵²) Слабость японского империализма отмечал В. И. Ленин. См. Ленин В. И., II конгресс Коммунистического интернационала, Соч., т. 31, стр. 202; Речь на собрании актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г., Соч., т. 31, стр. 414.

⁵³) См. Бедняк И. Б., Гальперин А. Л. и др., *Очерки новой истории Японии*, М., 1958, стр. 439.

смогли захватить маньчжурский рынок, важнейшую отрасль промышленности Маньчжурии — угольную промышленность, установить свое господство на значительной части китайской территории. Эти «успехи» японской экспансии были возможны лишь в условиях существования в Китае слабого продажного цинского режима, а также благодаря поддержке империалистов Антанты, заинтересованных в привлечении Японии на свою сторону в надвигающейся мировой войне.

Н. С. ИНДУКАЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖСОЮЗНОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО КОМИТЕТА НА КВЖД (1919—1922 гг.)

Изучение вопроса о железнодорожной политике США в Северо-Восточном Китае во время американской интервенции на советском Дальнем Востоке и после ее поражения представляет значительный интерес в деле разоблачения официальной американской версии о том, что в этот период США не преследовали никаких агрессивных целей в Китае. В ряде работ американских историков, посвященных международным отношениям на Дальнем Востоке в данный период, замалчивается или извращается роль созданных крупным американским капиталом органов для контроля над сибирскими и северо-маньчжурскими железными дорогами¹). В ряде работ китайских и советских авторов рассматривается политика американских правящих кругов в отношении железных дорог Северо-Восточного Китая после вывода американских войск с советского Дальнего Востока²), но в этих работах слабо освещен вопрос о деятельности американской дипломатии в зоне КВЖД, о роли Межсоюзного комитета и Технического совета в борьбе США за контроль над КВЖД.

Имеющиеся материалы центральной и дальневосточной прессы этого периода, а также документы Центрального архива Дальнего Востока позволяют осветить слабо изученные вопросы деятельности созданных американскими монополистами Межсоюзного комитета и Технического совета, органов, которые, по замыслам американских правящих кругов, должны были сыграть главную роль в захвате Китайско-Восточной железной дороги и укреплении США в Северо-Восточном Китае, где, по мнению государственного департамента, было нарушено равновесие сил в связи с революцией в России и выпадением Северной Маньчжурии из зоны влияния царской России.

После первой мировой войны американский империализм предпринял активное проникновение в экономику ряда стран мира, и особенно стран Азии. Наибольший интерес США вызывал Китай. Мнение американских монополистов было ярко выражено в заявлении профессора

¹) См. P. Clyde, *International rivalries in Manchuria 1689—1922*, Columbus, 1926; P. Tompkins, *American—Russian relations in the Far East*, New York, 1949; A. Whiting, *Soviet policies in China 1917—1924*, New York, 1957; W. Young, *The international relations of Manchuria*, Chicago, 1929.

²) Аварин В., *Империализм в Маньчжурии*, М.-Л., 1934; Вэй Цзычу, *Иностранные капиталовложения в Китае в 1902—1949 гг.*, М., 1957; Ивангородский П., *К вопросу о Китайско-Восточной железной дороге*, «Сибирские огни», 1925, № 3; Капица М., *Советско-китайские отношения*, М., 1958; Полова Е., *Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США в России и Китае в 1918—1922 гг.*, Исторические записки, 1957, № 60; Цинь Бэнь-ли, *История экономической агрессии американского империализма в Китае*, М., 1951.

Колумбийского университета Уолтера Б. Питкина, который в 1921 г. так определял направление экспансии американского капитала: «Где и когда открыть быстро новые рынки, найти новых покупателей, создать новые потребности?— спрашивал он и отвечал,—... не в Европе, ибо Европа сама не имеет чем наполнить свой голодный желудок ...не в России, которая имеет деньги только на покупку черного хлеба... только на Дальнем Востоке. Китай и Сибирь могут поглотить миллиарды нашего капитала, и здесь капитал может принести до 1000% прибыли»³).

Американские политики после окончания войны по-новому оценивали расстановку сил на Дальнем Востоке и предвидели неизбежность столкновения в будущем интересов Америки и Японии в этой части земного шара. Американское правительство после войны начало постепенно брать назад те уступки, которые оно сделало Японии в годы войны и перед войной. Значительно усиливается проникновение банковского капитала США в экономику Северо-Восточного Китая, что наносило серьезный ущерб имевшимся там японским банкам. Крупнейшим представителем американского банковского капитала в Китае выступал «Нэйшнл Сити Банк», который имел свои отделения в Даяне (Дайрене), Ханькоу, Харбине, Кантоне. В период с 1917 по 1920 гг. американские капиталисты открыли в Китае 3 банка с отделениями во многих крупных городах страны⁴).

Особый интерес проявляла американская дипломатия к железным дорогам Северо-Восточного Китая. Зона главной северо-маньчжурской магистрали Китайско-Восточной железной дороги особенно привлекала интересы американских империалистов, так как здесь после победы в России Великой Октябрьской социалистической революции был создан контрреволюционный плацдарм для нападения на восточные границы молодой Советской России. Используя сосредоточившиеся здесь войска русских белогвардейцев, американские империалисты использовали их для борьбы против Советского государства. Именно Северная Маньчжурия и полоса Китайско-Восточной железной дороги, как наиболее важные в экономическом и стратегическом отношении районы Китая, стали объектом длительной борьбы США и Японии. Не имея достаточно сил для вытеснения японского капитала, имевшего значительные позиции в этой части Китая, Соединенные Штаты Америки были вынуждены прибегать к различным мерам, маскирующим их истинные намерения в отношении зоны КВЖД, для завоевания преобладающего влияния в этом районе.

В 1918 г. США начали вести переговоры о создании межсоюзного контроля на КВЖД с целью получения там преобладающего влияния. План создания межсоюзного контроля был тесно связан с интервенцией на советском Дальнем Востоке. Контроль над КВЖД был нужен империалистам для быстрой перевозки своих войск и помощи русским белогвардейцам, а также для обеспечения своих войск транспортом на случай отступления. Кроме того, межсоюзный контроль рассматривался союзниками как гарантия за долги царской России и военные поставки белогвардейским армиям. Одновременно с проектом установления межсоюзного контроля на КВЖД возник план финансирования железной дороги банковским консорциумом, финансовой организацией, объектом

³ Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГАДВ) ф. р.—4342, оп. 1, д. 5, л. 52. Справка «Железные дороги Китая».

⁴ Цинь Бэн-ли, История экономической агрессии американского капитала в Китае. М., 1951, стр. 69.

деятельности которой были железные дороги Китая. С помощью этой организации США намеревались подчинить своему контролю железные дороги Северо-Восточного Китая, осуществив так называемый план «интернационализации» железных дорог этой части страны, выдвинутый еще в начале XX века американским государственным секретарем Ноксом.

В результате длительной дипломатической борьбы в январе-марте 1919 г. американские правящие круги добились подписания соглашения о создании межсоюзных контрольных органов в полосе отчуждения КВЖД. Были созданы Межсоюзный комитет и Технический совет для надзора за КВЖД и сибирскими железными дорогами. Эти органы, мыслившиеся как международные контрольные организации, с самого начала находились под влиянием США в лице главы Технического совета американского инженера Джона Стивенса. В состав Межсоюзного комитета вошли представители от США, Англии, Франции, Италии, Китая, Японии, а также колчаковский министр железных дорог Устругов. Несмотря на то, что в состав Межсоюзного Технического комитета входили представители различных стран, США не считали это серьезной угрозой для своих планов. Об этом говорит запись беседы американского посла Морриса с Уструговым в феврале 1919 г. по поводу состава Комитета. «Моррис: «Я полагаю, что председателем Комитета будет генерал Отани, являющийся старшим по чину среди союзных офицеров здесь. Или кто-нибудь из его штаба, но это председательство будет лишь номинальным»⁵). Моррис сам подобрал состав Межсоюзного комитета и согласовал кандидатуры с госдепартаментом⁶). Таким образом, с помощью межсоюзного контроля США намеревались установить свой контроль в зоне КВЖД и постепенно вытеснить Японию из полосы дороги. Американский историк Паулина Томпкинс утверждает, что ни Стивенс, ни Межсоюзный Технический комитет не имели никаких полномочий для контроля над русскими и китайскими железными дорогами, а их функции являлись «чисто техническими»⁷). На самом деле создание этих органов было рассчитано на установление полного контроля американского капитала в экономике Северной Маньчжурии. С созданием Межсоюзного комитета США получили возможность ограничить японские притязания. Кроме того, установление межсоюзного контроля на КВЖД было тесно связано с планами американского империализма относительно советского Дальнего Востока. Одновременно с установлением контроля на КВЖД США заняли основной источник топлива — Сучанские угольные копи — и, таким образом, получили дополнительную возможность контролировать КВЖД и Уссурийскую железную дорогу.

С началом деятельности Стивенса связано возникновение ряда планов создания предприятий вдоль полосы дороги, прокладки новых железных дорог, финансирования американским капиталом важнейших дорог для конкуренции с Южно-Маньчжурской железной дорогой, контролируемой Японией. С первых же дней началась борьба американских и японских империалистов из-за господства на КВЖД. Японское правительство прилагало максимум усилий для того, чтобы не допустить американский контроль над КВЖД, японское командование срывало

⁵) Цит. по Ивангородскому П. К вопросу о Китайско-Восточной железной дороге, «Сибирские огни», 1925, № 3, стр. 170.

⁶) Там же, стр. 171.

⁷) P. Tompkins, *American-Russian relations in the Far East*; New York, 1949, стр. 121.

решения Межсоюзного комитета, не выполняло планов перевозок и всеми мерами тормозило деятельность американских представителей⁸⁾).

Финансирование КВЖД ярко выявило тот факт, что наиболее заинтересованными в делах КВЖД державами являлись США и Япония. По предложению Стивенса державы должны были предоставить дороге кредиты на 20 млн. золотых рублей. Только США и Япония внесли свои доли, остальные державы под теми или иными предлогами отказались сделать это. Стивенс и Межсоюзный комитет играли роль дозорного США на Дальнем Востоке. Отрицая наличие каких-либо полномочий для вмешательства в экономическую жизнь железной дороги у Стивенса, Томпкинс приводит послание Стивенса в Вашингтон в связи с его беспокойством по поводу займа, предоставленного КВЖД Японией. Стивенс предупреждал правительство, что если США «хотят поддерживать политику «открытых дверей» в Северной Маньчжурии, то они должны предпринять ответный удар Японии, чтобы сохранить свой контроль над КВЖД»⁹⁾).

Миссия Стивенса на КВЖД не ограничивалась вмешательством только в экономические и финансовые дела дороги, Межсоюзный комитет выступал в роли душителя китайского национально-освободительного движения, начавшегося после 4 мая 1919 г. В июле—августе 1919 г. КВЖД была охвачена общей стачкой русских и китайских рабочих против белогвардейского режима и интервенции. Переписка Стивенса с правительством в этот период полна угроз по отношению к китайскому революционному движению¹⁰⁾. Томпкинс объясняет политику американских правящих кругов в этот период их желанием сохранить «равновесие сил» на Дальнем Востоке. В действительности политика американского капитала преследовала цели установления полного экономического и финансового контроля за деятельностью дороги. Американские капиталисты построили вдоль линии дороги целый ряд своих предприятий: мукомольных, кожеобрабатывающих и т. д. Как сообщала газета «Голос родины», в полосе отчуждения американцы в этот период усиленно скупали земельные участки вдоль полосы дороги и в Харбине и открывали на них свои предприятия.

8 января 1921 г. американская компания «Американ федерал эйрлес телефон энд телеграф корпорейшн» заключила с пекинским правительством соглашение о займе на постройку радиостанции в Китае и взяла на себя постройку станций в Шанхае, Харбине, Даляне и других городах Китая. По соглашению китайское правительство должно было в течение 10 лет погасить 4620 тыс. долл. займа из 7% годовых. Американская компания в течение этих 10 лет имела право неограниченного использования станций в любых целях¹¹⁾.

Межсоюзный Технический комитет выдвинул различные проекты реконструкции КВЖД. В начале 1921 г. Стивенс вел переговоры с пекинским правительством о перестройке КВЖД и прокладке на американские капиталы новой железной дороги Харбин—Сахалин¹²⁾. Кроме

8) «Курьер», 11 января 1921 г.

9) P. Tompkins, цит. соч. стр. 135.

10) См. об этом подробнее: Е. Попова, Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США в России и Китае в 1918—1922 гг., Исторические записки, 1957, № 60, стр. 65.

11) Цинь Бэнь-ли, Цит. соч. стр. 62.

12) ЦГАДВ, ф. р—2419, оп. 1, д. 11, л. 218. Сообщение редакторов «Дальта».

этого, он добивался права на прокладку линии Харбин—Хабаровск¹³).

В апреле 1921 г. на совещании представителей США, Англии, Франции и Японии в Вашингтоне Стивенс изложил свой план введения международной администрации на КВЖД. Стивенс предлагал усилить Технический совет и при помощи его установить «более эффективный контроль над КВЖД»¹⁴). После этого совещания в июне-июле 1921 г. Стивенс предпринял поездку в Токио для обсуждения этого вопроса. Как сообщала газета «Пекин лидер» от 2 июля 1921 г., перед этим Стивенс заручился поддержкой всех правительств, кроме японского, и теперь пытался разрешить эти вопросы в Токио. В июле 1921 г. Стивенс предложил своему правительству добиться от китайского правительства разрешения на объявление Харбина международным городом¹⁵), но пекинское правительство ответило категорическим отказом на это предложение.

Характерно, что американские правящие круги, выдвигая планы международной охраны на КВЖД, не собирались делить свою власть еще с кем-либо. В беседе с корреспондентами американский представитель в Межсоюзном комитете Смит на вопрос о том, не могут ли японцы захватить КВЖД при помощи Чжан Цзо-ляна, ответил: «...на этот вопрос я совершенно определенно могу ответить, что КВЖД японцам никогда не получить»¹⁶).

Особенно обострилась борьба за КВЖД с середины 1921 г. в связи с приближением Вашингтонской конференции. Перед началом конференции американская дипломатия развернула активную подготовку общественного мнения к мысли о невозможности сохранения японского влияния в зоне дороги. Усиливалась конкуренция между американскими и японскими предприятиями в зоне КВЖД. 7 октября 1921 г. японская газета «Осака Майници» поместила большую статью об экономическом соперничестве Японии и Америки на Дальнем Востоке. Газета обращала внимание на чрезвычайно оживленную деятельность американцев в полосе КВЖД, Гиринской и Хейлуцзянской провинциях, Монголии и ДВР. В связи с этим в Пекин, Тяньцзинь, Мукден и Харбин приехало много американских специалистов. 2 ноября 1921 г. в Харбин приехала группа американских инженеров в количестве 100 человек, которая преследовала цели изучения главным образом экономического положения Маньчжурии и разместились в Харбине¹⁷).

В октябре-ноябре 1921 г. в Маньчжурии была образована смешанная американо-китайская компания с капиталом в 10 млн. иен для разработки горных и лесных богатств в Северной Маньчжурии. Так как образование такой компании затрагивало интересы японских предпринимателей, то японский консул в Северной Маньчжурии обратился к американскому консулу с требованием об изменении устава компании в таком направлении, чтобы он не вредил японским интересам, однако получил отказ. Японский консул обратился к Чжан Цзо-лину с аналогичной просьбой, но на сторону компании снова встал американский консул, и под его давлением Чжан Цзо-лин не решился приостановить принятие устава компании¹⁷). Японское правительство все больше убеждалось в стремлении американцев вытеснить японских предпринимате-

13) Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 372, оп. 1, ед. хр. 110, л. 272.

14) „Peking Lieder“, 6 июля 1921 г.

15) «Владиво-Ниппо» 14 июля 1921 г.

16) ЦГАДВ, ф. р-726, оп. 1, д. 12, л. 70.

17) «Курьер», 16 октября 1921 г.

лей из Маньчжурии. Японская дипломатия была также обеспокоена проникновением германских компаний, за спиной которых стояли США, на Дальний Восток. Американские предприниматели оказывали поддержку некоторым германским фирмам, например химическим компаниям, и через эти фирмы, имеющие свои отделения в северо-маньчжурских городах, ввозили свои товары в маньчжурские провинции. Немецкие коммерсанты при поддержке американских империалистов предполагали даже открыть в Харбине собственный банк¹⁸⁾.

Непосредственно перед конференцией американские представители в Межсоюзном комитете под предлогом борьбы за улучшение «бедственного положения» русских белогвардейцев в полосе КВЖД упорно проводили мысль о необходимости «обратить внимание на это положение вещей и кому-нибудь одному взять дело в свои руки»¹⁹⁾, понимая под этим установление единоличного контроля США.

В это время американская дипломатия вела усиленную пропаганду необходимости интернационализации дороги. Это было связано с желанием США вытеснить японцев из полосы КВЖД, где японская военщина через своих агентов в лице атаманов Семенова, Калмыкова и других имела довольно значительное влияние. Соединенные Штаты Америки в связи с этим начали подготовку планов реорганизации международного контроля на КВЖД. Накануне конференции закончились переговоры правительства США с правительствами Англии и Франции, которые велись с начала 1920 г., о реорганизации управления КВЖД. Был разработан примерный проект решения, которое должна была принять Вашингтонская конференция по вопросу о КВЖД. Этот проект предусматривал возложение общей инспекции дороги на США, Англию, Францию и Японию при значительном расширении прав Технического совета²⁰⁾. Перед отъездом на конференцию Стивенс в беседе с корреспондентами заявил, что так как все принятые до сих пор меры по улучшению дороги оказались недостаточными, то он едет в Вашингтон в связи с конференцией и интернационализацией дороги²¹⁾.

В Китае в этот период развернулась острая борьба по вопросу о судьбе КВЖД. План интернационализации дороги сразу после его появления был с ненавистью встречен китайским народом. В Китае началось широкое обсуждение этого плана. Высказывались опасения, что обсуждение вопроса о международном контроле на КВЖД может вызвать желание держав установить международный контроль на всех китайских дорогах. Во время обсуждения вопроса о судьбе КВЖД большинство китайцев высказывало мнение, что вопрос о КВЖД является вопросом китайско-русских отношений и поэтому не может обсуждаться Вашингтонской конференцией. Китайская газета «Чэньбао» в передовой писала, что иностранные державы не имеют права вмешиваться в вопрос о КВЖД, которая является исключительно китайско-русским предприятием. «Китай должен сделать все, от него зависящее, чтобы совместно с Россией разрешить этот вопрос до 11 ноября»²²⁾, то есть до дня открытия конференции. Даже японский ставленник в Северной Маньчжурии Чжан Цзо-лин считал необходимым разрешить вопрос о КВЖД до начала конференции²³⁾.

18) «Курьер», 12 ноября 1921 г.

19) «Владиво-Ниппо», 22 июля 1921 г.

20) Papers relating to the Foreign Relations of the United States, vol. 1, China, 1921, p. 565.

21) «Владиво-Ниппо», 23 октября 1921 г.

22) «Курьер», 21 октября 1921 г.

23) «Курьер», 28 октября 1921 г.

Таким образом, рост антиимпериалистического движения в Китае накладывал свой отпечаток на борьбу держав за контроль на КВЖД и оказывал серьезное влияние на решения Вашингтонской конференции. Иностранные империалисты не допустили разрешения вопроса о КВЖД путем советско-китайских переговоров, но и их планы оказались неосуществимыми в условиях роста национально-освободительного движения в Китае и успехов внешней политики Советской России.

Вопрос о КВЖД на Вашингтонской конференции обсуждался специальным техническим подкомитетом по КВЖД. Американская делегация представила в подкомитет свой план реорганизации управления дорогах. Этот план, разработанный на конференции представителем США Руттом, предусматривал вытеснение Японии из зоны дороги и создание в полосе отчуждения международного финансового комитета, который должен был заменить Межсоюзный комитет и Технический совет Стивенса. Международный финансовый комитет должен был сосредоточить в своих руках общий финансовый контроль за дорогой и быть ее опекуном до установления в России «общепризнанного правительства»²⁴). Финансовый комитет должен был создать специальную охрану дороги из китайцев, но под своим контролем. План Рута был дополнен предложением Стивенса создать специальную техническую комиссию для КВЖД из представителей Америки, Китая и Японии для наблюдения за состоянием КВЖД и распределением займа, который должны были ей предоставить банки США и Японии²⁵). Таким образом, план Рута был направлен против суверенных прав Китая и России на КВЖД, он предусматривал решающую роль американского капитала в финансировании и контроле КВЖД. Американский историк Уолтер Янг утверждает, что план Рута не преследовал никаких далеко идущих целей и был не чем иным, как выражением «...американской политики, которая охраняла открытые двери в Китае»²⁶). Однако американская дипломатия испытывала страх перед растущим недовольством китайского народа и боялась, что ее планы не будут поняты китайским революционным народом и ее противниками, и поспешила оговориться заявлением, что она заботится о правах всех держав: на заседании комиссии по дальневосточным и тихоокеанским делам глава американской делегации на конференции Юз заявил 2 февраля 1922 г., что Америка в отношении КВЖД преследует цель установления такого положения, «при котором права всех стран были бы одинаково ограждены»²⁷). Юз был вынужден также лицемерно заявить, что «правительство США не заинтересовано в обладании и не имеет намерения приобрести контроль над КВЖД»²⁸).

Американская дипломатия одновременно с борьбой за КВЖД на конференции оказывала давление на пекинское правительство и на правителя Северной Маньчжурии Чжан Цзо-лина. Посланник США в Китае получил от своего правительства указание добиться от Чжан Цзо-лина признания необходимости обеспечения независимости КВЖД путем ее интернационализации²⁹). В Пекине американская миссия прилагала все усилия к срыву намечавшихся китайско-советских переговоров по вопросу об установлении дипломатических отношений между Китаем и Советской Россией и о заключении соглашения об управлении

24) «Голос родины», 9 февраля 1922 г.

25) «Владиво-Ниппо», 3 февраля 1922 г.

26) W. Young, *The international relations of Manchuria*, Chicago, 1929, стр. 223.

27) ЦГАДВ, ф. р.—2419, оп. 2, д. 50, л. 209. Информация «Дальта».

28) W. Young, *цит.* 237.

29) Капица М., *Советско-китайские отношения*, М., 1958, стр. 73.

КВЖД. Американская дипломатия сумела оказать давление на меркуловское белогвардейское правительство во Владивостоке, один из представителей этого правительства, Лавров, заявил на конференции, что его «делегация просит, чтобы над КВЖД был установлен международный контроль, который умерил бы аппетиты китайцев»³⁰). Результатом усилившегося влияния американской дипломатии в Северной Маньчжурии было также то, что представители китайской компрадорской буржуазии под давлением американской пропаганды послали Юзу телеграмму, в которой, взывая к «справедливости американского народа», просили: «Мы требуем для Маньчжурии открытых дверей и желаем, чтобы деловые люди Америки и Запада могли бы свободно давать нам помощь, какую они пожелают»³¹). Факт этот свидетельствует о том, что американская дипломатия смогла создать свою агентуру в Северной Маньчжурии, опираясь на которую американские империалисты надеялись укрепить там свои позиции.

Планы американского капитала не ограничивались попытками интернационализировать только КВЖД. Китайско-Восточная железная дорога мыслилась как первое интернационализированное предприятие Китая, вслед за которым американские империалисты намеревались прибрать к своим рукам важнейшие железные дороги, промышленные предприятия и природные ресурсы Северной Маньчжурии³²). Характерно, что Паулина Томпкинс пытается отрицать американское происхождение плана интернационализации или во всяком случае пытается оправдать тщательную подготовку к его осуществлению перед Вашингтонской конференцией и во время ее. В подтверждение этого она ссылается на предложение бывшего русского посла в Вашингтоне Бахметьева, сделанное в мае 1921 г. американскому правительству, интернационализировать КВЖД и на обращение английского правительства к правительству Франции также в мае 1921 г. с предложением передать КВЖД межсоюзническому комитету при финансировании ее банковским консорциумом³³). Томпкинс стремится замаскировать подлинные намерения американских правящих кругов в отношении Северной Маньчжурии, скрыть захватнические планы США и объяснить обострение отношений на Дальнем Востоке в этот период «нарушением равновесия сил в Азии после победы Октябрьской революции в России»³⁴). На самом деле обострение международных отношений на Дальнем Востоке было связано с ростом американо-японских противоречий и стремлением США и Японии воспользоваться тем, что Советская Россия отказалась от всех прав и привилегий царского правительства в Северной Маньчжурии для усиления своего влияния в этой важной в экономическом и стратегическом отношении части Китая.

Требования равных прав в полосе КВЖД и конкретные предложения по реорганизации дороги в желательном для США направлении показали стремление американского империализма ликвидировать захваченные японским капиталом во время первой мировой войны права и позиции в Маньчжурии и добиться передачи управления дорогой в руки США. Американское правительство в равной мере опасалось как усиления японского влияния в зоне КВЖД, так и того, что вопрос о КВЖД будет разрешен законными владельцами дороги—Китаем и Со-

30) «Владиво-Ниппо», 4 февраля 1922 г.

31) «Владиво-Ниппо», 17 января 1922 г.

32) Papers relating to the Foreign Relations of the United States, vol. 1, China, 1921, p. 360,

33) P. Tompkins, цит. соч., стр. 160.

34) Там же, стр. 47.

ветской Россией. Томпкинс пишет, что КВЖД была таким объектом внешней политики США, по вопросу о котором линии антияпонской и антисоветской политики «тесно переплетались»³⁵). До того, как пекинское правительство начало проявлять интерес к переговорам с СССР о КВЖД, американская дипломатия выступала в роли защитницы русских прав на дорогу в противовес Японии, проявляя «дружелюбие и желание помочь Временному правительству»³⁶), а потом контрреволюционным белогвардейским правительствам на Дальнем Востоке и в полосе КВЖД. Но после того, как американские дипломаты убедились в росте симпатий китайского и советского народов и их желании разрешить вопрос о КВЖД без вмешательства иностранных держав, они стали выступать яркой противницей как русского, так и японского управления дорогой, отстаивая идею межсоюзного контроля. Финансовый комитет, по замыслу американских правящих кругов, должен был стать наследником русских прав на дорогу.

Американская делегация на конференции во время острых дебатов по вопросу об управлении КВЖД, видя невозможность провести в жизнь план передачи контроля над дорогой финансовому комитету, предложила усилить деятельность Технического совета введением института международных советников, мотивируя это тем, «что Китай и Россия экономически слишком обессилены для того, чтобы справиться с нуждами КВЖД и что вследствие этого они не в состоянии оказать сопротивление захвату дороги Японией»³⁷). С помощью этого маневра американские империалисты надеялись расчистить путь к управлению дорогой.

Но все попытки США закрепиться на КВЖД потерпели неудачу. Помимо обострения империалистических противоречий во время Вашингтонской конференции, особенно американо-японских, огромную роль в срыве агрессивных замыслов правящих кругов США сыграло укрепление Советской власти на Дальнем Востоке и рост дружественных отношений между китайским и советским народами. Китайский народ выступил против вмешательства иностранных держав во внутренние дела Китая. Когда в Пекин поступило сообщение с Вашингтонской конференции, о планах замены Межсоюзного Технического комитета межсоюзным финансовым комитетом, китайское министерство иностранных дел и министерство путей сообщения под влиянием многочисленных демонстраций китайских трудящихся послало китайской делегации на Вашингтонской конференции телеграмму, в которой говорилось: «...КВЖД должна находиться исключительно в китайском ведении, и в силу принципиальных расхождений Китая с представленным проектом Рута китайское правительство предписывает своим делегатам усиленно противодействовать указанному выше проекту»³⁸).

Китайская делегация предложила конференции свой проект управления дорогой: передача всех прав на КВЖД китайскому правительству до подписания китайско-советского договора об управлении ею. На запрос держав о мнении Китая относительно управления КВЖД китайская делегация ответила, что «указанная дорога может принадлежать только России или Китаю, а поэтому вопрос о ней должен решаться ими двумя»³⁹). В Кантоне состоялась чрезвычайная сессия парламента, которая заявила, что кантонское правительство не

³⁵) Р. Томпкинс, цит. соч., стр. 174.

³⁶) Там же, стр. 47.

³⁷) «Курьер», 28 января 1922 г.

³⁸) «Владиво-Ниппо», 29 января 1922 г.

³⁹) «Курьер», 6 декабря 1921 г.

признает ни одной резолюции Вашингтонской конференции, и послала свой официальный протест державам⁴⁰). О том, насколько сильную оппозицию в Китае встретили попытки правительства США осуществить свой план интернационализации КВЖД на Вашингтонской конференции, свидетельствует сообщение японской газеты «Владиво-Ниппо» о том, что после возвращения Стивенса в Харбин после конференции, 26 апреля 1922 г., в здании харбинского общественного собрания состоялся митинг протеста против действий империалистов, на котором китайские ораторы выступали с речами против деятельности Межсоюзного комитета и Стивенса и требовали разгона Межсоюзного Технического комитета. На митинге присутствовало более 6 тысяч человек. После митинга состоялась многочисленная демонстрация на улицах Харбина⁴¹).

Американская дипломатия понимала, что настаивать на правах на КВЖД в условиях роста национально-освободительного движения в Китае означало бы содействовать объединению антиимпериалистических сил в Китае, что могло содействовать сближению Китая и Советской России. Поэтому и подкомитет по КВЖД, и комиссия по Дальневосточным вопросам вынуждены были признать невозможность выработки каких-либо конкретных решений о КВЖД.

После окончания Вашингтонской конференции положение Межсоюзного комитета и Стивенса осложнилось. Япония эвакуировала свои войска из полосы отчуждения и настаивала на роспуске Межсоюзного комитета, ссылаясь на решения Вашингтонской конференции о равных правах в пользовании железными дорогами Китая. Американское правительство и Стивенс пытались всеми мерами удержаться в полосе КВЖД. В августе 1922 года Стивенс по поручению американского правительства предъявил требования о праве контроля над КВЖД «хотя бы в финансовом отношении». Считая, что данную дорогу, являющуюся связующим звеном между Дальним Востоком и европейской Россией, «весьма опасно доверить надзору Китая», он требовал, чтобы над КВЖД был «в какой-либо форме установлен контроль союзников»⁴²). Но против американских требований выступила японская военщина, настаивая на ликвидации Межсоюзного комитета. 8 августа 1922 г. на заседании совета министров Японии было вынесено решение о необходимости ликвидации Межсоюзного комитета. В решении заседания говорилось, что с уходом японских войск из полосы отчуждения союзный контроль должен утратить свою силу и что вся ответственность за дорогу должна быть возложена на китайское правительство⁴³).

Американские правящие круги убедились в том, что существование Межсоюзного комитета не принесет никакой пользы в борьбе за контроль на КВЖД. Поэтому в ноябре 1922 г. Межсоюзный комитет и Технический совет были распущены, архивы канцелярии Стивенса вывезены в США. Таким образом, попытки американской дипломатии добиться контроля над КВЖД с помощью Стивенса окончились полным провалом. Всего США затратили на контроль над сибирскими железными дорогами и КВЖД 4 177 820 долларов⁴⁴). Межсоюзный Технический комитет просуществовал три с половиной года. Он не смог внести ничего существенного в улучшение деятельности дороги. Напротив, во-

40) «Курьер», 7 января 1922 г.

41) «Владиво-Ниппо», 29 апреля 1922 г.

42) «Владиво-Ниппо», 19 августа 1922 г.

43) «Родина», 11 августа 1922 г.

44) Попова Е. цит. соч., стр. 84.

енные перевозки союзников по КВЖД во время интервенции в Советской России и после нее тяжело отразились на состоянии дороги. В 1921 г. союзники были должны КВЖД за военные перевозки 12 млн. руб. Это тяжело отразилось на финансовом состоянии дороги, долг которой к этому времени составлял 20 млн. руб.⁴⁵⁾ Все закупки и перевозки Межсоюзного Технического комитета были свободны от пошлин и сборов, Межсоюзный комитет издал 4 специальных постановления о запрещении расходования средств комитета на оплату таможенных пошлин и сборов. Межсоюзный комитет не успел ничего сделать в отношении коммерческих тарифов, но проектировал пересмотреть все тарифы. В годы хозяйничания Межсоюзного комитета ухудшилось состояние подвижного состава КВЖД, было расхищено большое количество паровозов, вагонов, оборудования депо и мастерских. Тяжело отразилось на положении дороги то, что она была вынуждена конкурировать с ЮМЖД. Межсоюзный комитет оказался не в состоянии оказать влияние на Японию, направлявшую все грузы на Дайрен, а поток грузов на КВЖД уменьшился, и это ухудшало финансовое состояние дороги.

После окончания конференции и ликвидации Межсоюзного Технического комитета американские правящие круги продолжали борьбу за контроль в полосе отчуждения. Уолтер Янг утверждает, что после конференции «США не принимали активного участия в маньчжурской дипломатии»⁴⁶⁾. На самом деле борьба США за КВЖД продолжалась, изменились только методы этой борьбы; убедившись в невозможности дипломатическим путем добиться контроля над КВЖД, американский империализм значительно усилил проникновение в экономику Северной Маньчжурии. После ликвидации Межсоюзного комитета и Технического совета большинство его членов продолжало оставаться в зоне дороги под видом различных «экспертов» и «советников» при правительстве Чжан Цзо-лина. Это знаменовало собой начало нового этапа борьбы США за контроль над КВЖД.

Железнодорожная политика США в Северной Маньчжурии в 1919—1922 гг. потерпела полный провал. Соотношение сил на Дальнем Востоке в этот период не позволило правительству США осуществить свои захватнические планы. Поражение американской и японской интервенции на советском Дальнем Востоке ослабило позиции империалистов в Китае. Все расчеты правящих кругов США на координированные действия держав на Дальнем Востоке и согласованное управление железными дорогами Китая не оправдали себя. Решающее значение для провала замыслов американского империализма имела совместная антиимпериалистическая борьба китайского и советского народов, которая нанесла главный удар по их планам.

⁴⁵⁾ Ивангородский П. цит. соч., стр. 175.

⁴⁶⁾ W. Young, цит. соч., стр. 237.

В. Н. МАТЮЩЕНКО

ДАТИРОВКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ В НИЗОВЬЯХ р. ТОМИ

I. Археологические памятники эпохи бронзы в низовьях р. Томи

Памятники бронзового века в низовьях р. Томи в настоящее время известны достаточно широко. В сводке археологических памятников Томской области, опубликованной А. П. Дульзоном, известно 11 пунктов этого времени¹). Эти же сведения сообщены тем же исследователем и в другой своей более ранней работе²). Не все эти сведения являются точными. О неточностях речь будет идти несколько ниже. А. П. Дульзон не ставил перед собой задачу детального описания каждого памятника, в силу чего некоторые из них описаны суммарно. Отдельные памятники интересующего нас времени были открыты и исследованы мною в 1953—1958 гг. в окрестностях пос. Самусь. К эпохе бронзы в низовьях р. Томи я отношу следующие объекты:

1. Поселение Аникин камень, расположенное на высоком (до 15—18 м) материковом правом берегу р. Томи в 1,5 км ниже дер. Сосновки. Берег обрывается прямо в воду, а чуть выше этого мыса в реку выступает большая каменная площадка. Поселение открыто мною в 1954 г. Во время пробных небольших раскопок были обнаружены следующие находки. Фрагмент сосуда, по венчику украшенный резной косой сеткой, и заготовка из валуна для изготовления топора или тесла, с одной стороны которого имеются следы грубой обивки в виде широких фасеток от сколов, а с другой орудие пришлифовано.

2. Ярское поселение. Поселение находится в 1,5—2 км вниз по р. Томи от с. Ярского на материковом берегу высотой в 3—4 м. Урочище называется Стрелковый бор. Здесь расположен курганный могильник из 16 курганов, большая часть которых раскопана кладоискателями. Памятник открыт мною в 1954 г. Во время раскопок одного из курганов в насыпи была собрана коллекция керамики, среди которой преобладают фрагменты, украшенные то резной косой сеткой, то комбинацией из резных линий, образующих геометрический узор.

3. Алаевское селище. Расположено в устье Малой речки, левого притока Томи, недалеко (в 300—400 м) от д. Алаево. На этом месте находится курганный могильник, состоящий из 6 насыпей, открытый мною в 1954 г. Во время раскопок одного из курганов в насыпи была собрана керамика. Вот некоторые ее образцы.

¹) Дульзон А. П., Археологические памятники Томской области. «Труды ТОКМ», т. V, Томск, 1956, стр. 97, 107, 109, 110, 113, 114, 117, 122, 123, 117, 122, 123.

²) Дульзон А. П., О некоторых древних поселениях человека в пределах Томской области. «Уч. записки ТГПИ», т. XII, Томск, 1954, стр. 233—278.

Фрагмент черноглиняного сосуда, украшенный резным поясом, состоящим из елочного узора, обрамленного с обеих сторон резными горизонтальными линиями, к этому поясу примыкает снизу три резных линии, образующих угол, обращенный вершиной вниз, между двумя из этих линий — горизонтальная штриховка. Венчик от большого сосуда украшен косой резной штриховкой, образующей сетку, ниже которой горизонтальная линия, состоящая из ямочек.

4. Шеломок. Поселение на месте Городища «Шеломок»; расположено в 18 км выше г. Томска на древней террасе правого берега р. Томи. Городище было обследовано И. М. Мягковым в 1928 г., а в 1946 г. значительную площадь городища вскрыл Г. В. Трухин. Ни раскопки И. М. Мягкова, ни исследование Г. В. Трухина не внесли полной ясности относительно этого памятника. Методика работ этих исследователей желает быть лучшей. Установлено, что керамика городища принадлежит двум археологическим эпохам: карасукскому и тагарскому времени³). Что-нибудь более определенное установить не удалось.

Карасукским временем А. П. Дульзон датирует следующего типа керамику. Фрагмент сосуда с резным линейным орнаментом у венчика, состоящий из зигзаговых полос, образующих штрихованные треугольники, ограниченные сверху и снизу горизонтальными линиями. Ниже полоса из чередующихся вдавлений, выпуклостей и вертикальной резной штриховки. Или фрагмент сосуда, украшенный резными горизонтальными и косыми линиями, образующими штрихованные и чистые треугольники. Другой экземпляр украшен по самому обрезу венчика ямочным орнаментом, сменяющимся полосой в виде косой сетки, ниже которой повторяется первый пояс. Как разновидность этого типа орнамента является орнамент с такими же элементами, но сетка с более широкими клетками, а нижний пояс имеет выпуклости; или подобный только что описанному фрагменту, но вместо сетки косые резные линии.

5. Б а с а н д а й к а. Урочище Басандайка, расположенное в устье правого одноименного притока р. Томи в 7 км выше г. Томска, имеет целый ряд археологических памятников; некоторые из них были исследованы экспедицией ТГУ и ТГПИ в 1944—1946 гг. Из поселений в данном месте было обследовано городище 1-е северное (как оно названо у А. П. Дульзона⁴). Материалы городища опубликованы в ряде статей сборника «Басандайка»⁵). Городище это целиком относится к тагарскому времени, но наряду с этим на городище собрано большое число керамики карасукского облика.

К сожалению, ничего, кроме керамического материала, не представляется возможным увязать с карасукским временем. Это, конечно, крайне затрудняет возможности наши в восстановлении характера материальной жизни томских племен изучаемого периода. Мы не даем описания этой керамики, поскольку она описана К. Э. Гриневичем⁶).

6. Поселение на месте Томского (лагерного) городища, расположенное у Лагерного сада, на высоком остроугольном

³) Трухин Г. В., Археологическая разведка городища «Шеломок», «Ученые записки ТГПИ», т. VIII, Томск, 1959, стр. 143 и сл., Дульзон А. П., О некоторых древних поселениях человека... стр. 236, 241, 242, 255, 260.

⁴) Дульзон А. П., Археологические памятники Томской области, стр. 109, № 47.

⁵) «Басандайка», Труды Томского университета, т. 98, Томск, 1948.

⁶) Гриневич К. Э., Опыт классификации и датировки басандайской керамики, «Труды Томского университета», т. 98, Томск, 1948.

мысу, отделенном от материка валом и рвом. Городище не раскапывалось. План опубликован С. К. Кузнецовым⁷⁾ и М. Н. Комаровой⁸⁾. С. К. Кузнецовым и А. В. Адриановым была собрана коллекция керамики во время раскопок ими курганов, расположенных на площади городища. В 1924—1928 гг. Д. П. Славнин собрал большое количество керамики. В 1949 г. А. П. Дульзоном была значительно пополнена эта коллекция. Все сборы хранятся в музее истории материальной культуры при ТГУ. Коллекция содержит преимущественно карасукскую керамику, которая уже частично опубликована⁹⁾. К сожалению, материалы этого памятника могут дать нам очень немного при решении поставленной задачи, так как весь имеющийся материал является только подъемным. Среди находок на территории этого городища следует отметить:

фрагмент керамики (венчик сосуда) с резным орнаментом в виде двух параллельных зигзаговых линий, которые вместе с двумя другими горизонтальными параллельными линиями образуют штрихованные треугольники. Ниже этой комбинации — пояс из коротких резных вертикальных линий, чередующихся с выпуклостями.

Фрагмент венчика сосуда, украшенного поясом, ограниченным горизонтальными линиями с сетчатой косой штриховкой, ниже пояса — вертикальные резные линии. Фрагмент венчика, украшенный следующим образом. По самому обрезу — короткие вертикальные резные линии. Ниже — две резные горизонтальные линии, сменяющиеся косой штрихованной сеткой, далее вниз идет несколько поясов, сменяя друг друга: две горизонтальные линии, пояс из выпуклостей, пояс из 7 горизонтальных резных линий и, наконец, косые резные параллельные линии. Это только некоторые образцы карасукской керамики, добытой на этом городище. А. П. Дульзон описывает в своей работе несколько групп такой керамики.

7. Томский могильник. В 1889 г. А. В. Адрианов раскопал на Малом мысу Томского могильника 12 могил. Несовершенство методики исследования А. В. Адрианова позволили позднее М. Н. Комаровой предположить наличие еще нескольких могил, которых мог не заметить А. В. Адрианов. Могильник на Малом мысу содержал очень интересный вещественный материал, на описании которого нам нет необходимости останавливаться, так как он описан достаточно хорошо в работе М. Н. Комаровой¹⁰⁾. Все эти могилы М. Н. Комарова датирует андроновско-карасукским временем на основании некоторых находок, характерных для андроновской культуры Южной Сибири. Вместе с тем она отмечает, что этот памятник принадлежит своеобразной и самобытной культуре лесной области, унаследовавшей некоторые традиции неолита¹¹⁾.

8. Томское старое мусульманское кладбище, уже в общих чертах описанное в литературе. Кроме неолитических погребений обнаружено одно погребение № 31 с карасукской керамикой. Описание погребения дано А. П. Дульзоном¹²⁾.

7) Кузнецов С. К., Отчет об археологических изысканиях в окрестностях г. Томска, летом 1889 г. «Известия ТГУ», кн. 2, Томск, 1890.

8) Комарова М. Н., Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА СССР, № 24, М., 1952.

9) Дульзон А. П., О некоторых древних поселениях...

10) Комарова М. Н., указ соч.

11) Комарова М. Н., указ соч., стр. 30.

12) Дульзон А. П., Археологические памятники Томской области, стр. 113. Его же: Томский неолитический могильник, стр. 320.

9. Поселение на месте городища «Каштак» расположено в пределах г. Томска налево от взвоза у Дальне-Ключевской улицы. Памятник открыт С. К. Кузнецовым, но никем не раскапывался. В настоящее время почти полностью разрушен. В 1949 г. А. П. Дульзон на городище собрал большую коллекцию керамики карасукского типа¹³).

10. Стоянка Самусь III. Описание этого памятника дано уже в некоторых моих работах¹⁴), поэтому здесь нет необходимости давать полную его характеристику. Керамика эпохи бронзы преимущественно черноглиняная и сероглиняная, украшенная разнообразными орнаментами. Среди этих орнаментов есть штрихованные треугольники, у венчика подчеркнутые сплошной линией. Узор выполнен гребенкой с косыми зубцами-отпечатками отступающей лопаточки, образующими глубокие желобки и покрывающими стенку сплошь. Узор выполнен резной линейкой в виде двух параллельных линий с косыми поперечными линиями. Между участками, покрытыми горизонтальными линиями, выполненными неглубокими вдавлениями дощечки, зигзаговая линия, выполненная таким же образом. Сочетание резных линий, образующих штрихованные треугольники. По венчику пояс из двух горизонтальных линий, между которыми штриховка косыми пересекающимися линиями, а ниже — выпуклости, нанесенные вдавлениями изнутри. Сочетание чеканно-гребенчатого и линейного орнамента, образующее заштрихованные треугольники. Узор выполнен резными линиями, образующими треугольники, заштрихованные сеткой, ряды треугольников расположены вершинами друг к другу. Кроме таких узоров есть много других, но в большинстве своем они имеют много сходных черт.

Но наиболее интересным памятником этого времени следует считать поселение Самусь IV.

11. Поселение Самусь IV. Поселение расположено в северном конце пос. Самусь по ул. Набережной. В данном месте правый высокий коренной берег р. Томи достигает высоты 6—7 м и заканчивается мысом перед поймой речки Камышинки. Поселение открыто мною в 1954 г. В 1954—1958 гг. на поселении были организованы работы, в результате которых вскрыто 1534 кв. м площади. Культурный слой представляет собой грязно-серую, иногда темной окраски супесь мощностью 75—80 см, сверху покрытую сильно гумусированным черным слоем в 20 см (пахотный слой), где встречаются довольно часто находки.

Во время раскопок поселения собран очень интересный вещественный материал, а также следы жилищ, что дает возможность характеризовать многие стороны жизни томских племен эпохи бронзы. Этот памятник, как и предыдущие, уже описан¹⁵).

II. Датировка томских памятников эпохи бронзы

Сравнивая все описанные памятники, можно заметить, что по характеру материала, и прежде всего на основании керамики, они могут быть разделены на две четко различные группы:

¹³) Дульзон А. П., О некоторых древних поселениях... стр. 236, 245, 247, 260, 261. Его же: Археологические памятники Томской обл., стр. 114, 115.

¹⁴) Матющенко В. И., Памятники андроновского времени в низовьях р. Томи. Сб., «Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири», Томск. 1959.

¹⁵) Матющенко В. И., указ. соч.

а) Самусь III и IV и Томский могильник.

б) Ярское поселение, поселение у Аникина камня, Алаевское поселение, Шеломок, Басандайское городище и поселение на территории курганного могильника, городище в лагерном саду, Каштак.

Обе эти группы имеют памятники, сходные своими материалами. Но зато очень мало или почти нет сходства между названными группами.

К сожалению, вопрос датировки каждой из выделенных групп усложняется неравномерностью исследования памятников.

Прежде всего решим вопрос о правильности объединения описанных памятников в предложенные группы. Выделение первой группы (стоянка Самусь III, поселение Самусь IV и Томский могильник) объясняется наличием большого сходства керамического материала всех этих трех памятников. Так, Самусь IV имеет огромное количество керамики, украшенной желобками, нанесенными отступающей палочкой. Именно такой орнамент можно часто найти среди керамики Самусь III. Такие же слабо нанесенные волнистые желобки, выполненные отступающей гребенкой. Бесспорно сходство и в орнаменте желобчатом, нарезанном дощечкой. Такая же бесспорная близость наблюдается и в чеканно-гребенчатом орнаменте и по технике нанесения, и по узорам. Такова, например, елочка из отпечатков гребенчатого чекана в сочетании с ямочками, имеющая себе многочисленные аналогии в Самусь IV. То же следует сказать и об отпечатках трехзубчатой гребенки. Следует добавить, что и форма сосудов этих памятников имеет сходство. Правда, на Самусь III мы не обнаружили целых сосудов, но венчики сосудов, украшенных описанными орнаментами, бесспорно схожи.

Безусловно, это не значит, что каких-либо различий между этими памятниками нет. Различия состоят в том, что на стоянке Самусь III имеются такие виды орнаментов, каких совершенно нет или почти нет на Самусь IV. Таковы узоры, имеющие штрихованные треугольники, выполненные и отпечатками гребенки и резными линиями, или полосы с поперечной штриховкой. Или отпечатки узорчатой палочки и двойной гребенки. По своему виду она сходна с керамикой второй группы памятников. Но количество подобной керамики в общей массе незначительно. Появление таких типов орнамента должно быть объяснено хронологическими различиями в этих памятниках. Тем более, что подобный орнамент часто встречается в более поздних памятниках. Вероятно, после того как прекратилась жизнь на Самусь IV, на другой стоянке, Самусь III, в более позднее время еще продолжало существовать население.

Оба эти памятника имеют несомненное сходство с Томским могильником. Почти все виды орнаментации сосудов из Томского могильника можно встретить на этих стоянках. Таков узор вертикальной елочки из отпечатков гребенки¹⁶⁾, различные сочетания желобчатого резного орнамента с луночным и ямочным, образующим горизонтальные пояса¹⁷⁾. Такие или подобные комбинации можно встретить и на стоянке Самусь IV. То же следует сказать и о луночном и ямочном орнаменте, покрывающем всю стенку сосуда до дна¹⁸⁾. Несомненно сходство сосудов могильника с сосудами стоянки по форме их. Баночные сосуды, обычно небольших размеров, имеются у обоих этих памятников¹⁹⁾.

¹⁶⁾ Комарова М. Н., указ. соч., рис. 16—1.

¹⁷⁾ Комарова М. Н., указ. соч., рис. 16—5.

¹⁸⁾ Там же, рис. 16—2, 6, 7.

¹⁹⁾ Там же, рис. 16—7.

Прямой или слабо отогнутый венчик, встречающийся в погребениях Томского могильника, можно нередко обнаружить на стоянке Самусь IV. Эту же мысль подтверждают и сосуды, имеющие плавный изгиб и резкий, образующий ребро изгиб при переходе от верхней к нижней половине. На поселении Самусь IV и в Томском могильнике обнаружены сосуды с четырехугольным дном. Правда, сосуды на поселении очень отличаются от сосудов подобного типа в могильнике. Однако интересен сам факт наличия сосудов именно таких очертаний.

Таким образом, Самусь IV и III и Томский могильник составляют группу близких по времени и характеру материала памятников. Попытка найти в ближайших районах памятники с подобными материалами окончилась неудачей. Таких памятников нет. На первый взгляд кажется, что томская керамика является своеобразным вариантом андроновской. Но при более тщательном изучении выясняется, что это сходство не должно приниматься в расчет. Рассмотрим этот вопрос более тщательно.

Есть несколько черт керамики самусьского поселения, которые позволяют говорить о некоторой близости ее андроновской. Такова плоскодонность сосудов, характерная для андроновской культуры, а также наличие среди самусьских сосудов баночной формы. Такая форма сосудов составляет специфику культуры Южной Сибири. Такие сосуды были известны и самусьским жителям, хотя и не являлись для них характерными. В орнаментации сосудов также можно заметить черты, сближающие томскую и андроновскую керамики. Так, зональное расположение орнамента на андроновских сосудах — одна из особенностей этой культуры эпохи бронзы. Такое же зональное расположение видов орнамента можно отметить и для самусьской керамики. Зона желобчатого орнамента, выполненная отступающей лопаточкой, сменяется зоной тесно расположенных поясов из отпечатков отступающей гребенки. Наконец, у самого дна — вновь пояс из редких желобков отступающей лопаточки. Подобное чередование видов орнамента на стенках самусьских сосудов, являясь сходной с андроновской орнаментацией по общей композиции, не имеет ничего общего с ней по существу: по технике выполнения и деталям узора. То же следует сказать и о сосудах с орнаментом в верхней половине, составляющих большую часть в андроновских сосудах.

Подобное расположение орнамента не является редкостью и на самусьских сосудах. Это прежде всего относится к резным желобчатым орнаментам и орнаментам из отпечатков ромбического гребенчатого штампа. А отпечатки гребенки, образующей различные узоры, составляют многочисленный вид орнамента как на самусьских сосудах, так и на сосудах андроновской культуры. Правда, самусьские узоры гребенчатого штампа отличаются от андроновских некоторыми чертами.

У самусьских сосудов иногда сохранился в новой своеобразной форме андроновский принцип орнаментации, при котором от верхней части сосуда спускаются орнаментальные фестоны. Вместо штрихованных треугольников и ромбов на андроновских сосудах самусьские имеют треугольники, состоящие из отпечатков ромбической гребенки; треугольники эти примыкают к поясу из горизонтальных желобков. А также штрихованные треугольники, нанесенные отступающей тонкой палочкой.

Желобчатый горизонтальный орнамент, выполненный дощечкой, ленты из отпечатков отступающей гребенки, покрывающие весь сосуд, чеканно-гребенчатые и резные линейные узоры имеют наибольшее ко-

личество аналогий в памятниках бронзового века Западной Сибири и Приуралья. Такова керамика нижнего слоя Омской стоянки, которую Н. Л. Членова датирует андроновским временем. Подобные материалы дало Кипельское селище Челябинской области, исследованное К. В. Сальниковым. Такова керамика Замараевского селища²¹). Этот памятник дает и желобчатый орнамент, и луночный, образующие узоры, аналогичные тем, которые встречаются на самусьском поселении. Как в первом, так и в другом памятнике наибольшее количество составляют резные желобчатые орнаменты. То же следует сказать и относительно некоторых других памятников андроновского времени Приуралья. Есть определенные аналогии самусьской керамики на Садчиковском поселении, исследованном О. А. Кривцовой-Граковой. Это поселение дало резной орнамент и орнамент, выполненный мелкозубчатой гребенкой, который имеет сходство с самусьскими орнаментами. Следует учитывать, что все упомянутые нами памятники дают сосуды, по форме очень аналогичные самусьским.

Совершенно понятно, что в силу этого некоторого сходства можно обнаружить аналогии самусьской керамики в памятниках андроновской культуры Западной Сибири и Северного Казахстана.

Однако следует помнить, что все эти черты сходства самусьской керамики с андроновской не сближают самусьское поселение с андроновской культурой. Это сходство такого же порядка, как и сходство андроновской культуры со срубной, т. е. не в чисто специфических чертах андроновской культуры. Возможно следует иначе рассматривать в настоящее время специфические черты андроновской культуры. Дело в том, что за этими ранее считавшимися специфическими чертами андроновской культуры и широко распространенными по всей Западной Сибири и Северному Казахстану кроется целый ряд черт, являющихся характерными, специфическими для определенного района, но составляющими некоторые частные, не характерные для андроновской культуры черты. Эти черты и являются для нас наиболее интересными, так как они позволяют выделить определенный район памятников из общей группы их в Западной Сибири эпохи бронзы.

Что же в таком случае является характерным для томской керамики, что же отличает ее от керамики того же времени южных районов Сибири? Прежде всего, более грубый внешний вид сосудов. У томских сосудов нет той сравнительно совершенной отделки многих андроновских сосудов. Толстые стенки, грубая глина, плохая заглаженность и сравнительно слабый обжиг.

Баночные сосуды, так часто встречающиеся в андроновских памятниках, в томском районе составляют очень немногочисленную группу. Основную массу сосудов составляют горшки, тяготеющие по своей форме к неолитическим сосудам. В орнаментации совершенно отсутствуют меандры и штрихованные треугольники, зато нередко можно встретить зооморфные и антропоморфные изображения на стенках сосудов. Некоторые из сосудов имеют орнамент в нижней половине в виде треугольников, вплотную прилегающих друг к другу, так что основания одних находятся на уровне вершин других, и наоборот. Каждый из этих треугольников заполнен отпечатками отступающей гребенки.

²¹) Сальников К. В., Бронзовый век южного Зауралья МИА СССР, № 21, М., 1952, стр. 117, рис. 9, стр. 134, рис. 19, стр. 135, рис. 20.

На поселении Самусь IV обнаружено несколько обломков одного андроновского сосуда, по всему своему облику очень близкого именно андроновской керамике, имеющей все основные андроновские черты в орнаментации. Следует также указать, что в Томском могильнике, как это отмечает М. Н. Комарова, имеется также большое количество изделий из бронзы, позволяющее ей связывать этот памятник с андроновской культурой²²⁾.

Однако нам кажется, что М. Н. Комарова преувеличила значение этого сходства с андроновской культурой. Томский могильник имеет больше сходства с Самусь IV, чем с андроновской культурой. Датировка же Томского могильника, предложенная М. Н. Комаровой, может быть вполне принята.

Наибольшее сходство томские памятники проявляют к памятникам сейминско-турбинского времени. Таковы, например, формочки для литья кельтов сейминского типа, украшенные фестонами штрихованных ромбов, спускающихся вниз²³⁾, а также формочки для кельтов с выпуклым валиковым орнаментом, являющиеся довольно частой находкой в Турбинском могильнике²⁴⁾. То же самое следует сказать и о формах для литья копий с ушками; из подобных форм было отлито копье из Подгремячинского местонахождения на Каме²⁵⁾. Есть подобные же аналогии и в других памятниках Турбинского типа в Прикамье²⁶⁾. Кельт, имеющий спускающиеся вниз к лезвию штрихованные ромбы, очень характерен для сейминской культуры. Подобные кельты, обнаруживаемые в Сибири, известны как кельты сейминско-турбинского типа²⁷⁾. Они были известны и опубликованы еще Тальгреном²⁸⁾. Все эти черты являются свойственными только для турбинской культуры и для томских памятников, но никак не для андроновских. Именно такого типа предметы отсутствуют в памятниках андроновской культуры. Но нам не кажется случайным тяготение томских памятников к району Камы, расположенному западнее Томи на тысячи километров. Это объясняется, видимо, какой-то общей близостью культур лесной полосы Западной Сибири к району Прикамья. Томские памятники не являются каким-то удаленным от Камы районом, где во II тыс. до н. э. существовала культура, близкая культуре племен, населяющих район бассейна р. Камы. Бассейн р. Томи был связан с Приуральем через целый ряд памятников таежной полосы Западной Сибири. Их, этих памятников, нам известно, к сожалению, крайне мало: Сузгун II и местонахождение у

22) Комарова М. Н., указ. соч., рис. 8—4, 6, 7, 9, 11, 12, 15, 16.

23) Грязнов М. П., Древняя бронза Минусинских степей. «Труды отдела первобытной культуры Госэрмитажа», вып. 1, 1941, табл. II; Бадер О. Н., Усть-Гайвинский могильник и Подгремячинское местонахождение Турбинского типа на Каме. «Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького», т. IX, в. 3, 1953, стр. 137, рис. 2—1; Бадер О. Н., Оборин В. А., На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, рис. 20—1.

24) Збруева А. В., История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. МИА СССР, № 30, М., 1952, табл. XXII—2—4.

25) Бадер О. Н., Усть-Гайвинский могильник и Подгремячинское местонахождение Турбинского типа на Каме... стр. 141, рис. 3—3. Бадер О. Н., Оборин В. А., На заре истории Прикамья, рис. 20—7.

26) Бадер О. Н., Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. «Ученые записки Пермского университета им. А. М. Горького», т. IX, в. 3, 1953, стр. 44—57.

27) Грязнов М. П., Древняя бронза Минусинских степей, стр. 252, табл. II; Чернецов В. Н., Опыт типологии Западно-Сибирских кельтов, КС ИИМК, XVI, 1947, рис. 23—1, 2.

28) Tallgren A. M., Collection Zaoussailon. Helsingfors, 1910, fig. 34, pl. XI—1.

д. Тюково²⁹). Эти памятники имеют бесспорные аналогии с томскими памятниками изучаемого периода.

Сходство томских памятников с культурой Сузгун II не вызывает сомнений. Прежде всего, сосуды первого, второго и третьего типов, выделенных В. И. Мошинской, имеют себе аналогии на стоянке Самусь IV, особенно те из них, которые имеют плохо выраженный венчик; похожи эти сосуды между собой и тем, что у них маленькое плоское дно.

Следует то же сказать и об орнаментации. Наибольшее сходство наблюдается в орнаментации сосуда сплошь с отпечатками гребенки в сочетании с ямочками, образующими горизонтальную елочку, разделенную линиями из ямочек³⁰). То же следует сказать и об орнаменте, образующем подобные же узоры, но выполненные отпечатками дощечки³¹). Но в отличие от Сузгуна II Самусь IV не имеет горизонтальных широких зигзаговых полос. Кроме того, самусьские сосуды в большей степени украшены отпечатками отступающей палочки, отступающей гребенки, образующей желобки или пояса. Такой вид орнамента отсутствует на Сузгун II. Многие Самусьские сосуды имеют орнаментированное днище. Этого нет на сузгунских сосудах.

Все это свидетельствует о том, что культура томских племен эпохи бронзы во II тысячелетии до н. э., имея бесспорные сходства с культурой соседних таежных племен, представляла своеобразное явление.

Из всех областей распространения памятников, содержащих подобный материал, наиболее изученной является область Прикамья, район Турбинской и Сейминской культуры. Учитывая это, нам кажется наиболее правильным связывать томские памятники с сейминско-турбинским временем. Это не значит, что они принадлежат именно этой культуре. Скорее всего Самусь III и Самусь IV являются памятниками особой археологической культуры, родственной во многом сейминско-турбинской. Лучше всего назвать эту культуру Томской. В чем проявляется родственность этих культур, кроме сходства некоторых сторон материальной жизни, мы не знаем. Район распространения этой культуры нам еще неизвестен. Решить этот вопрос можно будет только после выявления достаточного количества памятников подобного типа.

Время же этой культуры можно определить теперь второй половиной второго тысячелетия до н. э. Это и есть дата первой группы рассматриваемых нами памятников. Вместе с тем из трех памятников этой группы наиболее ранними следует считать Самусь III и Самусь IV. Томский же могильник, являясь памятником переходного периода андроновско-карасукского, следует датировать несколько более поздним временем. В инвентаре этого памятника отразились многие черты уже следующего этапа в истории томских племен, а именно того этапа, который представлен памятниками второй группы.

Вторая группа памятников: Ярское поселение, поселение у Аникина камня, Алаевское поселение, Шеломок, поселение на Басандайском городище, поселение на территории басандайского курганного могильника, на месте городища в Лагерном саду у Томска, Каштак, одно погребение на старом мусульманском кладбище представлены материалом удивительно однообразным: керамика во всех этих памятниках имеет один облик. Дата одного из слоев басандайского городища, Томского лагерного городища и других памятников определена А. П. Дуль-

²⁹) Мошинская В. И., Сузгун II. Памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири, МИА СССР, № 58, М., 1957.

³⁰) Мошинская В. И., Указ. соч., табл. II-1, 6.

³¹) Там же, табл. II—7.

зоном карасукским временем³²). Эта же датировка подтверждается и другими исследователями, работавшими над этим вопросом до А. П. Дульзона и после него³³).

Нам кажется, что такая датировка вполне соответствует действительности. В настоящее время мы не можем говорить о том, какой из названных памятников второй группы является более поздним, а какой более ранним. Для этого у нас нет еще достаточных материалов. По-настоящему ни один из этих памятников не исследован, за исключением Басандайского городища. Однако Басандайское городище, как становится очевидным из ознакомления с его коллекциями, содержало крайне незначительный материал по эпохе бронзового века. Однако и этот сравнительно небольшой материал по второй группе памятников позволяет сделать один совершенно бесспорный вывод: памятники второй группы принадлежат совершенно новой археологической культуре, вероятно, существенно отличающейся от культуры предшествующего времени, представленной памятниками первой группы.

Мы не можем еще говорить о том, насколько велики различия между этими двумя группами памятников, вместе с тем в настоящее время уже ясно, что между ними нет почти никакой преемственности, насколько это можно выяснить по материалам керамики. В памятниках второй группы нет случая, чтобы там встретились фрагменты керамики, типичной для памятников первой группы. Это позволяет нам считать памятники второй группы принадлежащими новой археологической культуре, являющейся вторым, заключительным этапом развития бронзового века бассейна р. Томи. Принадлежат ли эти памятники карасукской культуре, как это считают одни исследователи, или они являются памятниками другой культуры, отличной от карасукской, в настоящее время нам нельзя еще сказать. Только дальнейшее исследование памятников этой группы позволит дать окончательный ответ на этот вопрос.

³²) Дульзон А. П., О некоторых древних поселениях, стр. 236.

³³) Грязнов М. П., Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 161. К. Э. Гриневич, Опыт классификации и датировки басандайской керамики, стр. 144, 146; Членова Н. Л., О культурах бронзовой эпохи... стр. 47, 48.

В. И. МАТЮЩЕНКО

ЯЙСКИЙ НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК

Могильник расположен в 50 м южнее кирпичного завода пос. Яи Кемеровской области, на правом берегу р. Яи высотой 10—12 м. В этом месте берег образует мыс, с которого открывается широкий вид на окрестности. У основания берега обнажается гранит, который на всем правом берегу р. Яи прослеживается на глубине 5—7 м от поверхности, а у д. Николаевки (расположена на правом притоке речки Золотой Китат, в 2—2,5 км от могильника) гранит выходит почти на поверхность. На месте могильника гранитное основание покрыто слоем плотной глины грязно-серого цвета толщиной в 5 м со значительной примесью песка. В слое глины обнаруживаются норки грызунов с их костями. В западной части мыса на глубине 3—3,5 м от поверхности имеется узкая (50—70 см) пещера, уходящая вглубь на 3 м в сторону от берега. Обследование пещеры не дало ничего примечательного.

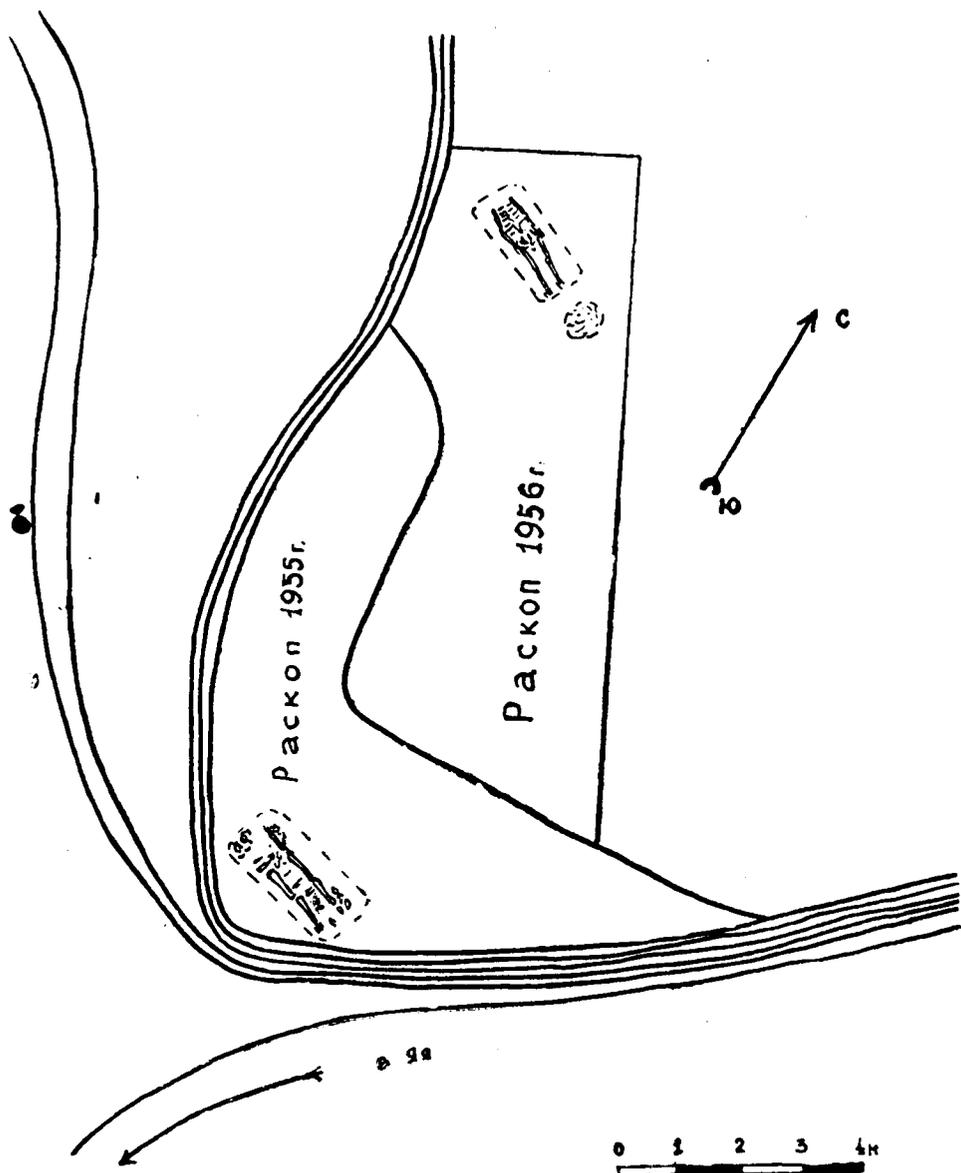
В настоящее время большая часть мыса уничтожена, так как здесь до 1952 г. включительно кирпичный завод добывал глину. В результате была разработана выемка до 17—18 м шириной и 4—4,5 м глубиной.

От жителей поселка стало известно, что во время этих работ были найдены некоторые каменные предметы (нож, топор и пр.), а также (в двух местах) и кости человека. Как предметы, так и кости человека в настоящее время утеряны.

В результате раскопок могильника в 1955—1956 гг.¹⁾ на территории могильника обнаружены 2 могилы: одна из них в 1955 г., вторая — в 1956 г. Работы 1956 г. убедили нас, что на территории могильника больше нет могил. Вероятно, две обнаруженные нами могилы не были уничтожены земляными работами просто случайно.

Могила № 1. Расположена на южном конце мыса у самого обрыва на глубине 60—90 см от поверхности. Размеры ее 190×60 см. Ориентирована головой на запад. Могила ничем не выделялась на общем фоне грязно-серой глины и прослежена благодаря находкам и костям скелета. Костяк сохранился плохо: позвоночник, большая часть ребер, плечевые и тазовые кости не обнаружены. Отсутствуют также почти все кости головы за исключением нескольких обломков черепа и нижней челюсти. Кости головы исчезли потому, что в этом месте давно была вырыта яма глубиной до 1,2 м, размерами 100×80 см. Это обстоятельство объясняет отсутствие костей черепа. Судя по оставшимся костям, покойник находился в вытянутом положении, с руками вдоль тела.

¹⁾ Работы проводились музеем истории материальной культуры при Томском государственном университете под руководством автора.

План места раскопок.

Могилa богaто снабжена инвентарем. В нoгaх, примыкая к лeвой ступнe, сплошной непрерывной цепочкoй, нo без oпpeдeленного пoрядкa лeжали ствoрки раковин бeззубки на глубинe 90×75 см.

Среди этoгo скопления раковин oбнаружен oдин кусoк гaльки. У сaмoй ступни лeвой нoги, нo нeскoлькo выше скопления раковин плaшмя лeжал кaменный тoпoр, сдeланный из тeмнo-кoричнeвoй твeрдoй слaнцeвoй пoрoды. Вcя пoверхнoсть зашлифoвана, и тoлькo в нeкoтoрых мeстax, ближе к притупленнoму oбушкy имeются ширoкие сколы (табл. 1—2). Пoд этим тoпoрoм плaшмя лeжaлo тeслo лeзвием нa вoстoк. Тeслo тpaпeциевиднoй фoрмы изгoтoвлeнo из тeмнo-зелeнoгo кaмня, oбушoк приoстрeн, лeзвие зaтoчeнo пoд углoм (табл. 1—1). Ни-

же тесла, уходя под левую ступню и прослеживаясь между обеими ступнями, лежали мелкие (не более 2,5 см) плоские костяные пластинки и клыки животного, некоторые из них сильно разрушены (табл. II—9). Уходя под левую ступню, лежала костяная игла в 17 см длиной, сделанная из ребра небольшого животного. Под ней найден обломок приостренной кости, треугольной в поперечном сечении, длиной в 7 см. Возможно, это наконечник стрелы. В 10 см северо-восточнее правой ступни найден цилиндрический костяной предмет. С обеих сторон предмет округлен, средняя часть сужена по сравнению с краями и заполирована (табл. II—6). У левой голени сверху и под ней найдены каменные овалы бусы с отверстием на одном конце. Все эти бусы украшали обувь погребенного (табл. II—10). Рядом с правой голенью обнаружено 4 обломка предмета неизвестного назначения. Каждый из этих предметов представляет собой обломок трубчатой кости, расколота вдоль, и имеет надрезы по концам. Все 4 предмета не превышают 15 см длины. Параллельно левой голени лежал костяной предмет, несколько изогнутый и подтреугольный в сечении. На плоской выгнутой части нанесено 9 поперечных зарубок (табл. II—2). Неколько в стороне от левого колена обнаружен обломок наконечника стрелы, а рядом с ним — отщеп кремнистого сланца. У правого колена, но выше его на 20 см лежало скопление обломков створок раковин беззубки. Между коленями, но несколько выше их расположены подвески из зубов животных (табл. II—11). Рядом с ними — обломок наконечника стрелы. Между ног, выше колен, найдено было 6 отщепов кремнистого сланца. Над левым бедром, в 10 см выше, его находилось третье скопление створок раковины. Над левым бедром находился топор из розоватой сланцевой породы, обработанный со всех сторон грубой ретушью; (табл. I—4). На правом же бедре лежал каменный нож, напоминающий несколько наконечник копья, но ассиметричный. Нож изготовлен из большого отщепа кремнистого сланца (табл. I—3).

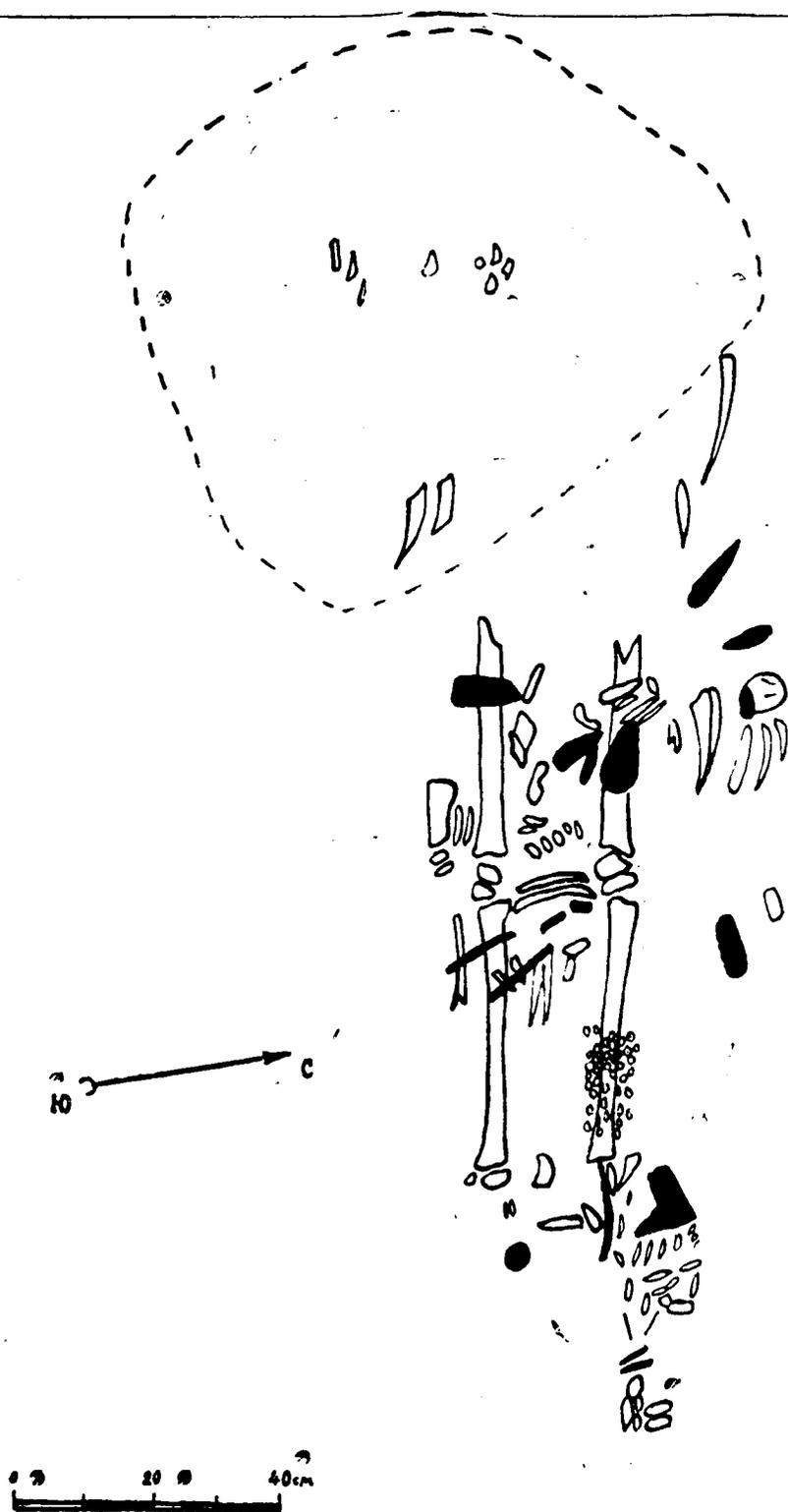
В 10 см от левого бедра находились подвески из плоских костяных пластинок и зубов животных. Среди них обнаружены костяные фигурки птиц. Одна из них изображала, видимо, летящую водоплавающую птицу. Она закреплялась через дырочку, в хвосте (табл. II—7). Другая фигурка сделана была более грубо (табл. II—8). У правого бедра обнаружен заостренный костяной предмет неизвестного назначения. Одна сторона этого предмета тупо обломана.

Кроме того, в этом же погребении найдены наконечник стрелы из кремнистого сланца со сломанным острием (табл. II—3), биконический костяной наконечник стрелы, круглый в сечении, с лопаткообразным черешком (табл. II—1).

Могила № 2. Расположена в 10 см северо-западнее предыдущей на глубине 65—85 см. Ориентирована головой на северо-запад. Особенностью могилы является отсутствие костей черепа и каких-либо признаков их. В то же время нет никаких признаков нарушения ее в прошлом. Отдельные обломки черепных костей беспорядочной кучкой обнаружены в 1—10 см юго-восточнее могилы на той же глубине. Скелет лежал в анатомическом порядке и обильно окрашен охрой, особенно кости грудной клетки. Охра пропитывала также землю, заполняющую могилу, она обнаружена на обломках черепных костей.

В области грудной клетки лежали 2 плоских костяных наконечника стрелы.

В осыпи берега найдено много отщепов кремнистого сланца и отдельные обломки наконечников стрел (табл. 2—4,5). Подобные же на-

План могилы № 1.

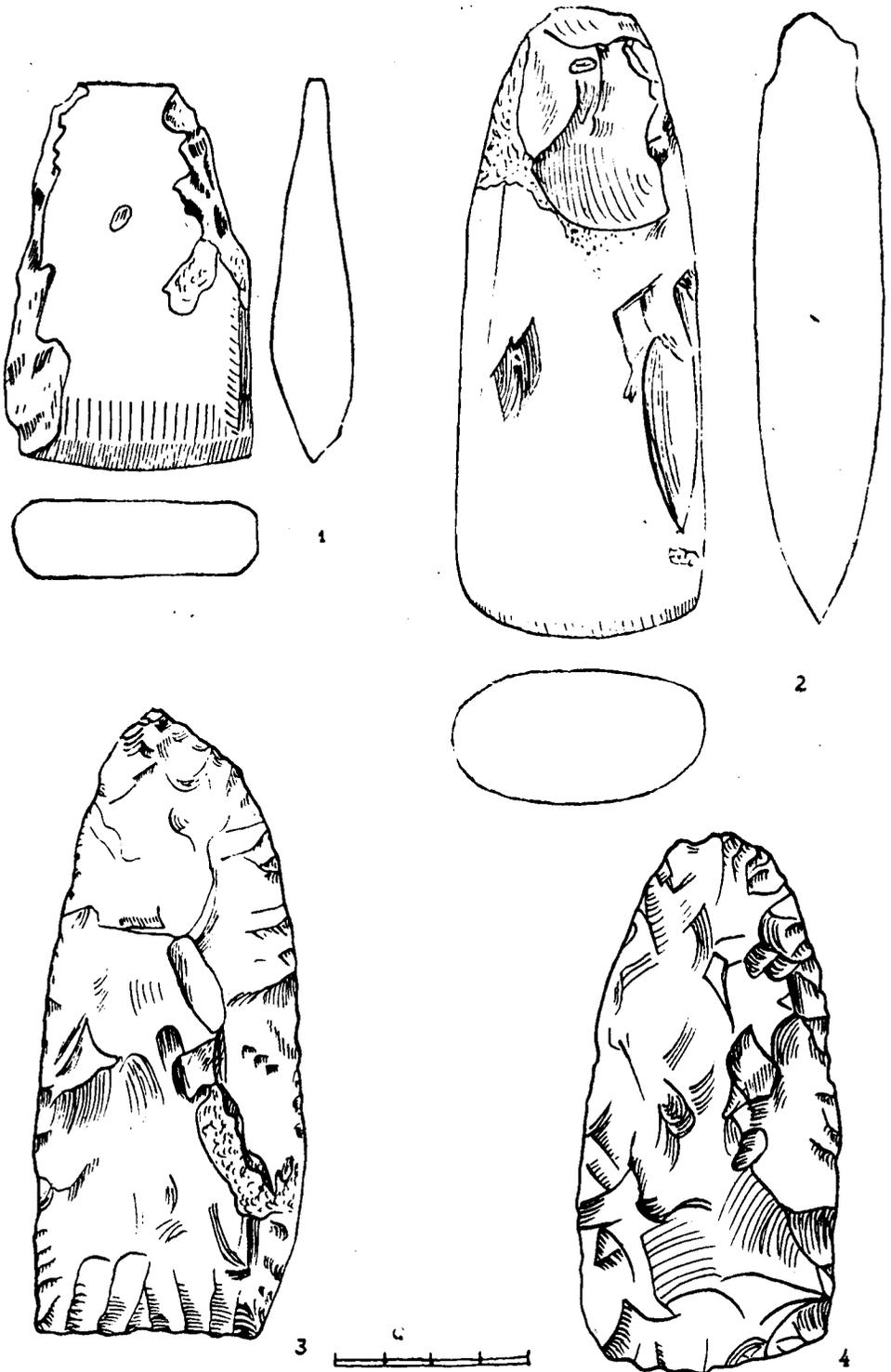

Таблица I. Находки из Яйского неолитического могильника.

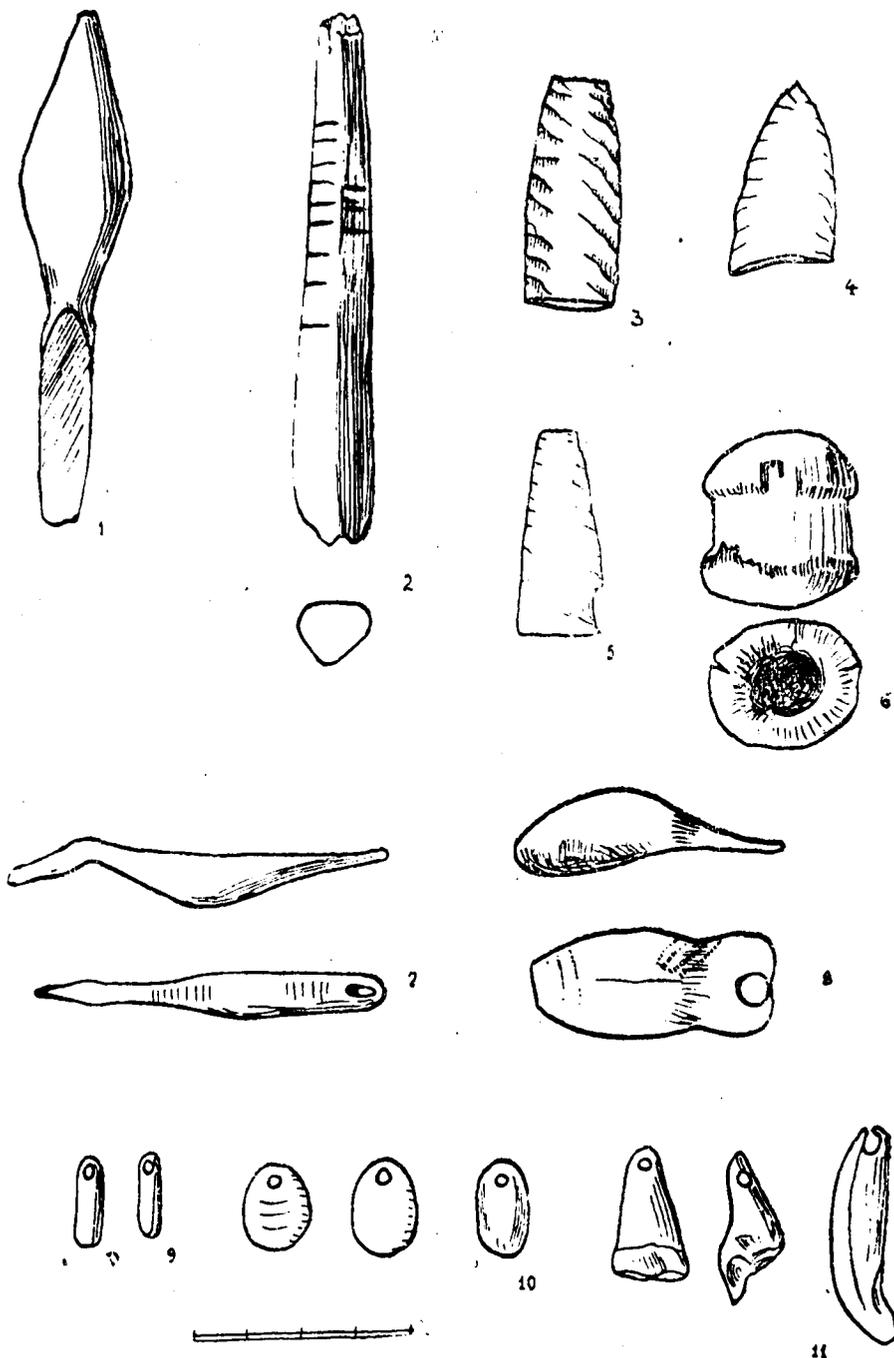

Таблица II. Находки из Яйского неолитического могильника.

ходки встречаются и в верхних гумусированных слоях на всей раскопанной площади. Объясняется это обстоятельство, видимо, тем, что при добычании глины перед тем, как выбирать глину, гумусный слой был переброшен дальше от берегов карьера. Некоторые находки из разрушен-

ных таким образом погребений оказались перемещенными и встречаются в настоящее время в гумусе.

Дата Яйского могильника устанавливается достаточно определенно. Это эпоха развитого неолита. Такая датировка становится совершенно очевидной, если обратиться к изделиям из камня и кости. Некоторые вещи из Яйского могильника сходны с такими же орудиями из неолитических погребений Прибайкалья²⁾ и Томского могильника³⁾. Такое же сходство с этими памятниками проявляется и в наличии украшений из зубов различных животных. Но ближе всего погребения Яйского могильника к Кузнецкому могильнику на р. Томи⁴⁾.

Совершенно новыми находками являются костяные фигурки птиц. Возможно, они представляют собой изображение родового тотема, которое носили члены рода. Вероятно, эти изображения имеют тот же смысл, что и каменные изображения медведей, недавно обнаруженные с погребениях Самусьского могильника и могильника на старом мусульманском кладбище в окрестностях г. Томска⁵⁾.

²⁾ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II. МИА СССР, № 18, М.-Л., 1950.

³⁾ Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири, МИА СССР, № 24, М., 1952, стр. 7—50.

⁴⁾ Чернышев П. А. Кузнецкий неолитический могильник, МИА СССР, № 39, М.-Л., 1953, стр. 336—346.

⁵⁾ Матющенко В. И. Отчет о работе археологической экспедиции музея истории материальной культуры при ТГУ летом 1955 года, стр. 24. Рукопись хранится в ИИМК АН СССР и в музее ИМК ТГУ; Дульзон А. П., Археологические памятники Томской области, «Труды Томского областного краеведческого музея», т. V, Томск, 1956, табл. XXXIV, рис. 1.

Р. М. МЕЧНИКОВА.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ТОМСКИХ ШКОЛАХ

Решение большой и ответственной задачи воспитания человека коммунистического общества потребовало перестройки системы народного образования с целью ликвидации отрыва школы от жизни, усиления связи обучения с производительным трудом, воспитания самостоятельности мышления и формирования различных практических навыков и умений у школьников.

В настоящее время уже определились те способы, с помощью которых учитель может достичь положительных результатов. Практика показала, что в основе решения задачи воспитания самостоятельного мышления и навыков работы лежит активизация учебного процесса, которая позволяет через применение различных форм самостоятельных занятий и других приемов будить мысль учащихся, развивать их логические способности.

Именно в этом направлении и идет сейчас перестройка преподавания школьного курса истории. Пересматриваются устаревшие методы, вводятся новые приемы. Передовые учителя отказываются от шаблонных форм работы, от традиций так называемого комбинированного урока. В поисках нового используются различные типы и варианты уроков, многообразные формы самостоятельной работы и т. д.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать первые итоги перестройки преподавания в томских школах, показать, в каком направлении работают учителя над повышением эффективности урока. Наряду с этим мы попытаемся выявить наиболее типичные недостатки и ошибки, которые должны быть преодолены в процессе этой работы.

Активное усвоение знаний предполагает серьезную, напряженную работу всего коллектива учащихся и каждого ученика отдельно, что осуществимо лишь при условии умелого руководства со стороны учителя. Подобный результат достигается мастерски построенным опросом, когда перед учащимися ставятся проблемные вопросы, вопросы, требующие сравнения и сопоставления фактов, выяснения причинно-следственных связей, выявления общего и особенного в явлениях, интересно построенным рассказом, в процессе которого учащиеся решают различного рода логические задачи, устанавливают связи между ранее изученным и новым материалом, анализируют факты, делают самостоятельные выводы, работают над выяснением существенных признаков исторических понятий, определением последних и т. д. Активизирует восприятие материала применение наглядных пособий, использование различных форм самостоятельной работы учащихся с книгой, документом, таблицей и пр.

Таким образом, активным учебный процесс становится в том случае, когда на всех этапах урока ведется работа по воспитанию само-

стоятельного мышления и в связи с этим используются разнообразные методы и приемы. Эта работа чрезвычайно многогранна и сложна. Поэтому мы остановимся лишь на некоторых особенно важных, с нашей точки зрения, сторонах учебного процесса и покажем, какие изменения внесены и вносятся в них с целью повышения качества преподавания истории, развития мыслительных способностей учащихся и некоторых практических навыков самостоятельной работы.

Специфика истории требует от учителя особого внимания к изложению нового материала, к рассказу. Обычно эта часть урока протекает более удачно, чем другие, как у начинающего, так и у опытного учителя.

Увлекательный рассказ дисциплинирует учащихся, создает видимость коллективной работы. Однако даже самый яркий рассказ, обречая школьников на пассивное восприятие материала, довольно быстро выветривается из памяти, если он не преследовал цели не только увлечь, но и дать пищу для размышлений, если этот «красивый рассказ» можно было слушать без всякого умственного напряжения. Несомненно, что учитель истории должен владеть мастерством образного, увлекательного рассказа, но его надо строить так, чтобы он будил мысль и воспитывал логические способности детей. Вот почему в настоящее время особое значение приобретает искусство «активного рассказа».

Активным рассказ становится тогда, когда учитель умело сочетает изложение с беседой, т. е. использует диалог для передачи новых знаний. Однако беседа как форма изложения может содействовать воспитанию мышления лишь при определенных условиях. Важнейшим из этих условий является умение учителя выделить в своем рассказе те факты и тот материал, который с предельной глубиной раскрывает основную идею темы, умение акцентировать внимание учащихся на ведущих связях, на анализе существенных признаков понятий, наконец, умение подвести детей к самостоятельному выводу. Над решением этой сложной задачи работают многие учителя томских школ.

Интересно было построено изложение нового материала на уроке на тему «Арабский халифат и его распад» (школа № 2, VI класс, 1959/60 уч. г.). Основная задача урока заключалась в том, чтобы показать перемены в жизни арабов, главное, охарактеризовать халифат как феодальное государство. Так как учащиеся уже познакомились с установлением феодального строя в Западной Европе, Византии и Восточной Европе, преподаватель не просто констатировал факт установления феодальных отношений в халифате, а попытался проверить прочность овладения школьниками существенными признаками понятия «феодальный строй». С этой целью после краткого указания на установление феодального строя в халифате перед учащимися были поставлены следующие вопросы:

- 1) Какой строй называется феодальным?
- 2) Какие классы составляют феодальное общество?
- 3) Кому принадлежит земля при феодальном строе?
- 4) Кто обрабатывает эту землю?
- 5) Какие повинности несли крестьяне?
- 6) Что такое барщина, оброк и т. д.?

Так, связав уже известное учащимся понятие с новыми фактами, преподаватель закрепил и расширил его, подчеркнув своеобразие феодальных отношений в арабском халифате. После краткого итога по ответам учащимся было предложено обратиться к карте и вспомнить

особенности природных условий районов, заселенных арабами. Помогая учащимся, учитель поставил конкретный вопрос о том, что необходимо для успешных занятий земледелием в засушливых районах. Таким образом дети были подведены к выводу, который они сделали самостоятельно, об огромной ценности воды, а отсюда к тому, что ответственность феодала не только на землю, но и на воду усугубляла тяжелое положение крестьян.

В таком же плане шло дальнейшее изложение материала, оно постоянно прерывалось вопросами, которые в основном были направлены не на припоминание материала, а на умение применить ранее полученные знания к анализу новых фактов, сравнить, привести доказательства, сделать вывод.

В конце урока, сопоставляя в беседе с детьми историю ранее изученных государств средневековья (империя Карла Великого) с историей халифата, преподаватель подвел их к выводу о неизбежности распада арабского халифата. Дети самостоятельно и в основном правильно назвали причины, которые, по их мнению, должны были привести арабский халифат к упадку.

Так, используя беседу в процессе изложения, преподаватель добивается не только активного восприятия материала, но и развития навыков анализа, сравнения, обобщения, приучает детей применять свои знания на практике.

По мере развития школьников, обогащения багажа знаний, умений и навыков характер беседы как формы изложения нового материала меняется: вопросы становятся глубже, работа над понятиями усложняется. Так, на уроке на тему «Свержение монгольского ига. Империя Мин» (VII класс, школа № 2), рассказывая об укреплении феодальных отношений в Китае, преподаватель не дал готового определения понятия «феодальный строй», но, перечислив его признаки, потребовал от учащихся полного и четкого определения данного понятия. Этот прием позволил проверить степень овладения учащимися сложным понятием и умение давать определения.

Диалогическая форма изложения стала шире практиковаться на уроках истории в старших классах. Рассказ учителя все чаще переплетается с беседой, позволяющей углубить понимание изучаемого материала, дать возможность учащимся установить новые связи между явлениями, сопоставить историю с современностью, увидеть развитие истории в перспективе.

Так, в X классе (школа № 12, 1959/60 уч. г.) при разборе вопроса об окончательной и полной победе социализма в СССР преподаватель широко использовал не только материал доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, но и привлек ранее изученный материал. Беседа с классом велась по следующим вопросам:

- 1) Кто впервые обосновал возможность построения социализма в одной отдельно взятой стране?
- 2) На основе изучения какого закона развития капитализма сделал В. И. Ленин этот вывод?
- 3) Какими фактами можно подтвердить правильность этого положения?
- 4) Когда наша страна приступила к строительству социализма?
- 5) Какие возникли при этом трудности?
- 6) Какие задачи были поставлены В. И. Лениным в его последних работах? И т. д.

Активизируют восприятие материала и многие другие приемы. Осо-

бенно широко применяются в последнее время различные варианты работы с учебником истории. Учебник используется в процессе изложения нового материала для его закрепления, с целью составления плана, таблиц, схем, подготовки ответа на поставленный вопрос, решения так называемых учебно-логических заданий и т. п.

Некоторые учителя используют учебник для перехода от ранее изученного к новому материалу, для установления причинно-следственных связей между явлениями.

Примером может служить урок на тему «Борьба римских полководцев за власть» (V класс, школа № 12, 1959/60 уч. г.). Закончив с учащимися повторение материала по теме «Восстание Спартака», учительница решила подвести их к самостоятельному выводу о влиянии классовой борьбы на управление римским государством. С этой целью она вспомнила с детьми об особенностях управления Римом до середины I века до н. э., а затем предложила учащимся подумать над тем, не могло ли это крупное восстание, с которым римляне так долго не в состоянии были справиться, заставить римскую знать задуматься над управлением государством. Дети не смогли справиться с подобным вопросом. Тогда преподаватель предложил им открыть учебник, прочесть соответствующий текст и попытаться ответить на вопрос: «Как отразилось восстание рабов на управлении римским государством?» (учебник истории древнего мира, стр. 161). Чтение продолжалось 4 минуты. В это время учительница записала на доске название темы нового урока: «Борьба римских полководцев за власть», после чего она предложила классу закрыть учебники, подумать и ответить на поставленный вопрос.

Усилиями всего класса удалось сделать заключение о том, что восстания рабов и покоренных народов, угрожавшие господству рабовладельцев, обусловили изменения в управлении римским государством, переход от республики к единоличной власти. Чтение учебника учащимися и их ответы дали возможность сделать удачный переход к новому материалу.

Нередко в процессе изложения учителя используют самостоятельную работу учащихся над текстом учебника. Там, где эта работа хорошо организована, она дает положительные результаты, так как учащиеся не только приобретают новые сведения, но и получают полезные навыки. Дети учатся выделять главное, находить доказательства, делать заключения. Несомненно, что подобная работа требует большой подготовки от учителя, умения выбрать посильный текст, подготовить его восприятие, дать четкий инструктаж по выполнению задания. Примеры подобной работы мы наблюдали в ряде школ (№№ 2, 8, 9, 10, 41, 6). Хорошо была организована работа с учебником на уроке на тему «Голландия в XVII веке» (VII класс, школа № 2). Преподаватель перед началом работы над изучением нового материала в доступной форме объяснил учащимся цель урока, указав на то, что им предстоит познакомиться с развитием хозяйства Голландии в XVII веке и узнать, каковы были последствия революции, как отразилась победа Северных провинций на развитии их экономики. Затем учительница предложила школьникам открыть учебники и, прочитав соответствующий параграф, найти ответы на вопросы, которые были записаны на доске:

- 1) Какие успехи были достигнуты в хозяйстве Голландии в XVII веке?
- 2) Положение народных масс Голландии.
- 3) Каков основной результат Нидерландской революции?

К вопросам были даны некоторые разъяснения. Так, учительница указала, что при анализе первого вопроса следует обратить особое внимание на развитие промышленности и торговли, на колонизаторскую политику голландской буржуазии. По этому вопросу она предложила детям обратить внимание на то, в каком положении после революции оказались крестьяне, ремесленники, рабочие мануфактур. И, наконец, отметила, что основной вывод о результате революции следует выписать из учебника в тетрадь, подчеркнуть и запомнить. Таким образом, учащиеся получили не только определенное задание, но и инструктаж по его выполнению. Во время работы учительница не была пассивна: она следила за классом, помогала тем, кто затрудняется в выполнении задания. После 12 минут чтения параграфа учебника, объемом немногим более страницы, началась беседа по вопросам, записанным на доске. Ответы учащихся свидетельствовали о том, что содержание учебника они усвоили хорошо.

Систематически работает с текстом учебника преподаватель 9-х классов школы № 8 (1959/60 уч. г.). Особое внимание он уделяет смысловому анализу отдельных положений и статей учебника. Например, на уроке на тему «Подготовка крестьянской реформы» работа с учебником проводилась в связи с анализом причин отмены крепостного права. Учащимся было предложено: прочитать текст учебника и подготовить ответ на вопрос: «Какие причины привели к отмене крепостного права?» Предварительно учитель дал конкретные указания по выполнению задания. В своей инструкции он указал на страницы и параграф, который следует изучить, акцентировал внимание учащихся на важности уяснения причин отмены крепостного права и предложил выписать в тетрадь основное положение текста статьи учебника и доказательства к нему. В таком же плане была организована работа с учебником на уроке на тему «Франко-прусская война». Вопрос о кризисе Второй империи учащиеся разбирали самостоятельно по учебнику. При этом перед ними была поставлена задача: «Докажите, что Вторая империя переживала кризис. Найдите в учебнике основное положение и два доказательства». Подобного рода задания заставляют учащихся особенно серьезно вчитываться в текст учебника, глубоко анализировать его в поисках главной мысли, рассуждать в поисках доказательства, т. е. стимулируют развитие логических способностей детей.

Примерно в том же плане ведется самостоятельная работа с текстом учебника на уроках истории в школе № 10. Работая над формированием новых понятий, преподаватель VI—VII классов (1959/60 уч. г.) широко использует прием смыслового анализа учебника для обучения учащихся умению давать определения, раскрывать причинно-следственные связи явлений, выявлять их роль и значение, делать обобщения и выводы. Такая работа проводилась в процессе изучения темы «Установление феодального строя в Западной Европе», когда учащиеся после рассказа учителя о феодальном поместье и объяснения понятий «барщина» и «оброк», работая с учебником, учились самостоятельно давать определения этим понятиям. В VII классе, изучая тему «Торговля и банки», учащиеся с помощью учебника выясняли последствия развития товарно-денежного хозяйства. Очень часто в этой школе на уроках истории используется самостоятельная работа с иллюстрациями учебника. Так, например, при переходе к теме «Развитие ремесла и торговли. Рост городов» преподаватель использовал иллюстрацию на стр. 57 учебника истории средних веков — «Плуг, запряженный волами». Для того, чтобы облегчить понимание такого сложного явле-

ния, как отделение ремесла от сельского хозяйства, учитель во время изложения нового материала предложил классу открыть учебники, внимательно рассмотреть плуг, которым крестьянин пахал землю в IX веке, и ответить на вопрос: «Мог ли крестьянин, которому постоянно приходилось заниматься сельским хозяйством, изготовить такое довольно сложное орудие труда?» Дальнейшее объяснение учителя о том, что с усовершенствованием техники производства стали выделяться ремесленники по профессиям и ремесло начало отделяться от сельского хозяйства, получило некоторое конкретное обоснование в зрительном образе, что активизировало восприятие нового материала.

В некоторых школах практикуется составление планов по статье учебника. В IX классе (школа № 8, 1959/60 уч. г.) на уроке на тему «Отмена крепостного права. Положение 19 февраля» учащиеся получили задание составить план по вопросу о революционной ситуации накануне отмены крепостного права (этот вопрос учитель не излагал в своем рассказе).

Кроме указанных приемов, на уроках истории используются и другие формы самостоятельной работы с учебником (составление таблиц, ответы на вопросы, выписывание исторических терминов, определений и пр.), цель которых — активизировать изложение курса истории.

В томских школах используются и другие приемы, стимулирующие восприятие нового материала. Так, в последние годы стала значительно шире использоваться наглядность в преподавании истории. Помимо карт, картин и иллюстраций отдельные учителя практикуют показ диапозитивов, диафильмов и учебного кино (школы № 41, 10). Интересно прошел в 5 классах 41 школы урок на тему «Мифы древней Греции» (1960/61 уч. г.). Чтение, пересказ и беседа по содержанию греческих мифов сопровождалась показом диапозитивов.

В старших классах нередко изложение учителя дополняется небольшими реферативными сообщениями, докладами учащихся. В X классе школы № 10 такие доклады были подготовлены по некоторым произведениям В. И. Ленина. Так, на уроке на тему «Аграрная реформа Столыпина» был заслушан пятиминутный реферат на тему «Последний клопан»; на уроке, посвященном русско-японской войне, было сделано сообщение на тему «Падение Порт-Артура». Часто на уроках в этой школе используется материал местной истории. В школе хорошо организована краеведческая работа, и это позволило несколько изменить методы включения материала местной истории в изложение курса. Если раньше преподаватель в своем рассказе изредка ссыался на примеры из истории Томска, то теперь, когда возникает необходимость в привлечении фактов местной истории, учитель предоставляет слово членам краеведческого кружка. В такой форме местный материал был использован на уроках по революции 1905 года (приводились факты из истории революционной борьбы в Томской области, и было сделано небольшое сообщение на тему «Киров в Томске»), на уроке на тему «Триумфальное шествие Советской власти» (сообщение «Установление Советской власти в Томске»), много интересного материала было привлечено к урокам по Отечественной войне 1941—1945 гг. (доклады: «О героизме томичей на фронтах Отечественной войны», «О трудовых подвигах томичей»), на последнем уроке по курсу истории СССР в X классе, посвященном XXI съезду КПСС, был сделан доклад «Томск в семилетке».

Подготовка реферативных сообщений и небольших докладов позволяет формировать у учащихся первоначальные навыки исследова-

тельской и лекторской работы: умение правильно отобрать, проанализировать и обобщить исторический материал и преподнести его аудитории. Вместе с тем выступления учащихся-докладчиков активизируют работу всего коллектива. Интерес к содержанию доклада усиливается благодаря тому, что его делает товарищ. Последнее обстоятельство повышает внимание к излагаемому и, таким образом, углубляет его восприятие.

Мы перечислили ряд методов, которые в последнее время все чаще применяются на уроках истории в томских школах с целью повышения качества обучения. Но среди уже указанных ранее способов активизации изложения курса истории особое место должно быть отведено приему, который в литературе получил название учебно-логических заданий. Этот вид самостоятельной работы дает особенно хороший результат в воспитании мыслительных способностей учащихся.

Постановка определенных заданий перед изложением нового материала придает процессу усвоения знаний четко целенаправленный характер. Решение поставленной задачи повышает внимание детей, делает его более устойчивым, усиливает работу мысли, способствует развитию логических способностей.

В 1959/60 и 1960/61 уч. гг. на уроках истории в V—X классах школ №№ 8, 2, 24 использовались разнообразные задачи. Так, например, в IX классе на уроке на тему «Отмена крепостного права. Положение 19 февраля», начиная изложение нового материала, учитель поставил перед учащимися следующее задание:

- 1) выделить крепостнические и буржуазные черты реформы;
- 2) найти черты прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве после реформы 1861 г.;
- 3) указать, к каким последствиям должна была привести реформа.

На уроке на тему «Парижская Коммуна» перед классом была поставлена задача: «1) Докажите, что Парижская Коммуна — власть трудящихся, диктатура пролетариата, 2) какие факты говорят о том, что Коммуна была прообразом Советской власти?». В V классе на уроке на тему «Занятия и общественный строй греков в IX—XI вв. до н. э.» детям было предложено после объяснения нового материала самостоятельно ответить на вопрос: «Какой общественный строй существовал в гомеровской Греции?», т. е. сделать вывод по содержанию изложенного материала. Содержание и характер заданий свидетельствуют о том, что эта работа дает возможность приучить учащихся рассматривать исторические факты под определенным углом зрения. Решая учебные задачи, школьники привыкают из всей массы исторических сведений выделять наиболее важные факты, сравнивать их, искать существенные признаки и отбрасывать второстепенные, давать оценку фактам, устанавливать причины и следствия. Они учатся применять ранее полученные и новые знания на практике. Характер учебно-логических заданий могут принимать и другие формы и приемы работы (составление таблиц, схем и т. д.), о чем будет сказано ниже.

Нет необходимости подробно излагать все те приемы и методы, с помощью которых учителя истории томских школ стремятся активизировать изложение курса истории, сделать его усвоение глубокомысленным. Любой из вышеуказанных видов работы направлен на применение различного рода мыслительных операций и требует значительного умственного напряжения. Многие учителя творчески подходят к изложению курса, стремятся преподнести исторический материал не

в готовом препарированном виде, а так, чтобы его усвоение содействовало воспитанию самостоятельности мышления.

Перестройка преподавания, поиски новых форм и методов сказались и на других этапах урока. Постепенно меняется роль опроса. Контрольная функция опроса, которая не так давно многими учителями считалась основной, ныне все больше подчиняется обучающей. Многие учителя успешно добиваются активной работы всего коллектива класса во время опроса. Этому содействует применение различных форм самостоятельной работы, сочетание фронтального и индивидуального опроса, а главное—умело построенная беседа, вопросы которой направлены на выявление существа изучаемых событий и требуют глубокого понимания материала.

Удачно, с нашей точки зрения, был построен опрос на уроке на тему «Арабский халифат и его распад» (VI класс, школа № 2). К выяснению вопроса о занятиях арабов преподаватель подвел детей, используя их знания по географии. Учащимся было предложено вспомнить и показать по географической карте территорию, занятую арабами, рассказать о природных условиях этого района и ответить на вопрос о том, каким занятиям могли благоприятствовать эти условия. Так была установлена связь между природными условиями и занятиями населения. Подобные связи, несомненно, способствуют постепенному формированию важнейшего методологического положения о роли географических условий в жизни общества, о зависимости степени их влияния от уровня развития производительных сил. Продолжая эту линию связи при анализе истории других стран, преподаватель формирует в сознании учащихся понятие о том, что влияние географической среды не является определяющим. На другом уроке, где будут рассматриваться аналогичные вопросы, ученик повторит известную ему логическую операцию сопоставления природных условий и занятий населения, что поможет ему сделать новый вывод. Таким образом, понятие о зависимости жизни человеческого общества от природных условий на том или ином историческом этапе его развития будет укрепляться, обогащаться, вырастать в твердое убеждение.

Наряду с обучающим опросом больше внимания стало уделяться контролю за знаниями в процессе изложения нового материала. Опыт ряда томских учителей показал, что использование беседы как формы изложения не только активизирует восприятие нового материала, но и расширяет и углубляет работу по выявлению, повторению и закреплению ранее полученных знаний.

Примером служит изложение нового материала на уроке на тему «Франция в IX—XI вв.» (школа № 2, VI класс, 1960/61 уч. г.). Оно началось с вопросов:

- 1) Какой строй существовал в Западной Европе в IX—XI веках?
- 2) А какой строй называется феодальным?
- 3) Что вы знаете о королевской власти в IX—XI веках?
- 4) Какой тип хозяйства существовал в IX—XI веках?
- 5) Какое хозяйство называется натуральным?
- 6) К каким последствиям вело господство натурального хозяйства? И т. д.

В процессе беседы учащиеся получали новые знания, основой для которых служили их ответы. Так, получив ответ на вопрос «Что вы знаете о королевской власти в IX—XI веках?», учитель отметил, что и во Франции в IX—XI веках королевская власть была слабой. Ответ на вопрос о последствиях господства натурального хозяйства позволил учи-

телю подвести учащихся к выводу о феодальной раздробленности Франции в IX—XI веках (с этой целью была хорошо использована работа с картой).

Подобный способ изложения позволяет усилить контроль за знаниями учащихся.

По-новому строятся повторительно-обобщающие уроки, на которых опрос играет основную роль. В 5-х классах школы № 8 (1960/61 уч. г.) на повторительно-обобщающем уроке на тему «Жизнь первобытных людей» составлялась таблица под названием «Как и почему изменялась жизнь первобытных людей». Само оглавление таблицы подчеркивало обобщающий характер беседы и направляло мысль учащихся на выяснение главного, ведущих причинно-следственных связей.

На уроках истории в томских школах все шире используются различные приемы, повышающие эффективность опроса: работа с доской и мелом (составление таблиц, схем, записи развернутых планов с последующим коллективным обсуждением), устное и письменное рецензирование ответов товарищей (старшие классы школ № 2, 10, 8, 24, 12, 6) и пр.

Таким образом, знакомство с состоянием преподавания в ряде школ г. Томска в течение трех лет (1958/59, 1959/60, 1960/61 уч. гг.) позволяет сделать вывод о том, что преподавание истории в томских школах находится в состоянии перестройки. Учителя истории работают над проблемой активизации обучения. В их практике находят применение различные приемы и методы, углубляющие процесс восприятия исторического материала, формирующие мышление школьников.

Несомненно, что положительный опыт по применению учебно-логических заданий, различных форм самостоятельной работы с учебником, схемой, таблицей, исторической и политической литературой и т. п., накопленный некоторыми преподавателями, должен стать достоянием всех учителей истории.

Отмечая то положительное, что имеется в работе томских школ, нельзя не указать, что работа по повышению эффективности урока, по воспитанию самостоятельности мышления учащихся еще далеко не получила того размаха, который позволил бы утверждать, что эта задача близка к своему решению.

До сих пор некоторые учителя не отказались от шаблонных форм преподавания. Ограниченны и однообразны те формы и методы работы, которые отдельные учителя используют на своих уроках. Порой из урока в урок используются два-три любимых приема. Некоторые преподаватели слабо овладевают всем комплексом приемов и методов, активизирующих процесс обучения.

Особенно серьезным пороком является формальный подход части учителей к решению задачи воспитания самостоятельного мышления и формирования различных навыков самостоятельной работы. Серьезные ошибки в организации самостоятельной работы приводят к тому, что эта работа, по существу, превращается в механическое выполнение ряда операций, сохраняющих лишь внешнюю форму, видимость самостоятельности.

Отдельные учителя не отдают себе отчета в важности подготовки каждого этапа самостоятельной работы учащихся, особенно момента разъяснения задания и путей его выполнения. Эти учителя либо совсем не инструктируют школьников, либо их инструктаж носит слишком поверхностный характер. В результате школьники не видят и не понима-

ют значения, задач своей работы и теряют к ней интерес, выполняя ее поверхностно, плохо.

В таком плане нередко ведется так называемая самостоятельная работа с учебником. Некоторые учителя используют работу с учебником почти на каждом уроке, мотивируя это необходимостью максимально разгрузить учащихся от домашних заданий и дать им возможность уйти с урока с прочными знаниями, т. е. решить задачу обучения на самом уроке.

Но насколько далека от положительного решения эта важная и ответственная задача, можно судить по некоторым примерам. На одном из уроков новой истории (школа № 9, 1958/59 уч. г.) после краткого изложения (в рамках учебника) темы «Европейская реакция. Крымская война» преподаватель истории попытался провести закрепление материала. Но на вопросы о причинах Крымской войны и вступлении в нее Франции и Англии учащиеся дали неполные и неверные ответы. Ученица Б. на вопрос о причинах вступления в войну Англии и Франции заявила: «Они вступали за владение морями и также за независимость». Вызванная затем ученица М. дала неполный ответ. Преподаватель предложил открыть учебник и прочесть подзаголовок «Крымская война». Прочитав учебник, школьники в основном справились с поставленными вопросами. Тогда им было предложено познакомиться со следующим подзаголовком «Парижский мир», хотя и этот материал был изложен учителем. После чтения этого раздела учебника учащиеся ответили на вопросы об условиях Парижского мира.

Давая домашнее задание, преподаватель заявил, что так как материал темы «Европейская реакция. Крымская война» почти полностью изучен на уроке и дома учащимся делать будет нечего, она предлагает им выучить следующий параграф, материал которого не был объяснен, но, по мнению учителя, доступен для самостоятельной работы (тема: «Экономический подъем 50-х годов в Европе»). Насколько серьезно была продумана на этом уроке работа с учебником? Можно ли считать, что учащиеся получили какие-то навыки самостоятельной работы с книгой или, по крайней мере, выучили урок? Можно ли быть уверенным в том, что после подобной работы с учебником в классе они в состоянии будут успешно справиться с самостоятельным изучением целого раздела учебника дома?

По-видимому, работа с учебником на данном уроке носила случайный характер. Учитель был намерен, и он это выполнил, изложить материал, а затем закрепить его в беседе. Но в результате опроса двух учениц (что явно еще недостаточно для выявления глубины усвоения материала классом, так как именно эти девочки могли отвлечься во время объяснения) у преподавателя возникла мысль (благо времени оставалось предостаточно, так как рассказ носил конспективный характер) предложить учащимся прочесть часть текста учебника и не только помочь им таким путем разобраться в том, в чем они не разобрались, слушая учителя, но и решить задачу заучивания материала на самом уроке.

Учащиеся прочли учебник и пересказали его содержание. Этого оказалось достаточно для того, чтобы сделать вывод о «прочном» усвоении материала на уроке и вместо задания, которое могло бы расширить и закрепить знания по изучаемой теме, дать школьникам новое задание по совершенно незнакомому материалу, хотя он, кстати сказать, отнюдь не так легко усваивается, как предполагает учитель. Как известно, именно вопросы экономики усваиваются детьми с наибольшим тру-

дом. В результате материал темы не был изучен на уроке, учащиеся не были освобождены от домашнего задания, вместе с тем они не познакомились ни с одним новым приемом работы над текстом книги.

Мы бы не считали возможным анализировать этот частный случай, если бы подобная система работы с учебником не встречалась и на уроках других учителей. К сожалению, она практикуется в школах под лозунгом борьбы с перегрузкой и привития навыков самостоятельной работы с книгой.

Иногда самостоятельное чтение учебника школьниками заменяет собой изложение того или иного вопроса учителем. Так, на уроке на тему «Крах II Интернационала» (школа № 9, 1958/59 уч. г.) преподаватель не стал излагать вопрос о положении пролетариата в годы первой мировой войны, а предложил школьникам открыть учебник на стр. 126 и прочесть подзаголовки «Положение пролетариата в годы войны». Чтение продолжалось несколько минут, а затем последовала беседа по двум вопросам: «Как изменилось положение рабочего класса в европейских странах в связи с первой мировой войной?» и «Как использовала буржуазия обстановку войны для усиления эксплуатации трудящихся масс?» В VIII классе, знакомя учащихся с колониями Англии и народным восстанием в Индии в 1857—1859 гг., преподаватель, рассказав о колониях, предложил учащимся познакомиться с положением народных масс Индии по учебнику. На чтение страницы учебника было отведено 5 минут, после чего учащиеся ответили на следующие вопросы:

- 1) Какой общественный строй был в Индии в XIX веке?
- 2) Как управлялась Индия?
- 3) Что собой представляла промышленность Индии?
- 4) Как повлияло вторжение англичан на развитие индийской промышленности?

Вопрос о положении народных масс, фактически, не был выяснен.

Подобный прием работы с учебником несколько больше подходит под название самостоятельной работы, по крайней мере, по тому признаку, что учащиеся знакомятся самостоятельно с неизвестным текстом, содержание которого не было изложено на уроке. Но можно ли считать эту работу действительно самостоятельным изучением текста учебника, способствующим развитию мыслительных способностей учащихся, воспитанию у них навыков работы с книгой? Будит ли задание прочитать параграф или подзаголовок учебника желание разобраться в том или ином вопросе, глубоко проанализировать его, выяснить какие-то существенные черты явлений, стимулирует ли оно любознательность школьников?

Нам представляется, что этот прием, несмотря на видимость самостоятельной работы, можно назвать таковой лишь по форме, а не по существу: отсутствует главное условие — четко поставленная цель, задача, которая могла бы побудить ученика к активному осмыслению изучаемого текста. Зачем учащимся необходимо прочесть подзаголовки учебника, почему учитель отказывается объяснить его, остается невыясненным. Обычно на этот вопрос учителя отвечают, что текст носит описательный характер, он доступен и учащиеся легко с ним справляются, хотя ссылки на легкость того или иного текста часто неосновательны (пример с темой «Экономический подъем в Европе в 50—60-х годах XIX века»).

Эта мотивировка причин подобной организации работы с учебником явно изобличает непонимание некоторыми преподавателями существ-

ва самостоятельной работы, непонимание того, что самостоятельная работа предполагает серьезное и глубокое (в рамках, доступных ученику средней школы) осмысление исторического материала, напряжение умственных способностей школьника, а это возможно при условии выполнения определенного задания, связанного с решением конкретных логических задач, поиска ответа на поставленный вопрос.

Вот почему мы считаем, что вышеописанные приемы работы с учебником не могут быть квалифицированы как вид самостоятельной работы с книгой, скорее это не больше, чем чтение и механическое запоминание некоторых ярких фактов и отдельных формулировок. Но эта «самостоятельная работа» с учебником не только ничему не учит, она отрицательно влияет на учебный процесс. При неправильной организации работы с книгой дети теряют интерес к истории, их знания оказываются непрочными, неглубокими, а порой ошибочными, у них культивируется механическое запоминание материала.

С другой стороны, стремление учителя внести подобный элемент «самостоятельности», превращаясь в самоцель, наносит ущерб самому преподаванию: изложение учителя становится конспективным, сухим, скучным (он экономит время для так называемого заучивания материала на уроке), многие сложные понятия не раскрываются с должной глубиной и четкостью, учитель мало использует или почти не использует такие активные приемы, как работу с наглядными пособиями, документом, художественной литературой и др. Наконец, и это главное, подобное формальное отношение к работе с учебником не только не помогает воспитанию самостоятельности мышления школьника, оно притупляет мысль учащихся, так как ориентирует их не на сознательное изучение, а на механическое зазубривание, на максимальный охват памятью основных фактов, о которых учитель будет спрашивать. Такое отношение учащихся к работе совершенно естественно, так как они не получают указаний ни в отношении целей и значения работы, ни в отношении методов ее выполнения. Учитель перестает выступать в качестве ведущей фигуры, руководителя учебного процесса.

Изучение состояния преподавания убедило нас в том, что не только работа с учебником на уроках истории организована часто неправильно, но и применение других форм самостоятельной работы нередко страдает серьезными недочетами. Нам неоднократно приходилось наблюдать работу по составлению планов рассказа учителя либо статьи учебника. Характерно, что почти на всех уроках допускались почти одни и те же ошибки. Если речь шла о составлении плана рассказа учителя, то чаще всего преподаватель лишь оговаривал необходимость составления плана, но никаких конкретных указаний по его выполнению не давал, кроме того, в процессе рассказа почти не делалось попыток помочь учащимся выделить главную мысль, важное положение. Изложение нового материала обычно велось в форме плавного повествования. Именно в таком плане проводилась работа по составлению плана рассказа учителя в VII классе школы № 2 (тема «Свержение монгольского ига. Империя «Мин»), в X классе 12-й школы по теме «Выполнение решений XIX съезда партии». Если в первом случае учитель сделал попытку проверить результаты работы учащихся, то в X классе учитель вместо проверки плана потратил оставшееся время на закрепительную беседу, хотя было бы целесообразнее провести закрепление именно по составленному школьниками плану.

Примерно также ведется на многих уроках работа по составлению плана статьи учебника. Так, в IX классе 9-й школы (1958/59 уч. г.) на

уроке, посвященном первой мировой войне, учащимся было предложено прочесть текст учебника и самостоятельно составить план на тему «Ход военных действий на Восточном фронте в 1915 г.» Никакого инструктажа по выполнению этой работы учащиеся не получили. Составленные планы на уроке не анализировались, так как учитель взял их для проверки на дом. На следующем уроке тетради были возвращены, но передача их сопровождалась в большинстве случаев лишь репликами: «Очень слабо», «Много недомолвок», «Коряво». Лишь по нескольким планам были сделаны конкретные замечания. Затем был зачитан самый плохой план как пример того, как не следует выполнять подобную работу. Однако каким должен быть план, над которым половину урока трудился класс, как правильно организовать свою работу над составлением плана, как лучше его оформить и т. д., на эти вопросы ученики не получили ответа. Ясно, что приобрести навыки по составлению планов учащиеся не могли ни в одном из указанных случаев.

Как уже говорилось выше, в старших классах некоторых томских школ практикуется такой прием самостоятельной работы, как подготовка и чтение на уроках истории рефератов и небольших докладов. Но далеко не всегда эти доклады бывают правильно подготовлены и достигают цели, т. е. активизируют восприятие материала, расширяют кругозор учащихся. Это случается тогда, когда учитель недостаточно или неумело руководит работой школьников по подготовке сообщения. Подобный доклад был заслушан на одном из уроков в X классе 12-й школы. Он был посвящен выполнению плана первого года семилетки. Актуальная и важная тема была преподнесена без должной четкости, сообщение оказалось перенасыщенным фактами и цифровыми данными. Ученица перечислила огромное количество сведений о строительстве промышленных предприятий, назвала десятки новых предприятий, привела массу статистических данных по сельскому хозяйству, довольно подробно рассказала о развитии науки. Но в огромном количестве фактов и цифр трудно было выделить основное, а тем более увидеть живых людей, строителей коммунизма. Никаких примеров по Томской области девушка не привела. Ученица не сумела проанализировать изложенный материал, сделать соответствующие обобщения и выводы. Читала докладчица свое сообщение по бумажке, монотонно. Закончила свой доклад ученица после звонка, поэтому он не был обсужден и разобран.

Содержание и изложение доклада свидетельствовали о том, что у данной ученицы нет навыка самостоятельной работы с исторической и политической литературой. Она не сумела отобрать наиболее важные факты, раскрыть их сущность и показать значение. Ученица утонула в цифрах и за ними не увидела живой действительности. Этот «доклад», а вернее пересказ газетной статьи, не имел воспитательного значения и не принес пользы ни самой докладчице, ни классу. Причина неудачи, видимо, кроется в отсутствии хорошей подготовки и квалифицированной консультации со стороны учителя.

Знакомство с состоянием преподавания истории в ряде школ (охвачено 14 учителей истории в 8-ми школах города) позволяет нам сделать некоторые общие выводы.

Бесспорно, что учителя истории томских школ стремятся повысить качество преподавания, приблизить его к жизни, внести свой вклад в строительство новой политехнической школы, что сказалось, например, в усилении внимания к вопросам производства, истории труда, техники, истории родного края. Так, учащиеся 10-й школы изучают историю родного края и завода-шефа. Силами школьников была написана исто-

рия завода «Манометр», которая служит важным пособием для учителей по труду: каждый год производственная практика учеников 9 класса начинается с изучения истории завода «Манометр» по этому пособию.

Ученики 6-х классов школы № 16 познакомились с историей томского мелькомбината (1960/61 уч. г.). По рассказам рабочих, документальным материалам, старым фотографиям дети узнали о техническом оснащении томской мельницы в прошлом, о тяжелом труде рабочих, об их положении до революции и т. д. Экскурсии позволили им сравнить прошлое с настоящим. Учащиеся описали историю мельницы и изготовили ее макет.

Перестраивая преподавание, большинство учителей старается сделать процесс обучения истории активным и действенным. С этой целью они пересматривают свою методику преподавания и обогащают ее новыми приемами. Упорно работают многие учителя над развитием мышления учащихся.

Как показала практика, активизации учебного процесса особенно способствует беседа-диалог. Диалогическая форма изложения курса истории позволяет сочетать ранее изученный материал с новым, что дает возможность учителю с большой глубиной раскрыть существо исторического события, установить различного рода связи между явлениями, подвести учащихся к пониманию закономерности исторического процесса, выявить прочность усвоения материала школьниками.

Среди других приемов и методов можно выделить как весьма эффективный — учебно-логические задания. Этот прием способствует выполнению таких логических операций, как анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, классификация, систематизация. Выполняя учебно-логические задания, дети учатся рассуждать, делать умозаключения, выявлять причинно-следственные связи, давать определения понятий и т. д. Таким образом, в процессе решения учебно-логических заданий развиваются логические способности школьников.

В значительной степени повышает качество восприятия материала работа с наглядными материалами и самостоятельная работа учащихся с текстом учебника, исторической, политической и художественной книгой. Самостоятельный разбор картин, репродукций, иллюстраций, составление схем, таблиц, работа с картой развивают навыки анализа, учат делать выводы, обобщать конкретные исторические факты.

Самостоятельная работа с учебником позволяет привить учащимся необходимые навыки работы с книгой: умение найти нужный материал, выделить главную мысль автора, составить план, тезисы, конспект и т. д. В сочетании с другими методами работа над текстом учебника дает возможность учащимся с большой полнотой и глубиной овладеть историческими знаниями.

Но на практике приходится сталкиваться с неправильным пониманием задач и значения активизации процесса обучения истории, с формальным подходом к решению этой важной задачи новой политехнической школы. Нецеленаправленное, случайное применение отдельных методов и приемов самостоятельной работы ведет к отрицательным результатам, воспитательная роль преподавания истории значительно снижается.

Успешное решение задачи активизации преподавания истории предполагает целеустремленную, глубоко продуманную систему работы. Она невозможна без творческого подхода к делу, без овладения методикой.

Так, использование беседы как формы изложения знаний дает положительный результат лишь в том случае, когда учитель работает над раскрытием и формированием сложного исторического понятия. Анализируя конкретные факты в беседе с учащимися, он постепенно подводит их к выявлению существенных признаков понятия, к его определению. Диалогическая форма изложения целесообразна при переходе от одного раздела курса к другому, она наилучшим образом содействует установлению связей между явлениями и пр.

Постановка учебно-логических заданий позволяет сделать их решение интересным и увлекательным, если учитель сумел выделить наиболее острые, проблемные вопросы, четко определить цель работы и дать конкретные указания по ее выполнению.

Самостоятельная работа с текстом учебника, с различными видами наглядности требует от учителя умения правильно отобрать соответствующий материал. Выбор текста или вида работы диктуется целевой установкой урока, его образовательными и воспитательными задачами. Работа с текстом учебника целесообразна, когда раскрывается сложное понятие, когда учащиеся учатся делать обобщения, формулировать выводы, систематизировать изучаемый материал в таблице или схеме. В этом случае полезно не отсылать школьника к учебнику, а организовать работу с текстом после разъяснения наиболее сложных вопросов в рассказе учителя. Рассказ учителя завершается постановкой конкретного задания в форме вопросов, на которые школьники должны найти ответ в тексте учебника. К учебнику можно обратиться и в том случае, когда текст носит описательный характер. Доступность материала позволит дать учащимся задание самостоятельного характера без предварительного раскрытия вопроса в рассказе учителя.

Использование любой формы самостоятельной работы, любых методов и приемов активизации обучения будет эффективно лишь при соблюдении двух основных условий:

- 1) когда они отвечают образовательным и воспитательным целям урока;
- 2) если учащиеся получили четкий, ясный и конкретный инструктаж по их выполнению.

Соблюдение этих методических требований даст возможность учителю повысить качество преподавания, что является важнейшим условием перестройки преподавания истории в школах города Томска.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ В ТРУДАХ А. Н. САВИНА

А. Н. Савин принадлежит к числу ученых, интересовавшихся широким кругом научных проблем. Наряду с углубленным исследованием аграрных отношений позднего английского средневековья, серьезное внимание Савина привлекали самые разнообразные проблемы социально-политической истории средневековья и нового времени, а также истории религии. В его оценке тех или иных событий и явлений социально-политической и религиозной истории, в самом подходе к ним характерным образом проявляются существенные черты его исторического мировоззрения, его основные методологические принципы. Поэтому для всестороннего освещения методологических взглядов Савина необходимо рассмотреть весь круг его научной проблематики. В этом плане определенное значение имеет изучение взглядов Савина на проблемы религиозной истории, так как область религии вызывала его несомненный научный интерес, отразившийся в его научно-педагогической деятельности.

Пристальное внимание Савина к проблемам религиозной жизни и истории религии падает на период времени, непосредственно следующий за разгромом революции 1905—1907 гг. в России. В этот период он публикует статьи, посвященные актуальным проблемам современного ему католицизма¹⁾, разрабатывает и читает в Московском университете специальный лекционный курс по религиозной истории Европы XVI в.²⁾, отводит значительное место религиозным проблемам в некоторых других своих лекционных курсах³⁾.

Это был период сильного увлечения русской буржуазной интеллигенцией самыми различными религиозными вопросами. «Интерес ко всему, что связано с религией,— писал в 1909 г. В. И. Ленин,— несомненно, охватил ныне широкие круги «общества»...»⁴⁾. В. И. Ленин вскрыл глубокие политические, классовые причины этого интереса к религии. Он увидел в нем страх русской контрреволюционной буржуазии перед революционным движением, ее стремление усилить значение религии как важнейшей идеологической опоры ее господства, использовать религиозную идеологию как орудие борьбы с революционной идеологией пролетариата — марксизмом. Он указывал, что

1) Савин А. Н., Христианские социальные теории и современная культура. «Русская мысль», 1913, № 8; Три оценки модернизма, «Русская мысль», 1913, № 11.

2) Савин А. Н. Религиозная история Европы эпохи реформации, М., 1913. Все опубликованные лекционные курсы А. Н. Савина вышли в свет в литографированных изданиях.

3) См. его лекционные курсы: «История Европы XVI в.», М., 1908; «История Англии в новое время (XVI—XVIII вв.)», М., 1912.; «Век Людовика XIV», М. 1913.

4) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 415.

«...русской буржуазии в ее контрреволюционных целях **понадобилось** оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию»⁵).

Широкие круги русской либеральной интеллигенции были охвачены религиозными исканиями, увлечение религией сделалось модой, и этого увлечения не избежал и Савин. Причем оно проявилось не только в усиленном интересе Савина к религиозной тематике. Его следы отчетливо видны и в самом отношении Савина к религии и религиозной жизни, в его трактовке тех или иных проблем истории религии.

Савину глубоко чуждо понимание религии как специфической формы общественного сознания, извращенного отражения в сознании людей господствующих над ними природных и общественных сил. Область религии для него — это таинственная область сокровенных личных переживаний человека, коренящихся в самой человеческой природе. «Религиозные настроения, — утверждает он, — вообще представляют собою очень интимную, мало доступную область личной жизни»⁶). Даже религиозно-философские системы блаженного Августина, В. Соловьева с его идеалом богочеловечества и им подобные он считает отвечающими глубоким запросам человеческой природы и на этом основании отказывается от критической оценки их⁷). Абстрактная природа человека, порождая религиозные представления, именно поэтому и является высшим критерием жизнестойкости, жизнеспособности той или другой религии. Савин подчеркивает, что жизнестойкость религии определяется прежде всего ее соответствием человеческой природе, ее способностью удовлетворять религиозным запросам верующих⁸).

Рассматривая религию как неизменный атрибут человеческой природы, Савин, естественно, не мог, да и не хотел, выступать с критикой религиозных представлений, как реакционных и антинаучных, тормозящих прогрессивное развитие общества. Такая постановка вопроса вообще отсутствует у Савина. Зато он с нескрываемой симпатией следил за так называемым модернистским течением в католической церкви конца XIX — начала XX вв., пытавшимся приспособить католицизм к современности путем отрицания наиболее грубых католических представлений и мнимого примирения его с новой культурой. Выступая против «крайностей» клерикализма, модернисты, по существу, требовали усиления влияния религии на массы, проповедывали новый, утонченный яд для угнетенных. Для Савина же вся проблема модернизма сводится к проблеме взаимоотношения между католической церковью и новой культурой, теряя тем самым всякое социальное звучание. Он горячо сочувствует деятельности модернистов, называя их одними из наиболее привлекательных людей своего времени⁹), верит в принципиальную возможность сближения между католицизмом и новой культурой¹⁰).

⁶) Савин А. Н., Английская реформация в эпоху Тюдоров. Книга для

⁵) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 90.

чтения по истории нового времени, т. 1, М., 1910, стр. 128.

⁷) Савин А. Н., История Европы XVI века, стр. 5.

⁸) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 149.

⁹) Савин А. Н., Три оценки модернизма, «Русская мысль», 1913, № 11, стр. 53. Уже сам факт сочувственного изложения в либеральной «Русской мысли» взглядов «лучших модернистов» был своеобразной формой пропаганды модернистских идей в кругах русской либеральной интеллигенции.

¹⁰) Савин А. Н., Христианские социальные теории и современная культура, «Русская мысль», 1913, № 8, стр. 134—135. Савин признает наличие «трагической» пропасти между католицизмом и новой культурой, но тем знаменательнее его конечный вывод о возможности преодоления этой пропасти и сближения между ними.

Естественно, что при таком подходе к религии Савин чрезвычайно далек от понимания места религии в классовом обществе, ее социальной функции в этом обществе. Он делает ряд интересных наблюдений о положении церкви в современном ему обществе, о ее политике. Так, он подчеркивает религиозный индифферентизм английских рабочих, как и общественных низов других европейских стран¹¹). С большой силой он разоблачает демагогические приемы католицизма, пытающегося за-получить в свои сети рабочие массы¹²). Но в то же время Савин видит в церкви надклассовую силу, не занимающую прочное положение ни в одном из враждебных друг другу общественных станом, искренне, но тщетно пытающуюся примирить их¹³). Нет нужды распространяться о том, что церковная проповедь всеобщего примирения отражала весьма определенные классовые цели, которые так и остались незамеченными Савиным.

В соответствии со своим пониманием религии, Савин склонен преувеличивать ее влияние на различные стороны общественной жизни. Следует отметить, что Савин был далек от откровенно идеалистических теорий, выводящих всю материальную деятельность людей из их духовной жизни. На примере М. Вебера он подвергает критике стремления «современных кантианцев и кантианствующих экономистов» показать, что воззрения людей, в частности религиозные воззрения, преобразуют все хозяйственные, экономические отношения¹⁴). Однако знаменательно, что Савин ведет в данном случае борьбу с неокантианцами под флагом эклектизма. Он критикует неокантианцев не за их идеализм, смыкающийся с фидеизмом, а за то, что они искусственно выделяют ряд однородных явлений, заставляя их односторонне действовать на другие области жизни. Само же по себе воздействие религиозной жизни на жизнь хозяйственную он не отрицает, рассматривая ее как один из важнейших факторов исторического развития. Во вступлении к своему лекционному курсу «Религиозная история Европы эпохи реформации» Савин специально подчеркивает важность религиозных явлений в жизни общества, многословно говорит о громадном месте, которое якобы занимают религиозные вопросы в самых различных областях жизни современного ему общества. Он даже считает возможным говорить о своеобразном религиозном настроении в марксистских кругах, о религиозном, эсхатологическом отпечатке, лежащем на вере марксистов «в грядущий социальный рай»¹⁵), обнаруживая тем самым свое полное непонимание сущности и марксизма и религии.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что Савин говорит не о влиянии католической или иной церковной идеологии, не о политической деятельности церковных организаций, а, главным образом, об абстрактных, внеклассовых религиозных мотивах, религиозных переживаниях,

¹¹) Савин А. Н., *Английская секуляризация*, М., 1906, стр. 285, *Религиозная история Европы эпохи реформации*, стр. 8—9.

¹²) Там же, стр. 284—286. Обличение католической демагогии достигает здесь у Савина такой силы, что П. Г. Виноградов говорит по этому поводу о разгоряченной враждебности Савина против католических идеалов (см. его рецензию на «Английскую секуляризацию» в «Журнале Министерства народного просвещения», 1907, декабрь, стр. 431).

¹³) Савин А. Н., *Английская секуляризация*, стр. 286.

¹⁴) Савин А. Н., *История Англии в новое время (XVI—XVIII вв.)*, вып. II, М., 1912, стр. 197—206.

¹⁵) Савин А. Н., *Религиозная история Европы эпохи реформации*, стр. 9.

полумистическом религиозном опыте. Этому последнему он придавал настолько большое значение, что счел возможным в статье, посвященной памяти М. М. Ковалевского, специально и с видимым сочувствием указать, что Ковалевский «всегда видел в религиозном опыте, даже очень грубом религиозном опыте... нечто самородное, несводимое ни на что другое, но само сильнейшим образом воздействующее на другие области общественной жизни»¹⁶). Таким образом, до конца последовательно проводится мысль о том, что религиозность лежит исключительно в сфере человеческой природы и именно через эту сферу оказывает разностороннее и большое влияние на всю жизнь общества.

Подобное понимание религии и ее роли в человеческом обществе не оставалось лишь в области теоретических воззрений Савина — с логической последовательностью он пытается проводить его и в своем исследовании конкретной исторической действительности вообще, истории средневековой Европы — в особенности.

Знаток не только аграрных, но и социально-политических отношений средневековья, Савин не мог не видеть особого места, занимаемого католической церковью в феодальной организации средневекового общества. Конкретная феодальная действительность давала ему обильный материал для весьма определенных выводов о социальной направленности католической идеологии и деятельности католической церкви. Частично эти выводы находят свое отражение и в трудах Савина. Он убедительно показывает недемократический характер и недемократическую политику английских монастырей перед диссолюцией, разоблачая несостоятельность католической апологетики средневекового монашества и указывая, что «в главной своей массе монахи должны были тяготеть к высшим и средним классам»¹⁷). В другой своей работе Савин прямо подчеркивает аристократический характер церкви и монашества, сословный дух как характерную особенность средневековой церкви, указывает на связь мировоззрения высшей духовной иерархии со взглядами светской аристократии и объясняет этой связью политику католической церкви, характер ее влияния на жизнь Западной Европы¹⁸). Заслуживает внимания и наблюдение Савина о том, что католическая церковь старательно поддерживала своими специфическими средствами темноту народных масс. «Та же церковь, — пишет он, — которая не боялась проявления известных рационалистических элементов в своих богословских исследованиях, боится разума и авторитетно опекает религиозность простецов престопамятия... Она опутывает жизнь простых людей сложной сетью обрядов, религиозных церемоний и пышным материальным культом, держит их вдали от религиозных мудрствований, вносит в среду их заранее убеждения в том, что им не уклониться от бога...»¹⁹).

Однако никаких выводов о целях подобной политики церкви у Савина нет, да и само замечание это сделано мимоходом.

Справедливые замечания Савина о характере и политике католической церкви в средние века находятся в разительном противоречии с его общими воззрениями на характер и место католической церкви

¹⁶) Савин А. Н., М. М. Ковалевский как историк. «Исторические известия», 1916, № 1, стр. 172.

¹⁷) Савин А. Н., Английская секуляризация, стр. 284.

¹⁸) Савин А. Н., История Западной Европы XIV и XV вв., изд. 3-е. М., 1916, стр. 176—178.

¹⁹) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 94.

в феодальном обществе. При всех своих правильных наблюдениях и замечаниях Савин не понимал действительной роли католической церкви в феодальном обществе, игнорировал классовые корни католицизма, социальную природу католической идеологии. Особенно наглядно это проявляется в его лекционном курсе «Религиозная история Европы эпохи реформации». Посвящая свой курс одному из важнейших периодов в истории католицизма, периоду его глубокого кризиса и разложения, Савин даже не ставит вопрос о социально-экономических причинах этого кризиса, о связи его с кризисом и разложением феодальной системы в Западной Европе. Как это ни поразительно для такого исследователя социально-экономических отношений, каким был Савин — он в своем лекционном курсе ни единым словом не обмолвился об особенностях социально-экономической истории Европы эпохи реформации, о ее влиянии на судьбы католицизма в этот период. Объясняя значение этого периода в религиозной истории, он видит его в богатстве и разнообразии религиозных новообразований XVI—XVII вв., нарушивших однотипность, одноцерковность европейской религиозности, в возникновении новых форм религиозного единения, изучение которых позволяет понять основные черты современных религиозных организаций, усвоить существо разных типов европейской религиозности, познакомиться с различными видами религиозного общения²⁰). Другими словами, значение вопроса искусственно ограничивается узкой религиозно-догматической сферой. Совершенно отсутствует даже попытка рассмотреть социально-экономические предпосылки религиозных явлений XVI—XVII вв., поставить вопрос о социальной природе новых религиозных учений. Любопытно, что при подобном подходе к изучению религиозной истории XVI—XVII вв. Савин делает шаг назад от им самим провозглашаемых методологических установок. Убеденный защитник эклектизма и противник «несчастливого монизма» в любой форме, Савин, как это не раз уже закономерно случилось и с ним и с другими эклектиками, претендующими подняться выше «односторонности» материализма и идеализма, на деле оказывается чистейшей воды идеалистом. Выступая против попыток искусственного выделения ряда однородных явлений, он, применительно к религиозной истории XVI—XVII вв., как раз этим и занимается, лишая тем самым себя возможности не только осмыслить всю совокупность событий, происходивших на рубеже перехода от средних веков к новому времени, но и правильно понять самую религиозную историю этого периода.

В курсе «Религиозная история Европы эпохи реформации» Савин дает общую характеристику католической церкви, подробно рассматривая ее состояние на пороге реформации. При этом затрагивается довольно широкий круг вопросов, начиная с напряженности религиозной жизни католического общества перед реформацией и кончая взаимоотношением между католичеством и Возрождением. Но тщетно было бы искать здесь даже намек на стремление Савина проследить социальные основы политики папства, как и всей религиозной жизни позднего средневековья. Неудивительно поэтому, что Савин и в отдаленной степени, несмотря на отдельные верные замечания, не смог определить действительное место католической церкви в феодальной организации средневекового общества, особенно в период разложения феодализма. Средневековая католическая церковь для него — чисто ду-

²⁰) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 11.

ховное учреждение, вся деятельность и вся политика которого определяются исключительно религиозными целями, вытекающими из самого характера христианского учения, и проникнуты искренней верой в христианские идеалы, проводником которых в жизни церковь и являлась.

Подобное понимание роли католической церкви неизбежно влечет за собой элементы ее идеализации. Проявления идеализации католической церкви, ее политики и ее учреждений явственно видны и в трудах Савина. Косвенным образом они проявляются уже в затушевывании классовой сущности католической идеологии и всей политики католицизма в средние века, в самом выпячивании на передний план чисто религиозных начал в католической церкви. Но нет недостатка и в прямых высказываниях Савина, идеализирующих католическую церковь с позиций необоснованного преувеличения чисто религиозных мотивов в ее деятельности, при одновременном забвении мотивов классовых. С этих позиций, например, он подходит к оценке деятельности инквизиции в позднее средневековье. Савин склонен преуменьшать число ее жертв, оправдывать ее свирепость искренним религиозным одушевлением. Говоря о лицемерных попытках инквизиторов «спасти душу» осужденного на сожжение, он указывает: «Так причудливо переплетаются здесь стремление вознести душу осужденного к горнему блаженству и пользование самыми ужасными средствами насилия, которые только знает печальная история человеческой религиозности... И высокое одушевление и злобная исключительность — следствия веры в истинность своей церкви и нетерпимого отношения к остающимся за ее оградой»²¹).

Еще дальше идет Савин в идеализации «заслуг» католической церкви в области культуры и науки в средние века. Смыкаясь в данном вопросе с католическими апологетами, он говорит об успешном выполнении католическим клиром тяжелых задач религиозного и культурного воспитания верующих, о культуртрегерской роли католической церкви, о ее заслуге в спасении древней культуры и т. п.²²). При этом Савин не только не подчеркивает противоположность между религией и наукой, но и утверждает, вместе с католическими историками, что католическая церковь «считала необходимым для полноты религиозных переживаний брать все, что есть лучшее в светской науке и искусстве»²³). В другом своем лекционном курсе он ни единым словом не обмолвился об отрицательной роли католического засилья в развитии университетской науки в средние века, зато счел нужным указать, что «сильная зависимость университетов от пап не исключала свободы в жизни университетов. И только наличность этой свободы создала прочную высшую школу с твердой научной и педагогической традицией, с устойчивыми юридическими формами»²⁴).

И закономерным после всего этого представляется общий вывод Савина, который он делает после характеристики положения католической церкви накануне реформации: «Можно не останавливаться сочувственно на истории этой церкви, явления жизни которой часто находятся в противоречии с ее расплывчатым, неопределенным, иногда утопиче-

21) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 68

22) Там же, стр. 84—85.

23) Там же, стр. 89.

24) Савин А. Н., История Европы XVI в., стр. 240.

ским, идеалом, но нельзя не отдать должного широте и величю этой идеи средневековой церкви»²⁵).

Подчеркивание чисто религиозной, духовной стороны в деятельности католической церкви, естественно, вело и к неверной постановке вопроса о характере взаимоотношений между господствующей церковью и оппозиционными религиозными течениями. Рассматривая религиозную борьбу в средние века, Савин решительным образом отрицает ее социальные предпосылки и характер, сводит ее к борьбе богословско-догматической, видит в ней проявление извечного стремления человека к религиозно-нравственному совершенству. Следующим образом он рассматривает условия и почву возникновения средневекового размера: достичь спасения и религиозного преобразования всего человечества, распространиться на все страны мира как наследница евангелия, исполнительница воли Христа. Но такая широта задач церкви вела к тому, что она должна была поступиться религиозной напряженностью, со многим примириться в мирском зле (чтобы стать доступной миру). Однако люди, в которых религиозные потребности имели большую силу, которые буквально следовали религиозным заветам Христа, не могли пойти по этому пути официальной церкви. Их идеал был гораздо более узкий, чем официальный католический, но зато и более напряженный, дававший больше места религиозно-нравственным требованиям. Это был идеал непримиримой религиозности, нравственного совершенства²⁶). В богословско-догматическом плане Савин рассматривает и отличие сектантской религиозности от религиозности католического типа²⁷).

Однако, когда дело доходит до конкретного исторического исследования, Савин сплошь и рядом отступает от своей схемы. Она оказывается настолько узкой и односторонней, что ему самому необходимо приходится расширять ее, принимать во внимание не только и не столько религиозные предпосылки и мотивы возникновения и деятельности религиозных сект, сколько их социальный состав, а в отдельных случаях и социально-политические предпосылки их возникновения. В этом отношении особенно показательным является исследование Савиным религиозной борьбы в период английской революции XVII в. Как бы он ни утверждал, что религиозное настроение является мало доступной областью личной жизни, что англичане XVI—XVII вв. были преисполнены высокой религиозной одушевленности, откуда и вытекала их непримиримость ко всем инакомыслящим, сама конкретная действительность вынуждала его делать выводы и иного порядка. Так, изучая

²⁵) Савин А. Н., «Религиозная история Европы эпохи реформации», стр. 95. Необходимо оговориться, что совпадение в отдельных случаях взглядов Савина и реакционных историков-апологетов католической церкви вовсе не означает, что Савин разделяет основные положения католической апологетики средневековой церкви. В своих трудах он часто подчеркивает свое критическое отношение к историкам-апологетам католицизма. Выше уже отмечалась его критика взглядов католических авторов на демократический характер и политику английских монастырей до диссольюции, высмеивание современной ему католической демагогии. Следует также подчеркнуть, что Савин в весьма неприглядном свете рисует поведение испанского духовенства при завоевании испанцами Америки, называя его представителей вандалами, уничтожившими почти все культурные памятники племен майя (См. Савин, А. Н., История Европы XVI в., стр. 81).

²⁶) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 122—124.

²⁷) Там же, стр. 129—130.

данные о религиозных преследованиях в период реставрации в одном английском архидиаконате, он обращает внимание на социальный состав подсудимых и указывает, что подавляющее большинство из них составляло простонародье; в связи с этим он говорит о жалобах современников на то, что подобные преследования ремесленников-диссентеров разоряли ткацкую промышленность. Подобные факты толкают Савина к выводу, что религиозные преследования в период реставрации «приходится объяснять» не одной только религиозной нетерпимостью победителей, но и тем, что они смотрели на диссентеров, как на политических смутьянов, носителей революционных настроений в стране²⁸).

Савин уделяет место и вопросу о социальном составе английских диссентеров. Он приходит к выводу, что их ряды главным образом пополнялись из средних и низших классов английского общества²⁹). Рассматривая квакерство и подчеркивая, что религия составляет сущность этого движения, Савин все же считает возможным предположить, что бурный религиозный протест квакеров сложился и на основе социального и политического недовольства³⁰).

На социально-политические мотивы обращает Савин внимание и при характеристике деятельности Савонаролы и других современных ему итальянских проповедников. Он подчеркивает, что успех их проповедей в широких народных массах объясняется тем, что в этих проповедях объединялись социальные и религиозные мотивы³¹). Остановившись более подробно на деятельности Савонаролы, Савин указывает, что Савонарола «не только религиозный, но и социально-политический проповедник», что «с проповедью нравственного переворота и перерождения Савонарола соединял и призыв к возрождению социально-политическому», что социально-политические мотивы в страстных проповедях Савонаролы не меньше, чем его религиозные нападки, заставляли властей негодовать на его смелые выступления, боязнь которых не была напрасной, так как после смерти Савонаролы остались его последователи³²).

Приведенные выше замечания Савина свидетельствуют о том, что в отдельных случаях он, следуя историческим фактам, выходил за рамки своей собственной схемы религиозных движений, признавая серьезное значение социально-политических факторов в предпосылках и самой природе этих движений. Однако даже в этих конкретных случаях полностью преодолеть ограниченность и односторонность своей схемы Савин не мог. Она довлеет и здесь над его подходом к конкретно-историческому анализу отдельных религиозных движений, препятствуя правильному пониманию их сущности и характера. Это проявляется и в его упорном утверждении, что всякое движение, окрашенное в религиозные тона, является религиозным по своей сущности, несмотря на наличие в нем социально-политических мотивов, и в самом из-

²⁸) Савин А. Н., История Англии в новое время (XVI—XVII вв.), вып. II, М., 1912, стр. 188—192.

²⁹) Там же, стр. 275. В другой своей работе Савин подчеркивает «порою руководящее участие низов» в религиозных движениях, считает важным отметить, что наиболее знаменитые проповедники вышли из простого народа, указывает на демократичность религиозных движений (Савин А. Н., Лекции по истории английской революции, М., 1937, стр. 285—286).

³⁰) Савин А. Н., Лекции по истории английской революции, стр. 368.

³¹) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 110.

³²) Там же, стр. 110—116. В другом месте Савин указывает на социально-политические мотивы в проповедях Петра Хильчицкого (там же, стр. 143—145).

ложений истории этих движений, когда главное внимание обращается на их религиозную сторону, а о социально-политической в лучшем случае говорится лишь вскользь.

В силу этого представляется закономерной и неудача Савина в определении причин и характера реформации. Быть может, именно в этом вопросе с особой силой сказался идеализм Савина, сказалось его непонимание места католической церкви в средние века и сущности оппозиционных католицизму движений. Не поднимая вопроса о социально-экономических предпосылках кризиса католицизма в позднее средневековье и распространения реформационных учений, Савин тем самым неизбежно обрекал себя на искаженное изображение этих важнейших событий социальной и идейно-политической истории XVI в., вольно или невольно извращая их подлинное содержание.

В своей трактовке причин кризиса католицизма в XVI в. Савин обращает большое внимание на взаимоотношения между церковью и государственной властью, усматривая в этих отношениях одну из важнейших, если не самую главную, причин кризиса католической церкви. Сами отношения между церковью и государством рассматриваются в чисто идеалистическом плане. Как заявляет Савин, средневековая церковь развивается в сложное тело, создает свою иерархию, формулирует свои притязания на господство над религиозной жизнью мира. Убеденная в том, что она обладает непреложной святостью и религиозным откровением, церковь не может допустить в храм этой истины кого-нибудь другого, который обладал бы авторитетом разрешать бесспорно всякие сомнения и колебания. На этой основе и возникает, по Савину, противоречие между церковью и светским государством, особенно абсолютистскими монархами. Католическая церковь претендовала на всемирное значение и не обладала на это безусловным правом, так как абсолютные монархи тоже были божьими помазанниками, тоже притязали на религиозное руководство верующими в своих странах³³). Таким образом, сложная проблема взаимоотношений между церковью и светской государственной властью в средние века сводится к узкому и частному вопросу. Бросается в глаза, что при характеристике отношений между церковью и светской властью Савин говорит только лишь о борьбе между ними за религиозное руководство верующими. Он рассуждает о том, что церковь должна была вести весь человеческий род к грядущему совершенству, горней обители и слиянню с божеством и что на эту же миссию претендовали и светские государи, говорит о монархической идее церковности и национальном церковном движении, но не пытается выяснить экономические и политические предпосылки этой борьбы, увидеть в ней нечто иное, чем благочестивое стремление к спасению душ верующих.

Следующей важной предпосылкой реформации Савин считает напряженность религиозной жизни католического общества в предшествующий период. Подчеркивая значение этого вопроса, он отводит ему специальный раздел в своем курсе религиозной истории Европы XVI в. В этом разделе Савин больше, чем где-либо в своем курсе, говорит о социально-политических мотивах в деятельности тех или иных религиозных деятелей (Савонарола, Петр Хельницкий и др.). Однако и здесь в центре внимания его остаются сугубо религиозные вопросы. Гораздо больше внимания, чем социально-политическим тенденциям

³³) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 69—72.

проповедников XV в., он уделяет спорам о непорочном зачатии богородицы, видит в страстности этих споров и напряженности внимания, которое они привлекали, свидетельство того, что «религиозная потребность была чрезвычайно жива»³⁴). С напряженностью религиозной жизни католического общества Савин связывает и распространение еретического и сектантского движения перед реформацией. В этом движении он видит «одно из благоприятных условий, облегчавших успехи протестантизма и реформации», одну из серьезных предпосылок кризиса католицизма в XVI в.³⁵).

В числе других предпосылок реформации Савин называет Возрождение и отводит особый раздел своего курса взаимоотношениям между католичеством и Возрождением. И вновь мы можем констатировать, что большая и сложная проблема рассматривается Савиным чрезвычайно узко. Подняв в этом разделе вопрос о том, в какой мере католическая церковь совместима с художественной и научной свободой, Савин, по существу, отказывается отвечать на этот вопрос, заявляя, что дать на него ответ мудрено³⁶). Тем не менее в самой характеристике Савиным отношений между деятелями культуры и науки эпохи Возрождения и католической церковью имеется материал для известных выводов по поставленному им вопросу, и выводы эти оказываются далеко не благоприятными для католицизма. Савин не смог увидеть в культуре эпохи Возрождения качественно новую культуру, порожденную новыми историческими условиями, враждебную по самой своей сущности старому феодально-церковному мировоззрению. На первый план он выдвигает не то, что разделяет новую культуру и католицизм, а то, что их сближает. «Нет сомнения,— заявляет он,— что между представителями художественных и научных течений, с одной, и римской иерархии, с другой стороны, существовали многообразные связи. Если мы будем следить за судьбой наиболее выдающихся художников и ученых Возрождения, увидим, что многие из них служат римской церкви»³⁷). Он подчеркивает, хотя и с некоторыми оговорками, религиозность итальянского искусства XV, и особенно XVI столетий, и приходит к парадоксальному выводу, что «итальянское возрождение нередко является христианским по духу и оказывается на службе у католической религиозности»³⁸). Впрочем, Савин идет еще дальше, заявляя, что «характерным образом на стороне церковных устоев оказался и сатирик Рабле»³⁹). Весь же смысл деятельности Эразма Роттердамского он сводит к попыткам примирить католическую религиозность с новым просвещением⁴⁰). Характерно, что в сравнительно большом разделе его курса, посвященном Эразму Роттердамскому, даже не упоминается «Похвальное слово глупости», т. е. как раз то произведение великого гуманиста, где он с наибольшей остротой бичевал религиозные порядки современного ему общества, включая само папство.

Не ставя вопрос о социально-экономических предпосылках реформации, сводя ее к чисто религиозному движению, порожденному факторами главным образом идейного порядка, Савин, естественно, не мог правильно определить характер реформационного движения, вскрыть

³⁴) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 103.

³⁵) Там же, стр. 149.

³⁶) Там же, стр. 150.

³⁷) Там же, стр. 165.

³⁸) Там же, стр. 170.

³⁹) Там же, стр. 173.

⁴⁰) Там же, стр. 174.

его движущие силы, показать принципиальное отличие его от предшествующих еретических движений. В своем курсе религиозной истории XVI в. Савин справедливо подвергает критике точку зрения на протестантизм, как на простое продолжение «давней и обостренной враждебностью к католицизму религиозности», указывая, что здесь мы имеем дело «с выступлением новых сил, которые многое значительно повернули, многое переменили»⁴¹). Но что это за новые силы, Савин не разъясняет. И приходится признать, что здесь он вряд ли имеет в виду новые социальные силы, вырабатывавшие в форме реформации новую идеологию, острее своим направленную против феодально-католической идеологии, как и всего феодального строя в целом: это противоречило бы как всей его трактовке истории католической церкви в средние века, так и его взглядам на характер протестантизма.

Правда, в конкретном историческом исследовании Савин не мог пройти мимо весьма определенной социальной окраски различных направлений в реформационном движении. Не выдвигая на первый план социальную природу реформационных учений, даже намеренно затушевывая ее, он все же отмечает связь реформационных течений с определенными социальными слоями. Выше уже говорилось о том, что Савин видел в английских диссентерах XVI и XVII вв. выходцев главным образом из низших и средних слоев английского общества. Относительно пуритан он считает характерным то, что «пуританские настроения распространяются среди городских верхов»⁴²). В другом его лекционном курсе подчеркивается экономическое преуспевание французских гугенотов-горожан⁴³).

Однако дальше констатации связи между реформационными течениями и торгово-ремесленными кругами Савин не идет. Главное содержание и существо реформации составляют для него религиозные проблемы. Когда же он пытается дать социально-политическую характеристику того или иного направления в реформации, то это особенно наглядно обнаруживает его непонимание самой природы реформационного движения. Так, например, обстоит дело с его трактовкой кальвинизма. Вслед за И. В. Лучицким и многими другими буржуазными историками Савин подчеркивает известный аристократизм кальвинизма и лучшее доказательство этому видит в характере «среды, где он укореняется всего успешнее: городские верхи и средины, французское дворянство, привыкшие к клановому неравенству шотландцы»⁴⁴). Так в одну кучу сваливаются самые разные социальные группы, и тем самым теряется всякая возможность дать действительную социальную характеристику кальвинизма, как идеологии определенного класса европейского общества XVI—XVII вв.

Отказываясь видеть в кальвинизме идеологию нарождавшегося класса буржуазии, Савин, естественно, не мог удовлетворительно объяснить того бросающегося в глаза факта, что пионерами английского капитализма были именно кальвинисты, что именно в их среде получило наибольшее развитие капиталистическое предпринимательство. Савина ставит в тупик то обстоятельство, что английские диссентеры, эти «религиозные энтузиасты, жители потустороннего мира», являлись в роли руководителей капиталистических предприятий, сделались вождями победоносного капитализма. Его не удовлетворяет «объяснение»,

41) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 132.

42) Савин А. Н., Лекции по истории английской революции, стр. 67.

43) Савин А. Н., Век Людовика XIV, М., 1930, стр. 182.

44) Савин А. Н., Лекции по истории английской революции, стр. 71.

какое дают этому для Савина парадоксальному факту М. Вебер и его последователи, утверждавшие, что английские диссентеры XVI — XVII веков должны были разбогатеть именно благодаря своему религиозному энтузиазму, особенностям своей веры. Но, справедливо усматривая в этом утверждении сильное преувеличение влияния религии на хозяйственную сторону жизни, он в то же время вообще отрицает существование причинной связи между реформацией и развитием капиталистических отношений. Объяснение же причин экономического преуспеяния диссентеров в Англии у него сводится к следующему. После реставрации диссентеры были отстранены своими врагами от государственной и общественной службы, от ученой и учебной деятельности. Единственно для них доступной была сфера хозяйственной деятельности, куда они и устремили все свои силы. Поэтому неудивительно, что они достигли там больших успехов, тем более, что среди диссентеров преобладали сильные и способные люди, так как слабые не выдерживали гонений⁴⁵). Несостоятельность подобного объяснения очевидна уже потому, что после переворота 1688 г. политическое и правовое положение диссентеров резко улучшается и они перестают быть гонимыми сектами, единственным выходом для которых, по Савину, была хозяйственная деятельность. Да к тому же из гонимых диссентеров далеко не все сделали капиталистами; еще более сильным гонениям подверглись радикальные секты, отражавшие интересы широких народных масс, однако члены этих сект не стали «вождями победоносного капитализма». А разве экспроприированные крестьяне не были наиболее гонимыми людьми в Англии XVI—XVIII вв.?

Несмотря на все различие между точками зрения М. Вебера и Савина по данному вопросу, корни их ошибок одни и те же. Как бы Савин ни критиковал Вебера, он, по существу, исходит из той же самой основной посылки, что религиозные идеи представляют собою нечто самобытное, не выводимое из других явлений общественной жизни, особенно же — из социально-экономических отношений. Отсюда и вопрос о хозяйственном преуспеянии диссентеров оказался поставленным ими с ног на голову. Именно потому во вставших на путь капиталистического предпринимательства торгово-промышленных слоях английского общества XVI—XVII вв. и получили распространение протестантские идеи, что эти идеи в их кальвинистской форме отвечали потребностям быстро богатевшей в период первоначального накопления капитала буржуазии. Игнорируя это обстоятельство, Савин, фактически, скатывается на ту точку зрения, с которой он пытается бороться: ведь у него религиозные взгляды диссентеров являются конечной причиной их хозяйственных успехов, так как, подвергаясь гонениям за свои убеждения, диссентеры обращали свои взоры на хозяйственную деятельность. Так, поставив вопрос о связи между протестантизмом и развитием капитализма в Англии, Савин решает его идеалистически, в полном соответствии со своими общими взглядами на место и значение религиозных идей в жизни общества.

Отрицание социальной природы реформационного движения, естественно, влекло за собой и извращенное понимание характера религиозной борьбы в Европе XVI—XVII вв. Хотя в отдельных случаях Савин отмечал политические, и даже экономические, причины религиозных

⁴⁵) Савин А. Н., История Англии в новое время (XVI—XVIII вв.), вып. II, стр. 197—198, 201, 204—205.

преследований в этот период⁴⁶), однако в целом его характеристика религиозной борьбы идет в совершенно ином направлении. Корни этой борьбы, причины ее крайней жестокости и напряженности Савин ищет не в социально-экономических и политических условиях эпохи, а прежде всего в особенностях человеческой природы и в религиозной догматике. Говоря о жестоком преследовании со стороны государственной церкви всех инакомыслящих в Англии XVI в., он заявляет, что «нетерпимость была слишком глубоко заложена в человеческой душе: И только когда прошли долгие и грозные бури в половине следующего столетия, свежее и бодрое веяние духа свободы стало понемногу проникать в общественное сознание»⁴⁷).

Не сумел Савин определить и подлинную подоплеку религиозных преследований гугенотов во Франции при Людовике XIV. Правда, он здесь говорит о том, что «религиозная политика Людовика XIV перепутана с социальными мотивами и политическими интригами»⁴⁸), что «медленные успехи терпимости вызывались тогда не религиозными соображениями, а политической необходимостью»⁴⁹). Однако политическую необходимость Савин понимает очень превратно. По существу, здесь речь идет о том, что религиозная политика определялась государственной властью, а сама государственная власть признавала за собою религиозные обязанности, которые сводились к целям торжества правой веры⁵⁰). Другими словами, «политическая необходимость», о которой говорит Савин, означает не что иное, как религиозную политику государства, определяемую религиозными же мотивами.

Что же касается религиозной нетерпимости католиков, их суровых преследований гугенотов, то все это Савин объясняет стремлением французского католического общества к религиозному однообразию, к религиозному единству, благодаря чему религиозная политика Людовика XIV находилась в полнейшем соответствии с настроением огромного большинства французов⁵¹). Савин пытается отыскать и причины стремления католического общества к религиозному единству. Верный себе, он ищет их не в исторических условиях жизни «католического общества», которое далеко не было таким однородным, как это изображает Савин, а в догматике католицизма. Дело, оказывается, в том, что не замиравшая в среде католиков религиозная ненависть к гугенотам являлась естественной у последователей религии монотеистического склада, когда признается истинным только один бог, а все иные культы суть заблуждения, а иноверцы — враги истинного богослужения⁵²).

Стремлением «католического общества» к религиозному единству Савин объясняет и причину так называемого католического возрождения во Франции XVII века⁵³). «Католическое возрождение» рассматривается как чисто религиозное движение, как подъем и процветание католической религиозности. Делается это вне всякой связи с социально-политической борьбой того времени, с общими условиями, породившими

46) См. Савин А. Н., История Англии в новое время (XVI—XVIII вв.), вып. II, стр. 188—189; Век Людовика XIV, стр. 182 и др.

47) Савин А. Н., Английская реформация в эпоху Тюдоров. Книга для чтения по истории нового времени, т. I, стр. 188.

48) Савин А. Н., Век Людовика XIV, стр. 170.

49) Там же, стр. 172.

50) Там же, стр. 172.

51) Там же, стр. 173, 194.

52) Там же, стр. 170—173.

53) Там же, стр. 194.

в XVI—XVII вв. католическую реакцию в странах Западной Европы. Савин совершенно игнорирует социально-политическую направленность так называемого католического возрождения, его роль идеологического орудия феодальной реакции. Он не мог пройти мимо весьма интенсивной деятельности, развивавшейся католической церковью во Франции XVII в., но правильно определить ее истинные цели и характер не сумел. Правда, он глухо говорит о том, что религиозное движение XVII в. было далеко от бездеятельного содержания, что новые монашеские ордена вели активную пропаганду, стремились оказать как можно большее воздействие на мир, что создавались тайные католические организации и в светском обществе, однако тут же вся эта оживленная религиозная деятельность сводится к делам благотворения и преподавания, к стремлению поднять религиозное чувство, достигнуть большего благолепия в богослужении⁵⁴). Характерно в этой связи, что ответственность за нетерпимое положение гугенотов в XVII в. Савин склонен возлагать не на французский абсолютизм и феодально-католическую реакцию, в частности, на пресловутое тайное дворянское «общество святых даров», о котором сам же Савин говорит, что оно отличалось упорством в преследовании «вредных людей», а на религиозный фанатизм массы народа — «искренне религиозной, по своему доброй, но совершенно нетерпимой ко всем иноверцам»⁵⁵).

О том, насколько извращенно Савин понимал подлинное содержание феодально-католической реакции XVI—XVII вв., упорно именуемой им «католическим возрождением», свидетельствует его оценка взаимоотношений в этот период между католицизмом и наукой. Он утверждает, что в эпоху «католического возрождения» «новые художественные и научные течения оказывались в большей своей части в католическом лагере»⁵⁶). Чтобы так заявлять, надо намеренно закрыть глаза на варварские преследования католической церковью именно в этот период «новых художественных и научных течений», на целую вереницу мучеников науки — жертв инквизиции, надо полностью отказаться от малейшего стремления увидеть в католической церкви что-нибудь помимо чисто религиозного учреждения, пекущегося о спасении душ своих подопечных и одушевляемого при этом высокими нравственными идеалами. Нет нужды доказывать, насколько подобные взгляды и на католическую церковь вообще и на феодально-католическую реакцию XVI—XVII вв. в особенности далеки от действительности. Очевиден и источник таких взглядов — он коренится в абстрактно-идеалистическом понимании Савиным самой природы религии.

Если Савин каменной стеной пытается оградить область религии от влияния на нее области социально-экономических и политических отношений, то обратное влияние он не только признает, но и всемерно выпячивает. При характеристике общих воззрений Савина на природу религии отмечалось уже, что он склонен преувеличивать влияние религии на различные стороны общественной жизни. С особой силой это преувеличение проявляется в его подходе к целому ряду конкретно-исторических событий и явлений средневековой истории. В этом отношении представляют интерес сами методологические приемы Савина. Считая возможным в своем лекционном курсе рассматривать религиозную историю Европы XVI в. совершенно изолированно от социально-экономической и политической истории этого периода, он при изучении со-

⁵⁴) Савин А. Н., Век Людовика XIV, стр. 194—196.

⁵⁵) Там же, стр. 196.

⁵⁶) Савин А. Н., Религиозная история Европы эпохи реформации, стр. 174.

циально-экономических и политических проблем в ряде случаев обращается к области религии. Делается это не просто для того, чтобы дать всестороннее освещение вопроса, а с целью найти в сфере религии, религиозной жизни первопричину изменений в области социально-политической, ключ для понимания различных исторических событий и явлений. Пожалуй, наиболее яркое свидетельство этому — подход Савина к истории английской революции XVII в. Всем ходом своего изложения революционных событий он утверждает, что центральной проблемой английской революции была религиозная проблема — чисто религиозный спор о вере, о путях спасения души, к которому лишь присоединялись социальные и политические противоречия. К религиозным последствиям он сводит, по существу, и все значение революции.

Характерно, что и при изложении последующих за английской революцией исторических событий Савин по-прежнему исключительно большое внимание уделяет проблемам религиозной истории, находя в них объяснение и особенностям реставрации, и перевороту 1688 г. Неслучайно поэтому, что, начиная изучение эпохи реставрации, он считает нужным еще раз обратить внимание своих слушателей на важное значение религиозных мотивов в истории Англии XVII в.⁵⁷⁾ Рассматривая историю Англии эпохи реставрации, он говорит, в первую очередь, о религиозной истории этого времени, о борьбе различных религиозных течений, причем озлобление по отношению к католицизму как со стороны пресвитериан, так и со стороны приверженцев англиканской церкви он называет «коренной чертой реставрационного периода»⁵⁸⁾. В то же время не делается даже попытки выяснить социальные или хотя бы политические предпосылки этого озлобления. Все сводится к страху перед опасностью всемирной реставрации католической религии. В страхе большинства англичан перед реставрацией католицизма Савин видит и причину переворота 1688 г. «Англичане 1688—1689 гг., — заявляет он, — совершили революцию не потому, что они хотели ограничить короля, а потому, что революция была необходима для защиты их веры»⁵⁹⁾.

Таким образом, заявление Савина о важности религиозных мотивов истории Англии XVII в. не остается простой декларацией. Во всем своем изложении событий этого периода он постоянно подчеркивает громадную, зачастую определяющую роль религиозных противоречий и религиозной борьбы.

Неправомерное выдвижение на первый план религиозных мотивов характерным образом проявляется и в трактовке Савиным великих географических открытий. Довольно подробно рассматривая пред историю великих географических открытий, он совершенно оставляет в стороне коренные, главные социально-экономические предпосылки их. Свое внимание он сосредотачивает почти исключительно на религиозных предпосылках географических открытий, непомерно преувеличивая их

⁵⁷⁾ Савин А. Н., История Англии в новое время (XVI—XVIII вв.), вып. II, стр. 183.

⁵⁸⁾ Там же, стр. 206.

⁵⁹⁾ Савин А. Н., История Англии в новое время (XVI—XVIII вв.), вып. II, стр. 275. В другом месте Савин говорит, что «переворот 1688 г. был совершен преимущественно по религиозным мотивам» (там же, стр. 274). И хотя он говорится, что все причины переворота не сводятся к религии Стюартов, что «переворот 1688 г. был обусловлен конституционными стремлениями общества» (там же, стр. 275), главное внимание в его анализе предпосылок переворота 1688 г. уделяется как раз религиозным мотивам.

значение. Говоря о причинах, заставлявших Европу и европейцев перед XVI веком тяготеть к Востоку, Савин указывает, что «на первом плане стоят причины религиозного характера. Таково было представление о земном рае, рае потерянном, но который может стать раем возвращенным»⁶⁰). Далее он говорит о «более практическом направлении» в стремлении европейцев на Восток. И видит его в том, что «...в сердце тогдашнего человека болезненным образом отзывалось находжение пупа земли — Иерусалима — в руках неверных»⁶¹). Еще одна причина — поиски союзников для борьбы против грозной силы ислама⁶²). Лишь в заключение этого раздела Савин говорит о громадных богатствах, которыми Восток привлекал к себе европейцев, о священной жажде золота, как главным стремлении, толкавшем вперед мореходов XIV—XV вв., о закрытии доступа европейцам в страны Дальней Азии⁶³). Но и здесь он не обходится без привлечения религиозных факторов для объяснения тех или иных исторических явлений. Так, закрытие доступа европейцам в страны Дальней Азии он объясняет быстрыми успехами ислама среди монголов, «которые с принятием ислама становятся очень деспотичными»⁶⁴).

Религиозные мотивы занимают видное место и в изложении Савина самого хода великих географических открытий. В частности, им подчеркивается очень сильное действие религиозных начал в истории испанских открытий и завоеваний⁶⁵). И лишь после этого он отмечает, что, «наряду с желанием крестить непросвещенных дикарей, испанцы жаждут и торговых прибылей»⁶⁶). В такой постановке вопроса еще более искажаются подлинные цели и намерения испанских завоевателей. С другой стороны, как бы сам Савин ни осуждал бесчеловечную жестокость европейских колонизаторов, его настоятельные подчеркивания религиозных начал в колонизации, этого стремления «крестить непросвещенных дикарей» могут служить, может быть, против воли самого Савина, косвенным оправданием всего варварства испанских и прочих европейских «цивилизаторов». Ведь все их гнусности, с точки зрения Савина, можно оправдать, хотя бы частично, высоким религиозным одушевлением завоевателей, стремлением их повсеместно утвердить, пусть даже мечом и огнем, истинную веру.

Заслуживает внимания, что и в своей характеристике американских племен Савин обращает особое внимание на религиозную сторону их жизни, подчеркивает их глубокую религиозность, огромное значение религии во всей их жизни.

Важно указать, что эти высказывания Савина не остаются случайными брошенными замечаниями. Они являются закономерным следствием всей системы взглядов Савина, самой его методологии изучения истории. Правда, как будто в принципе он считает возможным признать влияние социально-политических факторов на религиозную жизнь. В своей статье «Христианские социальные теории и современная культура» он сочувственно цитирует заявление известного немецкого буржуазного социолога и богослова Э. Трельча о глубоком влиянии социально-политических особенностей средневекового уклада на его нравствен-

60) Савин А. Н. История Европы XVI века, стр. 18.

61) Там же, стр. 19.

62) Там же, стр. 19—22.

63) Там же, стр. 22—26.

64) Там же, стр. 26.

65) Там же, стр. 60—83.

66) Там же, стр. 63—64.

но-религиозную жизнь⁶⁷⁾. Можно было бы привести здесь и его собственные единичные замечания, идущие в этом же плане. Однако никогда, за ничтожно редким исключением, Савин не раскрывает это влияние на конкретно-историческом материале, не ставит перед собой подобную задачу. Зато он вполне отчетливо ставит противоположную задачу — проследить влияние религиозной жизни общества на другие стороны общественной жизни. Здесь нельзя не видеть проявления определенного методологического принципа. Уже в одной из своих ранних работ, подчеркивая значение XVI в. в аграрной истории Германии, Савин далее продолжает: «Интерес эпохи возрастает еще потому, что с нею связаны религиозная реформация и крестьянская война. Любопытно выяснить на конкретном примере, как религиозный переворот отражается на хозяйственной жизни общества»⁶⁸⁾. Савин лишь ставит вопрос о влиянии реформации на хозяйственную жизнь общества, не решая его ни в этой, ни в других своих работах. Но уже сама постановка вопроса об отражении религиозного переворота на хозяйственной жизни общества и о значении подобного исследования, при отсутствии постановки вопроса о противоположном влиянии, свидетельствует о направлении интересов Савина, о том, как он представляет себе соотношение между религиозной и хозяйственной сторонами общественной жизни. В признании зависимости социально-экономической и политической жизни общества от его религиозной жизни и заключается методологический принцип Савина, который проявляется почти во всех случаях, когда он рассматривает вопрос о взаимоотношении между этими сторонами общественной жизни.

Вместе с тем представляется глубоко закономерным, что, резко увеличивая в ряде своих лекционных курсов влияние религиозных мотивов в общественной жизни, Савин не сумел показать действительно очень большую и важную роль католической церкви в средние века. Даже в отдаленной степени он не приближается к пониманию католической церкви в этот период как «наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»⁶⁹⁾. И коренится это как раз в игнорировании им социальной сущности средневековой церкви, т. е. в том, что, в конечном итоге, является источником всех его ошибок в данном вопросе.

* * *

Бросается в глаза разница между Савиным—историком религии и Савиным—историком социально-экономических отношений. Первый стоит, несомненно, ниже второго. И объясняется это, конечно, не только тем, что круг научных интересов Савина лежал преимущественно в области изучения социально-экономических отношений. Идеалистическая ограниченность методологии Савина с особой силой как раз и проявляется в его подходе к анализу явлений надстроечного порядка. В области социально-экономических отношений отчетливо обнаруживаются материальные интересы людей, классовая обусловленность тех или иных исторических процессов, и это позволяет прогрессивным буржуазным

⁶⁷⁾ Савин А. Н., Христианские социальные теории и современная культура. «Русская мысль», 1913, № 8, стр. 123.

⁶⁸⁾ Савин А. Н., Аграрный строй Германии в XVI веке, «Научное слово», М., 1903, № 7, стр. 57.

⁶⁹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 361. Изд. 2-е.

историкам, в частности Савину, строго следующим за историческими фактами, в отдельных случаях делать правильные выводы даже вопреки ограниченности их идеалистической методологии. Иное дело — в сфере идеологии. За различными идеологическими течениями и направлениями подчас трудно бывает различить порождающие их материальные классовые отношения. В особенно большой степени это относится к религиозным представлениям, характер которых подвергался изменениям на протяжении столетий. Не случайно поэтому, что в области изучения религии идеалистическая методология Савина и обнаружилась во всей своей полноте. Все его попытки конкретно-исторического подхода к отдельным религиозным явлениям разбиваются об его идеалистическое представление о религии как надклассовой области глубоко личных переживаний человека.

Г. И. ПЕЛИХ

К ВОПРОСУ О РОДО-ПЛЕМЕННОМ СТРОЕ НАРЫМСКИХ СЕЛЬКУПОВ

(2-я половина XIX в.)

Нарымские селькупы заселяют северные районы современной Томской области. До прихода в Сибирь русских селькупы занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством. Их общественные отношения, культура и быт отличались большой архаичностью по сравнению с общественным строем соседних тюрков, хантов и эвенков. Освоение Нарымского края русскими в отличие от северных и северо-восточных районов Сибири проходило довольно быстрыми темпами. Это не могло не отразиться на судьбах малочисленных и малоразвитых селькупских племен. Селькупы переняли от русских новые формы ведения хозяйства, у них начинают развиваться скотоводство и огородничество, лук и стрелы заменяются огнестрельным оружием, исчезают каменные орудия труда, распространяются заимствованные у русских типы жилища, одежды и т. п.

Однако наряду с этим многие архаические черты родо-племенного строя продолжали сохраняться у селькупов до недавних времен. Этнографическими экспедициями Томского университета¹⁾ был собран материал по истории своеобразных форм группового брака, примитивным религиозным верованиям, а также сведения, позволяющие восстановить структуру родо-племенной организации нарымских селькупов. Еще три-четыре десятилетия тому назад этот материал мог бы быть гораздо более богатым и интересным. Великие социалистические преобразования последних десятилетий окончательно разрушили у селькупов архаический уклад жизни. Теперь память о прежних порядках и обычаях сохраняют лишь немногие старики. Поэтому для выяснения характера родо-племенной организации селькупов были использованы не только опросные данные, но и архивный материал, проведена локализация старинных родо-племенных культов и кладбищ, а также использованы сведения о селькупах в опубликованной литературе.

* * *

Находящиеся в нашем распоряжении материалы полностью подтверждают предположение Г. Н. Прокофьева о том, что селькупы со-

¹⁾ Этнографическая экспедиция ТГУ летом 1959 г. в составе доцента Пелих Г. И., студентов Лукиной Н. В., Бийчаниновой Э. Л., Алексикова В. Ф., Пленника Ю. Я. и сотрудника Томского краеведческого музея Осиповой С. И. работала среди селькупов Оби и Тыма Каргасокского района. Этнографическая экспедиция ТГУ летом 1960 г. в составе доцента Пелих Г. И., студентов Лукиной Н. В. и Бийчаниновой Э. Л. работала среди селькупов Средней Оби и Парабели.

храняли родо-племенное деление до половины XIX в.²⁾ Даже во второй половине XIX в., наряду с официальными административными властями, у селькупов продолжали действовать органы родо-племенного управления. Они оставались незаменимыми для царской администрации, во-первых, благодаря своему своеобразию и необычности и, во-вторых, потому, что русские власти мало ими интересовались, а сами селькупы не стремились их афишировать. В действительности, кроме выборной должности волостного старшины (по-селькупски чумульджар) у селькупов продолжали сохраняться свои «цари» (амдель-кок), вожди племен (орен-куп) и старейшин родов (варга-эра или варга-куп)³⁾.

В середине, а частично во второй половине XIX века у нарымских селькупов сохранялась своеобразная и сложная родо-племенная организация. Прежде всего, все селькупы делились на следующие племена:

1. Племя «чумуль квыгрыл куп» занимало обширную территорию по берегам рек Тыма и Оби от устья Тыма до Каргаска. Оно включало в себя Тымскую инородческую волость 1-й половины и Тымскую инородческую волость 2-й половины.

2. Племя «чумуль нюроль куп» или «нерум-ни», как их звали ханты, жило в низовьях р. Васюгана, в низовьях и среднем течении р. Чижанки и в некоторых поселках по берегам и притокам Оби к югу от устья Васюгана. Оно включало в себя две инородческие волости: Нижне-Тогурскую 2-й половины и Ларьятскую.

3. Племя «парабельских чумулькупов» (самоназвание выяснить не удалось) жило по реке Парабели, ее притокам Чузику, Кенге и по берегам Оби от поселка Пыжино на севере до поселка Инкино на юге. Племя включало в себя 10 инородческих волостей: 1-ю Парабельскую 1-й половины, 1-ю Парабельскую 2-й половины, 2-ю Парабельскую, 3-ю Парабельскую, 3-ю отдельную Парабельскую, 4-ю Парабельскую, Верхне-Подгороднюю, Нижне-Подгороднюю 1-й половины, Подгородно-Пайдушную и Ларпинскую.

4. Племя «сюсю теле-гум» жило в низовьях реки Кети и в прилегающих к Тогурскому устью районах Оби. Включало в себя 3 инородческие волости: Пиковскую, Киргеевскую и Няжинскую.

5. Племя «сюсю шоеш-гум» жило в бассейне реки Чаи и в ближайших к ее устью районах Оби на территории Чаинской и 2-х Чурубаровских инородческих волостей.

6. Племя «сюсю тшуе-гум» жило по берегам Оби к югу и северу от устья реки Чулыма на территории Кортульской и Шепецкой инородческих волостей. Значительная часть членов этого племени во 2-й половине XIX в. была рассеяна среди селькупов всего Нарымского края или ушла, по рассказам стариков, на север, где будто бы образовала «народ чага».

7. Племя «кетских сюсю гумов» (самоназвание не выяснено) жило в бассейне реки Кети на территории инородческих волостей: Кашкинской, Питкинской, Иштановской и Лелькинской⁴⁾.

Существование перечисленных семи селькупских племен было установлено следующим образом.

²⁾ Прокофьев Г. Н., Селькупский язык, «Языки и письменности народов Севера», Л., 1937, стр. 93.

³⁾ Там же, стр. 9—10.

⁴⁾ По свидетельству селькупов-старожилов, к югу от племени «тшуе-гум» (или «тшуе-гула») раньше жил народ «пай-гула». Но кроме устных свидетельств, мы не имеем об этом племени пока никаких других сведений. Его состав и внутренняя организация также неизвестны.

В Томском областном архиве и в архивах районных загсов (Каргасковского, Парабельского, Колпашевского) хранятся метрические книги бывших нарымских церквей из фондов Томской духовной консистории⁵⁾. Из этих книг нами было выявлено 2156 записей браков нарымских селькупов. Подавляющее большинство зарегистрированных браков приходилось на XIX в. При сопоставлении брачных записей друг с другом легко выделились большие эндогамные группы. Выявление эндогамных групп позволило уточнить границы распространения племен и их состав.

Название племени	Общее колич. зарегистрированных браков	Браки, заключен. внутри эндогамной группы	Браки с русскими, хантами, эвенками и селькупами других эндогамн. групп
Чумуль квыгрыл-куп	296	252	44
Чумуль нюроль-куп	332	222	110
Парабельские чумуль-куп	412	327	85
Сюсю теле-гум	336	256	80
Сюсю шоёш-гум	350	264	86
Сюсю тшуе-гум	288	170	118
Кетские сюсю-гум	152	144	8

При анализе данных метрических книг становится очевидным, что селькупы внутри каждой эндогамной группы вступали в брак друг с другом в строго определенном порядке. Мужчины определенных фамилий женятся на женщинах также из определенных фамилий⁶⁾. Мы не можем в рамках данной работы остановиться подробнее на характеристике этого интересного явления. Отметим лишь, что выявленная система в заключении браков послужила дополнительным критерием правильности установленных нами эндогамных групп. В схему входили лишь браки, заключенные между селькупами одной эндогамной группы. Все браки, заключенные с русскими, хантами, эвенками и селькупами из других эндогамных групп нарушали схему.

Обычай заключать браки внутри своего племени держался у селькупов до XX в. и хорошо известен лицам старшего поколения. На просьбу объяснить, почему принято было заключать браки лишь среди соплеменников, селькупы старшего поколения указывали на ряд причин. Они говорили, что уход в чужое племя означал переход и в «чужую веру», т. е. надо было почитать иных племенных духов. Добровольно на это якобы никто не шел. Старики рассказывали, что «раньше за веру дрались «цари» (амдель-кок) топорами на длинных ручках. Какой

⁵⁾ Государственный архив Томской области (ТГОА). Томская духовная консистория, метрические книги, ф. 170, оп. 9, дд. 96, 106, 117, 161, 175, 176, 177, 198, 207, 511, 119, 194, 362, 387, 397, 320, 550, 510, 553, 509, 433, 431, 868, 92, 989, 853, 820, 652, 668, 89, 922 и др.

⁶⁾ См. стр. 144.

царь отсечет противнику голову, вера того и победит». Невесту из чужого племени надо было украсть и «насильно» заставить принять другую веру».

Затрудняли смешение и некоторые различия в языке. «Как за чужой язык пойдешь!» — говорили старые селькупки.

В некоторых случаях сказывались различия в образе жизни. «Обские» селькупы (колдогл-куп) занимались уже скотоводством и огородничеством, а «таежные» (мачиль-куп) все еще охотились целыми семьями. М. И. Ачаткоева из юрт Тебинакских рассказывает, например, что она отказалась выйти замуж за таежного охотника, сказав ему: «Я лучше сена на десять коров поставлю, чем зимой в урмане охотиться и за собой нарту таскать».

Характерной особенностью нарымских селькупов является отсутствие у них диалектологического единства. В находящихся в Томском областном архиве «Материалах для доклада по туземному вопросу» за 1934 г. говорится, что «нередко встречаются такие случаи, когда население одной юрты не понимает языка живущих рядом соседей»⁷). А в школах-интернатах, в которых собирались «дети туземцев с Кети, Тыма и Васюгана... каргасокские не понимают тымских и кетских, и, наоборот»⁸). В настоящее время селькупы разных племен разговаривают друг с другом по-русски. М. А. Кастрен при сопоставлении остяко-самоедского словаря учитывает бытование среди нарымских селькупов 6-ти наречий (нарымское, кетское, средней Оби, верхней Оби, реки Чаи и реки Чулыма)⁹). Но в то же время М. А. Кастрен пишет, что он не провел исследование тымского диалекта, считая это своим большим упущением¹⁰). Если мы прибавим неисследованное Кастреном тымское наречие к 6 вышеуказанным, то получим почти полное совпадение их с эндогамными группами, выделенными по архивным материалам. С этими же эндогамными группами еще более точно совпадают «диалектологические группировки селькупского языка», выделенные Г. Н. Прокофьевым¹¹). Только Г. Н. Прокофьев в отличие от М. А. Кастрена не учитывает «чулымское наречие», полагая, что «селькупы, жившие в недавнем прошлом по рр. Чулыму и Чае... выселились с прежних мест своего обитания»¹²).

Селькупы среднего и старшего поколения ясно указывают границы распространения своих племен и перечисляют фамилии соплеменников. Сам термин «племя» большинству информаторов неизвестен и на селькупский язык не переводится. Только на Парабелю нам сказали, что раньше в этом значении употреблялось слово «ортчо» (орто), пояснив, что раньше этим словом обозначали «людей одной реки». Но зато многие помнили, что общий начальник всех «людей одной реки» назывался «орен-куп». Его отличали от «чумульджары» (волостного старшины), «амдель-кок» (царя) и «варга-эра» (родового старшины), о которых речь будет идти дальше. Последних «орен-куп», живших еще в первые годы советской власти, иногда называют по именам. Так, последним вождем тымских селькупов был Дмитрий Мулин, без его разрешения

7) ТГОА, ф. 588, оп. 1, д. 398, л.15.

8) Там же, л. 38.

9) Castren M. A., Wörterverzeichnisse aus den Samoedischen Sprachen.. St.-Pet., 1855 стр. XIII.

10) Castren M. A., Reiseberichte und Briefe. 1845—1849 St.—Pet. 1865, стр. 151.

11) Прокофьев Г. Н., Селькупская грамматика. Л., 1935, стр. 7.

12) Там же, стр. 5.

никто не смел въехать на территорию племени квыгрыл-куп. Сейчас еще жива его жена, 60-летняя Варвара Мулина, которую до сих пор с насмешкой зовут «царицей Тыма».

У племени был общий центр культа и общеплеменное божество — мифическая богатырша. В северных районах Нарыма ее называли «ортеул кут нее» — богатырская дочь. Селькупы рассказывают, что ее изображение в виде железного идола высотой 40 см стояло близ Тымска. Потом ее перенесли в более глухое место на р. Тым, где она будто бы находится и сейчас в священном амбарчике между Большим и Малым Компасом. Подобное же женское божество, почитаемое на Васюгане под именем «Ортыни-пая», описал А. Ф. Плотников¹³).

Каждое племя раз в год собиралось в одном месте. Племя «чумуль квыгрыл-куп» съезжалось в Тымске, «чумуль нюроль-куп» собиралось в Каргаске, «парабельские чумуль-куп» — в Парбе (недалеко от современной Парабели), «сюсю теле-гум» — у современного Тогура, «тшуе-гум» — у Могочина.

Таким образом, как видно из вышеизложенного, селькупское племя представляло собой устойчивую эндогамную общность, которая занимала определенную территорию, имела особое имя, общий культ, общего вождя и особое наречие (или, возможно, говор). Эти черты и заставляют нас отождествлять описываемую эндогамную группу с небольшим племенем.

Еще М. А. Кастрен обратил внимание на то, что «самоедские племена, за исключением немногих, весьма малочисленны»¹⁴). Очевидно, нарымские селькупы не составляли в этом отношении исключения.

Однако в Нарыме существовали и более крупные объединения. Во второй половине XIX в. их было два: «чумуль-куп» и «сюсю-гум». В состав чумулькупов входили три северных племени, в состав сюсюгумов — четыре южных. Очевидно, это были прочные союзы племен. Во главе того и другого объединения стояли, по рассказам старожилов, «цари» (амдель-кок). Информаторы подчеркивали, что «было обязательно два царя». Интересно, что о существовании этих 2-х царей знало русское население края. Карп Емельянович Видмич, проживавший в Парабели более 50 лет, рассказывает: «Один остяцкий царь жил в Тымске, а сюда приезжал за податью. Он являлся хозяином Нарымского края. Приставу он давал часть ясака и тот покрывал его. Выше Колпашево жил другой царь. Они его очень почитали». «Цари» (амдель-кок) считались непосредственными потомками и приемниками мифических богатырей. Раньше, до прихода русских, они жили будто бы в укрепленных городах-крепостях (кватш). 106-летняя М. С. Арняжина рассказала о строительстве такой крепости у села Тымского следующее: «Крепость раньше была на богатырском острове. 100 человек землю таскали и сделали по берегам озера вал. Край озера стал высокий, а середина оказалась в яме. Богатырь с сыном владели этим островом и здесь скрывались. Людей они заставляли все делать. Люди им подчинялись и тем спасались».

Этнографическими экспедициями ТГУ записано большое число преданий о войнах селькупов с татарами ((тыыл-гуп), с хантами (кат-куп) и между собой. А. Ф. Плотников пишет о том, что в прошлом «некоторым князьям удавалось подчинить себе других, приобрести власть над многочисленными другими родами и сделаться могущест-

¹³) Плотников А. Ф., Нарымский край, СПб., 1901, стр. 200.

¹⁴) Кастрен М. А., Путешествие по Лапландии, северной России и Сибири, «Магазин землеведения и путешествий», т. VI, ч. II, М., 1860, стр. 279.

венными»¹⁵). Возможно, именно так произошло возвышение двух «царей» (амдель-кок) у нарымских селькупов. Необходимо отметить, что в настоящее время принадлежность селькупов к чумулькупам или сюсюгумам осознается ими в большей мере, чем племенная.

Перейдем теперь к вопросу о внутренней организации селькупских племен. На основе имеющихся у нас материалов можно сделать лишь некоторые предположения для объяснения сложной системы разного рода объединений, входящих в состав племени.

Небольшие селькупские племена, из которых состояли союзы чумулькупов и сюсюгумов, в свою очередь, распадалась на еще более мелкие объединения трех видов. Каждое селькупское племя состояло из «таджэ» (или «тырде», по произношению чумулькупов), тамде (или тамдыр) и гары (джары, чары). Остановимся на характеристике этих объединений.

Е. Д. Прокофьеву, изучавшую в 20-х годах XX в. социальную организацию селькупов, «поражало то, как стойко держится в памяти селькупов их принадлежность к определенному роду»¹⁶) и что «до сего времени среди селькупов имеются фамилии Кулеевых (от кулат тамтыр — «ворона род»), Мулиных (от мулонт тамтыр — «ястреба род») и т. д. Действительно, даже летом 1960 г. селькупы старшего и среднего возрастов хорошо знали своих сородичей или, как они говорили, людей «нашей породы» (ми тамда) и отличали их от людей «не нашей породы» (ами тамдаут).

Селькупский род состоял из больших патриархальных семей. Каждая семья вела самостоятельное хозяйство на общеродовой земле.

До сих пор селькупы легко перечисляют названия охотничьих и рыболовных угодий, входивших в родовую территорию. Частично эти угодья использовались сородичами сообща, частично распределялись между семьями. Каждая семья получала отдельный охотничий участок (чвэчо), где проходили ее «черканные дороги» (ладая ваттом) и стояла охотничья избушка (оммал орэ). Сенокосы и водоемы переделались каждый год, охотничьи же участки (чвэчо) без особой необходимости не трогали. Во 2-й половине XIX в. на родовой территории жили не только сородичи, но и приезжие селькупы, которые платили дань (корто) за пользование угодьями или за особую плату принимались в члены территориальных общин, образовавшихся на территории родовых земель.

Характерными признаками селькупского рода были экзогамия, патриархальность и патрилинейность. Родоначальником и номинальным главой рода считался мифический гводар-хоп (или квыдаргу). Священные амбарчики («келе»), посвященные квыдаргу, стояли обязательно на родовой территории. Старейшина рода назывался варга-эра.

Патриархальные рода, в свою очередь, объединялись в таджэ.

Каждое селькупское племя включало в себя от двух до четырех таджэ. Племя «чумуль квыгрыл-куп» состояло из двух таджэ, территория распространения которых совпадала с границами двух бывших Тымских инородческих волостей. Назывались эти таджэ: «колдогл корга-куп» (обские остяки) и «мачиль куп» (таежные остяки). Число таджэ, входящих в племя «чумуль нюроль-укп» не удалось установить. Известно лишь, что селькупы, жившие по Чижапке, составляли особое таджэ. Племя Парабельских чумулькупов делилось на 4 таджэ, которые

¹⁵) Плотников А. Ф., Нарымский край, СПб., 1901., стр. 36.

¹⁶) Прокофьева Е. Д., О социальной организации селькупов, Труды института этнографии АН СССР, новая серия, т. XVIII. М.-Л., 1952., стр. 40.

назывались: 1) «кенга мачет-коп кула» (по реке Кенге), 2) «сочжо мачет-коп кула» (по р. Парабели), 3) «тымандо варг-хур гула» (на Оби к югу от поселков Ласкино и Чиряево) и 4) «тыкандо кохол-ора гула» (вниз по Оби от Ласкино до Нарыма, включая район юрт Тюхтеревых). Племя «сюсю теле-куп» состояло из 3-х таджэ, границы которых совпадали с бывшими инородческими волостями: Пиковской, Киргеевской и Няжинской. На территории Киргеевской волости жило таджэ «кор-гум» (или кор-гула). О том, что в этих местах жили «инородцы кер-гула» говорит и А. Ф. Плотников¹⁷).

У нас нет сведений, на какие таджэ делились остальные три селькупских племени. Известно лишь, что в состав племени «сюсю тшуе-гум» входило таджэ под названием «саже-гум».

Во 2-й половине XIX в. объединение в таджэ носило, главным образом, культовый характер, хотя во время общих собраний могли решаться вопросы самого различного характера. По рассказам стариков, члены таджэ собирались на общее «сборище» (такол-таджлты) два раза в год: «среди зимы» и перед весенней ярмаркой. В это время приносились жертвы духу, которого называли «большой квыдаргу» (или «большой гводар-хоп»). Священный амбарчик с прикладом, посвященный большому квыдаргу, назывался «комо-деже», в отличие от родовых амбарчиков с «маленькими» квыдаргу, которые назывались келе (у сюсю-гумов) или пор (у чумулькупов).

Каждое таджэ имело в прошлом одно общее кладбище. Этот обычай в Нарымском крае общеизвестен. Покойников везли за 400—500 км вниз по реке. Кладбища всегда были расположены в самом нижнем конце территории таджэ, так как по обычаю запрещалось везти покойников вверх по реке. Труп умершего зимой подвешивали на деревьях до вскрытия рек. Об одном из таких случаев упоминается в «Сибирской газете», где рассказывается о том, как остяка Абрама Таурмакова, скончавшегося во время звериного промысла в верховьях Парабели, семья привезла хоронить в село Парабель, расположенное у устья этой реки¹⁸). Очевидно, подобный же обычай существовал на Чулыме, где, по свидетельству А. П. Дульзона, «только лет 30—40 назад появились свои особые кладбища у каждой деревни»¹⁹). Запрет хоронить на чужих кладбищах соблюдался в глухих районах края до недавнего времени. Старики на Тыму рассказывают о том, что когда-то на Напасовском кладбище была похоронена чужая старуха. Теперь будто бы как только ночь настанет, мертвецы поднимаются и гоняют ее.

Судя по перечисленным признакам, селькупское таджэ несколько напоминает фратрию. Однако в таджэ нет и признаков экзогамии, члены таджэ, наоборот, предпочитают заключать браки друг с другом. Кроме того, таджэ состоит не только из родов, в его состав входят и своеобразные родовые союзы.

Селькупское название этого союза родов помнят лишь немногие старики. Его называли в старину «гара» (а также чжара или чара). В прошлом этот термин был широко распространен в Нарымском крае и сохранился до сих пор в названии многих мест. Например, «тоогара» — старинное название современного Тогура²⁰), Чигара, Шегара, Чангара,

¹⁷) Плотников А. Ф., Нарымский край, СПб., 1901, стр. 152.

¹⁸) «Сибирская газета», 1883, № 29.

¹⁹) Дульзон А. П., Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, 1952., стр. 93.

²⁰) Термин записан А. П. Дульзоном во время экспедиции 1953 г. См. Дульзон А. П., Археологические памятники Томской области, «Труды Томского областного краеведческого музея», т. V, Томск, 1956, стр. 182.

Чарнак (старинное название пос. Абрамкино), Чаршино и др. Возможно, этот термин сохранился в названии двух ясашных Чурубаровских волостей.

В XIX в. гара существовала в Нарымском крае как пережиток, и следы ее можно было с трудом обнаружить лишь в немногих районах края. Так, например, остатки гары сохранились на Тыму, объединяя роды Мулиных, Пычкиных и Пыршиных. Это объединение называлось в древности Кыгель-гар. На Парабели в гару объединялись поселки: Соиспаево, Мунуково и Чарус. В верховьях Чузика в гару входили поселки: Пудино, Карелин Яр и Осипово. Называлось это объединение «Тутжал мо-гар». На Оби, у современного поселка Иванкино, был центр гары, объединявшей Иванкиных, Чаршиных и Кияровых. Объединение называлось в древности Согар. Возможно, гара существовала и на месте старой Чурубаровской волости у юрт Сондоровых.

Для гары характерны были следующие особенности:

1. Гара всегда объединяла 3 патриархальных рода. Это был эндогамный союз 3-х экзогамных родов. Браки запрещались только внутри рода (тамдер). Между родами, входящими в гару, браки были разрешены на определенных условиях. Мужчины из 1-го рода должны были брать себе жен только из 2-го рода и отдавать своих женщин в 3-й род. Селькупы отнюдь не обязаны были заключать браки исключительно внутри своей гары, но если они делали это, они должны были подчиняться правилам трехродового союза. Обычай брать жен из одного определенного рода был замечен на Тыму Е. Д. Прокофьевой, которая установила, что «род Кедровки брал жен из рода Орла... Род Журавля брал жен из рода Глухаря»²¹⁾ и т. д.

Это явление подтверждается и материалами метрических книг. Так, например, по метрическим книгам Тымской и Каргасокской церквей в период с 1870 по 1918 г. зарегистрировано 15 браков Мулиных с женщинами из рода Пычкиных, 14 браков Пычкиных с женщинами из рода Пыршиных и 10 браков Пыршиных с женщинами из рода Мулиных. По этим же книгам Ольгучины во всех 11-ти случаях зарегистрированных браков женятся на Кочетковых, Кочетковы — на Арнянгиных (6 браков), а Арнянгины на Ольгучиных (9 браков) и т. д.²²⁾

Таким образом в гаре создавалось нечто вроде кольцевой связи трех родов. Сходные обычаи трехродового союза наблюдал Л. Я. Штернберг у гиляков Амура²³⁾. Подробно это явление описано в работах Д. А. Ольдерогге²⁴⁾, отметившего, что «подобные же формы социальной организации обнаружены у многих народностей и племен Ассама и Бирмы, у батаков и некоторых племен северной и северо-западной Австралии. Кроме того, эти же нормы обнаруживаются у многих племен и народностей Африки»²⁵⁾.

2. Второй характерной особенностью гары является наличие остатков совместного землепользования. Три рода, входящие в гару, хо-

²¹⁾ Прокофьева Е. Д., О социальной организации селькупов, «Труды института этнографии АН СССР», новая серия, т. XVIII, М.-Л., 1952, стр. 99.

²²⁾ Каргасокский ЗАГС, Метрические книги Троицкой церкви (с. Тымское) с 1870 по 1917 гг. и метрические книги Спасской церкви (с. Каргасок) с 1870 по 1919 гг.

²³⁾ Штернберг Л. Я., Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933.

²⁴⁾ Ольдерогге Д. А., Трехродовой союз Юго-Восточной Азии, «Советская этнография», 1946, № 4; Некоторые вопросы изучения систем родства, «Советская этнография», 1958, № 1, и др.

²⁵⁾ Ольдерогге Д. А., Некоторые вопросы изучения систем родства,

рошо знали границы своих владений, но на территории гары сохранялись и общие неделимые места, которыми пользовались все члены гары. Об этом рассказывали селькупы Тыма и Парабели, называя уголья, находящиеся в общем пользовании всей гары. Это явление отмечено и архивными документами. В фондах «Управления земледелием и государственными имуществами по Томской губернии» содержится большое количество заявлений, касающихся вопросов землевладения, просьб о прирезе земли, жалоб и т. п. документов. Среди них имеется, например, поступившее от жителей юрт Езангиных, Испаевых и Конеровых «ходатайство 73-х инородцев Нарымского края о выдаче им документов на право беспорного владения ими угольями и промыслами»²⁶). Или, например, прошение селькупов юрт Тебинакских, Каша и Канаскиных с жалобой на лесничего, сдавшего в аренду принадлежавшие этим юртам «рыболовные чворы речек Папельга и Кончига», которыми, как говорилось в прошении, «пользовались наши деды и прадеды и мы пользуемся до настоящего времени»²⁷).

3. Трехродовой союз имел свое общее божество. Наряду с культурами родовых гвудар-хоп, члены гары почитали общего духа. Объектом поклонения «Парабельской» гары было женское божество «нега» (заяц). Собрание всех членов гары называлось здесь «неганд татколгу». До сих пор старики из этой гары не убивают и не едят зайцев. Объясняют этот запрет тем, что «заяц шерсть меняет. Зимой он белый, а летом серый». Здесь мы встречаемся с распространенным среди нарымских селькупов поверием о том, что животные и птицы (белка, заяц, куропатка и пр.), «меняющие цвет», могут превращаться в человека и обратно.

На Тыму в Кыгель-гаре почитался орел (лымба), центром культа был священный амбарчик «Лымбель-пор».

В Тыджал мо-гаре (р. Чузик) почиталась куропатка с соответствующими запретами и т. д.

Почитание женских божеств и тотемистический характер культа говорят о его большой древности. Учитывая остальные особенности гары, мы склонны видеть в этом объединении остатки былого материнского рода.

В этнографической литературе неоднократно обращалось внимание на сохранение у нарымских селькупов многочисленных пережитков матриархата.

А. П. Дульзон записал у селькупов классификационную систему родства, отражающую «действительные брачные отношения и фактическое родство, существовавшее в эпоху материнского рода с его специфическими особенностями группового брака»²⁸).

Е. Д. Прокофьева указывает «на стойкое существование представлений о кровной связи членов рода со своими зооморфными предками», приводя многочисленные примеры пережитков тотемизма²⁹). А. Ф. Плотников пишет о довольно высоком положении селькупских женщин, которые в ряде случаев оказываются «воинственнее мужчин»³⁰). Вл. Матов, рассказывая о лучшем на Тыму охотнике Лендогине, с удивлением

«Советская этнография», 1958, № 1, стр. 8.

²⁶) ТГОА, ф. 240, оп. 5, д. 4, л. 8.

²⁷) ТГОА, ф. 240, оп. 5, д. 4, л. 273—275.

²⁸) Дульзон А. П., Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причulyмья, «Ученые записки ТГПИ», т. XI, Томск, 1954 г.

²⁹) Прокофьева Е. Д., О социальной организации селькупов, «Труды института этнографии АН СССР», новая серия, т. XVIII, М.-Л., 1952, стр. 98.

³⁰) Плотников А. Ф., Нарымский край СПб., 1901, стр. 56.

отмечает, что «первой его наставницей на стезе охотничьей премудрости была, как ни странно, бабушка, а не отец»³¹⁾.

Даже в XX в. женщины-селькупки занимались охотой и рыбной ловлей наравне с мужчинами. В «Материалах по обследованию Каргасокского и Верх-Кетского районов» говорится о том, что «женщины-охотницы добиваются лучших показателей, чем у охотников-мужчин»³²⁾, что женские рыболовецкие артели «дают образцы высокой производительности труда»³³⁾. Известен случай, когда «женская бригада соревновалась с атармой мужчин и вышла победительницей»³⁴⁾. Конечно, в XX в. участие женщин в охоте и рыболовстве наравне с мужчинами не было распространенным явлением, но в XVI—XVII вв. женский труд, судя по всему, играл большую роль в охотничье-промысловом хозяйстве селькупов.

Пережитки матриархата у селькупов настолько живы, что вызывают предположение о существовании у них в недавнем прошлом порядков материнского родового строя. Об этом же говорит в работе «О социальной организации селькупов» Е. Д. Прокофьева, отмечая, что «пережиточные явления в области религии, структуры рода в отдельных фактах современных общественных отношений позволяют предполагать наличие в более ранний период материнского развитого рода»³⁵⁾. Вероятно, «разложение материнского рода было связано с переселением с древних территорий родов»³⁶⁾. Именно этот процесс происходил в Нарымском крае приблизительно три столетия тому назад. А. Ф. Плотниковым записан обрывок предания о распаде Тогурской гары. Он сообщает, что «из рассказов стариков-инородцев, слышавших предание от своих родичей, передававших таковые из рода в род, мы узнали, что жители юрт Конеровых, Езангиных, Испаевых и Островных, бывшие в то время язычниками, проживали на том самом месте, где в настоящее время находится село Тогурское (Кетской волости), здесь были их юрты, называвшиеся Керенан-эт (Тогурская юрта)³⁷⁾. На территории края часто встречаются остатки заброшенных поселений³⁸⁾. Старикселькупы говорят, что они были покинуты 7—8 поколений тому назад. Возраст сосен, выросших в ямах старых землянок, определяют не менее чем в 200 лет. Косвенным свидетельством о времени распада материнских родов могут служить «Приходно-окладные ясашные книги Томского уезда», в которых сохранились имена «остяцких князцов», правивших в первые годы XVIII века. Характерно, что именно в это время упоминаются князцы, именами которых были названы новые роды и поселки: Тайзан (тамдыр Тайзаковых), Сондур (тамдыр Сондуриных), Новжин (тамдыр Новжиных) и др.³⁹⁾.

Таким образом, период выделения новых родов приходится приблизительно на XVII—XVIII вв., т. е. совпадает во времени с началом освоения Нарымского края русскими. Естественно, что включение селькупов в состав Русского государства вызвало большие изменения в их

31) Матов Вл., Где добывают белку, М., 1948, стр. 127.

32) ТГОА, ф. 588, оп. 1, д. 398, л. 36.

33) Там же, д. 170, л. 7.

34) Там же, д. 387, л. 32.

35) Прокофьева Е. Д., О социальной организации селькупов, «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XVIII, М.-Л., 1952, стр. 103.

36) Там же.

37) Плотников А. Ф., Нарымский край, СПб., 1901, стр. 147.

38) Дульзон А. П., Археологические памятники Томской области «Труды Томского областного краеведческого музея, т. V, Томск, 1956.

39) Кузнецов-Красноярский, Приходно-окладные ясашные книги Томского уезда 1706—1715 гг., Томск, 1893, стр. 38, 50.

жизни. В частности, был, очевидно, ускорен процесс разложения материнского рода. Именно в это время стало падать значение женского труда в производственной деятельности селькупов. Распространение огнестрельного оружия повысило производительность охотничьего труда. Женщина, связанная домашним хозяйством и детьми, все чаще стала оставаться дома и заниматься лишь черканным промыслом близости от жилья. Недаром черканный промысел начинает считаться женским делом⁴⁰). Женский труд теряет ценность даже в домашнем хозяйстве. Раньше одежда изготовлялась женщиной из крапивных нитей, рыбьей кожи и звериных шкур, теперь ее шьют из покупных материалов. То же самое происходит с домашней посудой и утварью. Одновременно растет значение мужского охотничьего труда, так как пушнина определяла покупную способность селькупа, ее же требовали сборщики ясака.

Переход к патриархальности и патрилинейности привел к установлению агнатного родства. Когнатные связи теряют значение, поэтому мужчина получает возможность брать жен из своего бывшего материнского рода. Но своих дочерей он не может выдать замуж в тот же род, откуда взял свою жену, и должен отдавать их в третью агнатную группу. Отсюда возникновение на месте старой гары союза трех патриархальных родов, связанных брачными отношениями по принципу кольцевой связи.

Идея о том, что причиной возникновения кольцевой связи является переход от матриархата к патриархату уже высказывалась в этнографической литературе⁴¹).

Вероятно, в период перехода к патриархату деление одного материнского рода на три отцовских имело место не только у селькупов Нарымского края, но и у других народов Сибири. Б. О. Долгих, перечислив роды «тунгусов Курейского зимовья», отмечает, что «отождествление первого и пятого из этих родов с родами Муагир и Моногир не вызывает сомнений», но,— добавляет он дальше,— «почему название Мойкагир... в 1653 г. относилось сразу к трем родам, а не к одному Муагирскому роду, нам непонятно»⁴²). О термине «чера», бытующем у авамских нганасанов, Б. О. Долгих пишет, что «оно, вероятно, обозначало у нганасанов первоначально экзогамную единицу, фратрию, более широкую, чем род (фонка), который, видимо, был лишь подразделением чера»⁴³). Таким образом, и здесь мы встречаемся с некоторой аналогией селькупской гаре (чаре), только у селькупов остатки материнских родов (гар) сохранились, вероятно, в большей мере и более заметны в настоящее время.

Родо-племенная организация нарымских селькупов по сравнению с северной их группой и соседними народностями Западной Сибири отличалась большей сложностью и своеобразием.

В то время как «северные селькупы делились на две экзогамные «половины» — фратрии... каждая из которых делилась на ряд родов»⁴⁴), у нарымских селькупов существовал еще целый ряд иных объединений.

40) ТГОА, ф. 629, оп. 1, д. 41, л. 5.

41) Ольдерогге Д. А., Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии, «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 184.

42) Долгих Б. О., Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 71.

43) Долгих Б. О., Происхождение нганасанов, «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XVIII, М.-Л., 1952, стр. 16.

44) «Народы Сибири», под ред. Левина М. Г. и Потапова Л. П., М.-Л., 1956, стр. 677.

Кроме рода (тамдыр) была еще гара (трехродовой союз), были небольшие племена, делившиеся на тадже и входившие, в свою очередь, в объединения чумулькупов и сюсюгумов. Необходимо учитывать также, что основной экономической единицей нарымских селькупов была в это время территориальная община⁴⁵). Одновременно шло проникновение в их среду капиталистических отношений, разрушавших родо-племенной строй.

Сложность социальной организации нарымских селькупов обуславливается, вероятно, тем, что ей были присущи явления, характерные для различных ступеней общественного развития. С одной стороны, сохранялись пережитки развитого материнского рода, с другой стороны, складывались новые отношения, характерные для эпохи патриархата. Сейчас трудно восстановить в деталях сущность происходивших процессов, тем более, что новые формы общественной организации, не успев окончательно сложиться, стали разрушаться под натиском капиталистических отношений. Несомненно лишь то, что вопросы прошлой истории нарымских селькупов окажутся тесно связанными с проблемой матриархата.

Родо-племенной состав нарымских селькупов представляет собой интересный пример социальной организации переходного типа от материнского рода к отцовскому.

Известный интерес представляет и сам факт сохранения у нарымских селькупов во 2-й половине XIX в. родо-племенной организации. Она продолжала существовать, превратившись, в значительной мере, в фикцию, не соответствующую экономическому содержанию общества. Это явилось, очевидно, следствием сложных процессов, происходивших в среде селькупов после включения их в состав русского государства. Небольшие отсталые племена селькупов, оказавшись в сфере влияния великой русской цивилизации, в условиях царского режима развивались крайне неравномерно. Наряду с новыми, прогрессивными чертами у них продолжали сохраняться примитивные формы прошедших стадий. Создавалось причудливое переплетение старого и нового.

Изучение этих процессов может представлять значительный интерес, особенно, если учесть, что именно на этой стадии развития застала селькупов Великая Октябрьская социалистическая революция, и они вступили вместе с остальными народами Советского Союза в период построения социализма.

⁴⁵) Пелих Г. И., Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края, «Ученые Записки ТГПИ», т. XIV, Томск, 1955. 56 »бс

Ш. Б. ЧИМИТ-ДОРЖИЕВ

**ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ С ДЖУНГАРИЕЙ
ПРИ ГАЛДАН-ХАНЕ**

На территории Монголии в XVII в. имелось несколько самостоятельных независимых ханств, которые постоянно враждовали между собой. Среди этих государств ведущую роль играло Ойрато-Джунгарское ханство, находившееся в Западной Монголии. Оно поддерживало связи с Китаем, Россией и среднеазиатскими ханствами. Непосредственные связи между Западной Монголией и Россией были установлены в самом начале XVII в. Русско-ойратские посольские связи и торговые отношения получили широкое развитие в годы правления Батур-хунтайджи (1635—1653 гг.) и Галдан-хана (1671—1696 гг.). Поэтому изучение истории Джунгарии и ее связей с Россией в указанные периоды представляют значительный интерес. Кроме того, годы правления Галдан-хана были годами антиманьчжурской борьбы монгольских племен, активной дипломатической деятельности Галдана, направленной на тесное сближение с Русским государством и на получение русской помощи против маньчжурской агрессии. Однако все эти вопросы в исторической литературе освещены слабо. В некоторых исторических работах¹⁾, посвященных изучению Монголии и Сибири, встречаются лишь краткие замечания о тех или иных сторонах русско-ойратских связей конца XVII в.

Во второй половине XVII в. Ойратское ханство представляло крупное феодальное государство. Западные монголы занимали обширную территорию между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби. Из ойратских правителей наиболее выдающимся был Галдан-Бошукту, один из десяти сыновей известного Батур-хана. Предшественник Галдана на ханском престоле Сенге (родной брат Галдана) правил страной недолго (1663—1671 гг.). Период его правления характеризуется серьезными осложнениями в ойрато-русских отношениях. Галдан вступил на престол джунгарского правителя в 1671 г. По тому времени он являлся образованным человеком.

С приходом Галдана к власти происходит определенное изменение политического курса Джунгарского союза, в первую очередь наступает заметное улучшение в отношениях между Джунгарией и Россией. Политический курс Галдана по отношению к России оказался более уме-

¹⁾ Иакинф (Бичурин Н. Я.). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834; его же: Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии, СПб., 1829; Позднеев А. М., Монгольская летопись. Эрдений эрихэ, СПб., 1883; Козьмин Н., К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М.-Ирк., 1934; Златкин И. Я., Очерки новой и новейшей истории Монголии, М., 1957.

ренным, чем политика Сенге. Это было вызвано тем, что Галдан-хан ставит перед собой задачу объединить все монгольские племена под своей властью и подчинить соседние земли. А это требовало того, чтобы северная граница страны была безопасной. Отношения с русскими должны были быть установлены мирные и дружественные. Политика Галдана как бы являлась продолжением политики Батур-хунтайджи. Как известно, стремясь создать сильное ойратское государство, Батур прилагал свои усилия к установлению мирных, добрососедских связей с Россией.

Надо отметить, что на пути реализации политического курса Галдана было много серьезных препятствий, масса нерешенных проблем. В переговорах с русскими предстояло решать спорные вопросы предыдущих лет. От их решения зависело многое. Придерживаясь своего умеренного политического курса по отношению к России, Галдан-хан предупреждал своих феодалов и зависимые от него ясачные народы воздерживаться от излишне резких и недружелюбных шагов. Вместе с тем он советовал русским властям не обижать его людей, не нападать на его ясачные и в дальнейшем не поднимать вопроса о шертовании (вступлении ойратов в русское подданство). Ойраты выражали желание торговать с русскими людьми. В 1674 г. в Москву приехали посланцы Санжик и Гецул, отправленные Галданом и Очирту тайшой. Они сообщали, что ойраты намерены жить мирно и торговать с «великих государей людьми украинными»²). Посланцы также говорили, что русские торговцы и посланцы будут пропущены свободно через Джунгарию и препровождены до Китая. Таким образом, запрет Сенге был снят и дано разрешение российским представителям свободно проезжать в Китай через ойратскую территорию. Правительство России было благодарно за это. В свою очередь, оно дало обещание жить мирно и торговать с ойратами, не обижать их людей. Но русские власти отказались выдать хошутского князя³), который находился в их тюрьме в Москве, «за его измены и за неправду».

Ойратские представители часто ездили в сибирские города, где обсуждали торговые и другие вопросы. Русские власти питали надежду на подчинение киргизов. Поэтому вопрос о киргизах неоднократно поднимался русской стороной.

Несмотря на указания Галдан-хана «не чинить задоры» с русскими, сибирские калмыки (ойраты) нередко прибегали к набегам и грабегам, в которых также участвовали киргизы. Так, в 1673 и 1674 гг. они приходили под Кузнецк и Томск, «деревни служилых людей и пашенных крестьян разорили»⁴), отогнали сотни лошадей и рогатый скот. Ходили также на Красноярск, Енисейск, пограбили русских ясачных. Местные воеводы сообщали, что «ныне от киргизских и от калмыцких воинских людей живем с великим опасением»⁵). В свою очередь, служилые люди напали в 1674 году на теленгутов под Кузнецком, которые до этого отказывались признавать царскую власть. Теленгуты ушли к черным калмыкам просить людей на помощь, кем воевать Кузнецкий острог и уезды»⁶), — писал местный воевода.

²) Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 126, Мунгальские дела 1675 г., столб. 2, л. 18.

³) Аблай — один из сыновей ушедшего из Западной Монголии на юг, в Куку-нор, хошутского князя Гуши-хана. Аблай и его брат Очирту с частью хошутов перекочевали в Сибирь.

⁴) Дополнение к Актам историческим, т. VI, № 93, стр. 314.

⁵) Там же.

⁶) Там же.

Участившиеся набеги и измена ясачных аборигенов вызвали серьезное беспокойство у московского правительства. Оно потребовало от воевод принятия срочных мер по пресечению набегов со стороны калмыков, киргизов и других кочевников. Царская грамота от 1675 г. гласила: «Изменников киргиз и тубинцев и алтыров и моторов... за их многое воровство и измены смирить войною томскими, кузнецкими, красноярскими, енисейскими служилыми людьми⁷⁾). Если будет войск мало, то писать в Тобольск с тем, чтобы оттуда выслали дополнительно воинских людей и боеприпасы.

С целью обсудить пограничные инциденты в 1675 г. в Красноярск, в 1676 г. в Томск приезжали ойратские посланцы (Бавар Янзан и др.). С этой же целью в 1674—1675 гг. на ойратскую сторону ездили русские служилые люди. В результате этих поездок давались обещания прекратить враждебные действия друг против друга.

В тот период имели место феодальные раздоры среди самих ойратов. Некоторые из них безуспешно пытались не подчиняться главному правителю — Галдан-хану и действовать самостоятельно, по своему усмотрению. На почве подобных попыток произошел ряд стычек в ойратских улусах. Тобольские служилые люди, посланные в 1675 г. к Очирту-хану с предложением дать шерть русскому царю, рассказывали, что, ввиду того, что Кеген тайша (Галдан-хан—Ш. Ч.) напал на Очирту тайшу, в улусе тайши они были надолго задержаны⁸⁾. О том, что в ойратских улусах было неспокойно, узнаем из заметок Николая Спафария (1675 г.). В Москве было решено, что посольство Спафария проедет через Джунгарию и направится в Китай. Однако в Тобольске ему пришлось изменить свой маршрут, решено было ехать через Селенгинск, «тем путем задержания и опасения ни от кого не будет. А что степью через Калмыцкие улусы до Китайского государства будет ехать мешковато и опасно для того, что у калмыцких тайшей меж собой живут войны частые⁹⁾). Для того, чтобы обсудить положение дела в Ойратии и возможность проезда через нее, в тобольской приказной избе были собраны боярские дети, казаки, бухарцы, проезжавшие через ойратские земли. Русские торговые люди заявили, что опасно ехать через калмыков, ибо между ними ссора, и что они вместе с киргизами выступают против русских городов. Бухарцы говорили, что недавно они благополучно проехали с товарами в Китай через улусы Галдан-хана. Тогда было дано указание тарскому воеводе проверить, как дела у калмыков. Воевода сообщал, что в Барабинской степи происходят крупные междоусобицы между тайшами и путь поэтому опасный. Происходившая в 1675—1676 гг. междоусобица среди ойратов закончилась поражением хошутского Цецен-хана (т. е. Очирту-хана) и признанием с его стороны полномочия Галдан-Бошокуту¹⁰⁾. Между прочим, эта борьба вызвала уход хошутов (1000 кибиток) на запад, к волжским калмыкам.

В 1678 году в Москву прибыли ойратские послы Себед (Сейбедин) Ходжа и другие¹¹⁾. Посланников сопровождали из Тобольска служилые люди, которым было дано указание «ехать, не мешкая нигде ни часу, днем и ночью, а дорогою едуци того смотреть и беречь крепко, чтоб

7) ЦГАДА, Сиб. приказ, столб. 709, л. 421.

8) Дополнение к Актам историческим, т. VII, № 24, стр. 138.

9) Курц В. Г., Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, Киев, 1929, стр. 45.

10) «Зая-Пандит-ун Тэукэ», лл. 74, 84 а.

11) ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, лл. 323—325.

люди не рассмотрели, никто с ним не говорил. Никакого дурна и безчинства не учинили. К послу честь и береженье держали...»¹²). В русском государстве в то время существовали сложные правила по приему и сопровождению иностранных послов. В пути с послами никто не должен был говорить и не рассматривать их. Послы обеспечивались питанием достаточно хорошо, давали им пиво, вино и т. д. Но имелась одна сторона посольского ритуала, которая часто вызывала недоумение иностранцев, даже иногда портила дело. Это — строгий надзор за послами. Пока послы не были приняты царем или высокими представителями власти, их содержали в специально отведенном месте и ставили сильный караул. Послы не имели права уходить из этого места. Это не нравилось и ойратским послам. В истории посольских сношений с Россией было много случаев, когда джунгарские представители жаловались на то, что их держали под сильным надзором (по словам послов, их содержали в тюрьме). Представителям степных народов такое строгое обращение, содержание под надзором было непривычным делом. Поэтому они заявляли, что не потерпят того, чтобы ограничивали их свободу. По возвращении домой послы докладывали хану о том, что им не разрешали ходить свободно, держали их под надзором. Нам известны жалобы со стороны посланцев Уренки, Иши и Серена. Ойратский правитель, как обычно, брал под защиту своих послов и требовал от русского правительства наказания виновников и недопущения в дальнейшем «тюремного» содержания его послов. На это русские отвечали: ничего подобного не было, никто ойратских послов не заключал в тюрьму, только лишь соблюдали правила, чтоб послов не обидели и чтобы им было спокойно.

Посольство во главе с Себед Ходжа привезло, как полагается, дары российским государям (16 камок, 15 «чашек ценинных», 60 «каменей китайских» и др.). Вместе с посольством приехали торговцы с товарами на сумму «6413 рублей 13 алтын 2 деньги».

Следует указать, что ойраты часто практиковали отправку с посольством торговых людей. Вместе с послами отправлялись торговцы с товарами. В России это было запрещено. «На Востоке принято злоупотреблять посольствами в торговых интересах: к посольству охотно присоединяются купеческие караваны, так как в этом случае купцам оказываются некоторые льготы в отношении пошлин», — писал историк Н. Веселовский¹³).

Русские власти терпимо относились к присутствию торговых людей при посольстве. Когда сумма товаров и число торговцев доходили до больших размеров, русским приходилось принимать меры. По указанию царя пошлина с товаров посольства Себед Ходжи не была взыскана. Царь приказал: в дальнейшем калмыцкие товары не допускать в Москву, чтоб за платеж пошлины ссоры не было¹⁴). В этом же указе отмечалось, что необходимо взимать пошлины с ойратских товаров, превышающих сумму 15000 рублей¹⁵).

Себед Ходжа в Посольском приказе говорил, что Галдан-хан «служить великим государям всегда желает, чтоб де царского величества служилые и яшашные люди жили в миру и в совете с его Галдановыми

¹²) Дополнение к Актам историческим, т. VIII, № 15, стр. 39.

¹³) Веселовский Н. И., Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911, стр. 7.

¹⁴) Дополнение к Актам историческим, т. X, № 80, стр. 370.

¹⁵) Этот пункт относится к тому случаю, если ойратские товары в будущем появятся в Москве.

людьми; а он Галдан контайша своим людям, киргизам и белым калмыкам задоров и грабежей чинить не велит и воров де сыщет, чтоб де задоров и ссор меж ими не было»¹⁶⁾.

В ханском листе на имя русского царя было сказано: «...в смирение и в совете жить прямой правдой друг другу пособлять станем...»¹⁷⁾.

Из слов посла и ханского послания узнаем, что Галдан-хан был заинтересован в урегулировании спорных пограничных дел и выражал надежду на то, что русские пойдут в этом навстречу и примут меры по улучшению отношений с ойратами. Галдан обещает принять меры по наказанию виновников организации набегов на русские остроги и тех, кто занимается грабежом русских и их ясачных.

С подобным поручением — урегулирование спорных пограничных вопросов — в 1680 году ездили в Москву джунгарские послы Баянбек и Аюка. Они говорили, что от русских «ратных людей чинитца Бошохты хана улусным людям обиды, и чтоб про то разыскать и указ учинить»¹⁸⁾.

Русское правительство ответило на это, что оно заинтересовано жить в мире и спокойствии с Галдан-ханом, что будут расследованы факты, о которых сообщали послы.

Следующим вопросом, поднятым ойратскими представителями на переговорах, был торговый вопрос. Джунгарцы желали оживления русско-ойратской торговли в районе Ямышева озера, с чем русские выразили согласие.

Затем последовали жалобы русских властей на действия ойратов у киргизов. Надежды России на возвращение киргизов под свое подданство не оправдались. При каждом удобном случае сибирские воеводы напоминали ойратам о киргизах. На этот раз ойратским представителям было сообщено, что недавно приходили к киргизам сборщики албана (ясака) из Джунгарии. Было названо имя некоего Келей Дурару, который собирал албан и отговаривал киргизов от уплаты ясака русским. Баянбек и Аюка заявили, что они ничего не знают об этом. В действительности, как сообщает источник, в 1678—1680 гг. ойратские представители приходили собирать ясак с киргизов, проживавших вблизи русских границ. Галдан-хан посылал своих людей под Красноярск и Кузнецк собирать албан с татар и теленгутов.

К этому времени киргизы связали свои интересы с Джунгарией. Галдан-хан уже распоряжался судьбами киргизов, давал указания — кому, где, в каком месте быть.

Видные киргизские князья Еренак, Матур, Тагин-Ирке получали помощь со стороны ойратского хана. Часть правящей верхушки киргизов окончательно перешла на ойратскую сторону, а та часть киргизского населения, которая в свое время платила ясак русским властям, ушла к ойратам.

«Киргизский вопрос» одно время находился в центре внимания русско-ойратских отношений. Воеводы не переставали писать в Москву и Тобольск о том, что ойраты заманивают русских ясачных и чинят «дурно» русским. Сообщали об изменах ясачных людей, об уходе их к ойратам.

Кстати, укажем, что ясачные уходили или отказывались платить ясак не только из-за действий ойратов, но не малую роль играло насилие воевод. Местная администрация часто злоупотребляла своей

¹⁶⁾ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, № 99, стр. 303.

¹⁷⁾ ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 324.

¹⁸⁾ Дополнение к Актам историческим, т. VIII, № 15, стр. 46.

властью, воеводы и другие правительственные чины в своей деятельности применяли насилие, стремясь как можно больше собирать ясака. Такая политика отталкивала местное население. Вот где лежала одна из причин того, что «в ясашных людях стала измена великая» (как часто докладывали в Москву воеводы).

В 80-х годах XVII в. в сибирские города приезжал еще ряд посольств из Джунгарии. Эти посольства не были допущены в Москву. На запрос тобольского воеводы, разрешить ли послам Абдул Экер зайсану и Девек Ходже (1681 год) ехать в Москву, русское правительство приказало: «О делах ответ чинить в Тобольске» и потом «отпускать их (т. е. послов — Ш. Ч.) в калмыцкие улусы к тайшам их, а к Москве их не отпускать», «дать подарки, примерясь к прежним их дачам»¹⁹). Правительство свое решение оговорило тем, что «прежние калмыцкие послы, которые были пропущены в Москву, в пути русским торговым и иным людям чинили обиды и провозили заповедные товары»²⁰). Подлинные причины были, конечно, не в этом. Раньше со стороны царских властей не было слышно жалоб на то, что ойратские послы обиды чинят или запрещенные товары привозят. Дело в другом, а именно: московское правительство не ожидало от этих посольств больших результатов. Как обычно, во многих случаях ойраты отправляли неполномочные, не обладавшие правами обсуждать серьезные вопросы посольства. Они были способны лишь на обсуждение таких вопросов, которые с успехом можно было разрешить на месте, в сибирских городах, а не в Москве.

Таким образом, Тобольск становился конечной инстанцией, куда могли приезжать ойратские представители. Приехав в сибирские города, посланники спрашивали, нельзя ли ехать в Москву, но указ государя выполнялся неукоснительно. В сибирские города посланники приезжали с богатыми дарами. Томский воевода князь Кольцов-Мосальский писал в Москву, что в 1685 году в Томск приезжал посланец Бак-батыр от одного из влиятельных ойратских феодалов — Данжина с подарками («конь гнед, барсом слан, да завесою — шита золотом по атласу, атлас — крапивный цвет», 99 корольков белых²¹), 10 чашек). Воеводы отправили эти дары в Москву, за исключением лошадей, которых «отдали томским служилым людям в денежное жалованье»²²).

В 1685 г. в Иркутск прибыли послы от Галдан-хана (Мерген Кочучи и др.). С ними вернулись ездившие в монгольскую землю тобольские казаки (Жданов и др.). Они приехали в Иркутск через Халху.

Видимо, в тот момент часть ойратских войск находилась в Халхе. Поэтому Галдан-хан нашел возможным отправить посольство и с ним торговых своих людей в Иркутск, который расположен значительно восточнее Джунгарии.

Посольство оказалось одним из крупнейших в истории русско-ойратских отношений, оно состояло из 70 человек, везло много товаров, в его распоряжении было 170 верблюдов, 30 юрт²³). По распоряжению иркутского воеводы Кислянского ойратские послы остановились на посольском дворе. Прием послов у воеводы прошел без каких-либо инцидентов. Послы расспрашивали о здоровье русского царя, о здоровье

¹⁹) Дополнение к Актам историческим, т. VIII, № 5, стр. 51.

²⁰) Там же.

²¹) Королек — белый или пестрый соболь, куница.

²²) Исторические акты XVII ст., Томск, 1897, вып. II, стр. 19.

²³) Дополнение к Актам историческим, т. XI, № 87, стр. 235; См. также: ЦГАДА, ф. 1121, столб. 177, л. 26.

воеводы. Воевода, в свою очередь, расспрашивал о здоровье хана и послов.

Ойратские послы представили воеводе лист от Галдан-хана (лист оказался на тангутском языке, а не на монгольском; ввиду отсутствия переводчика лист не был переведен), лист от матери хана, а также преподнесли подарки (атласу 8 аршин, камки 9 аршин, китайки, лошадь и др.). Потом послы сообщили о цели своего приезда: «А слышал де то наш Бушухту хан, что есть великих государей люди в дальней стороне, близко Китайского государства, и меня де послал Бушухту хан проведать государеву землю и бухарцев с торгом, чтоб де жить в мире, и впредь приезжать и торговать»²⁴). Они отметили, что ойраты живут с русскими в мире, обмениваются между собою посольствами. Словом, это посольство преследовало разведывательную цель: разузнать, действительно ли русские занимают соседние с Китаем территории, какими силами располагают, какие имеются торговые возможности.

Воевода Кислянский в ответ говорил: очень хорошо, что ойраты, их хан живут в мире с сибирскими «государевыми» людьми, за это благодарны великие государи; ойраты, живя в мире с русскими могут торговать. Затем воевода обрисовал силу и мощь России, он рассказал, что Россия—страна великая, острогов много, ясачных людей много, Россия имеет сильное войско, которое непослушных приводит в повиновение с помощью меча. Кислянский спрашивал у ойратских послов о том, бывали ли они в эти годы в Китае. Послы говорили, что они в прошлом году туда ездили и там слышали, что на Амур идут большие русские силы и Китай сейчас отправил туда дополнительные силы в количестве 2000 человек. Воеводу заинтересовало это событие. Он попросил послов рассказать подробно обо всем слышанном в Китае. Но послы заявили, что больше они ничего не знают.

На обратный путь иркутские власти обеспечили посольство продовольствием и подводами, было «дано им на дорогу бык» (для еды). Указано, что «тот был взят у ясачных у брацких людей»²⁵) (т. е. бурят).

Как отмечали выше, ойратские правители стремились расширить свои владения за счет захвата соседних земель. При Галдан-Бошоку-хане эти замыслы начали претворяться в жизнь в широких масштабах. К 80-м годам XVII в. Джунгария представляла собой по размеру своей территории большое объединение. В конце 70-х годов Галдан-хан подчинил Восточный Туркестан²⁶). С этого времени Восточный Туркестан платил ойратам ежегодную дань в размере 100 000 таньга²⁷). Этой крупной победой Галдан-Бошоку, по словам Иакинфа, «обеспечил себя в содержании войска»²⁸). С приобретением Восточного Туркестана ойраты получили большие политические, экономические и военные выгоды. Расширились торговые связи Джунгарии с восточными рынками. Этот район представлял собой прекрасный плацдарм для совершения набегов на Тибет и Китай. В 80-х годах была одержана внушительная победа над казахами. Казахи и киргизы были вытеснены ойратами из Семиречья. «С тех пор власть ойратов в Семиречье никем не оспаривалась и многочисленные войны их с казахами, монголами и китайцами

²⁴) Дополнение к Актам историческим, т. XI, № 87, стр. 237.

²⁵) Там же.

²⁶) «Зая-Пандит-ун Тзукэ», л. 846.

²⁷) Ибрагимова Г. М., Маньчжурское государство в Синьцзяне и народное восстание в 1864—1878 гг. (рукопись кандидат. диссертация), Л., 1954, стр. 43.

²⁸) Иакинф, Историческое обозрение ойратов или калмыков. СПб, 1834, стр. 67.

не имели отношения к этой области»²⁹). Джунгария подчинила также себе западную часть Южной Монголии. Таким образом, по словам летописца, «подчинив себе Малый Турфан, Хами, казахов, Джунгария... далеко прославилась»³⁰).

Теперь перед Джунгарией стояла задача — вынудить остальные монгольские племена, в первую очередь халхасцев, признать свою власть. Однако в проведении этой политики Галдан-хунтайджи натолкнулся на противодействие халхаских князей и на агрессивные замыслы маньчжурских правителей.

Джунгария стремилась упрочить свои отношения с Китаем, так как дружественные отношения с ним были для ойратов жизненно важным фактором, отсюда они получали основные товары, необходимые для страны. Раньше ежегодно отправлялись в Китай ойратские торговые и посольские экспедиции, состав которых иногда доходил до 3000 человек. Однако в 1683 г. маньчжурские власти, установившие свое господство в Китае, отказали в приеме столь многочисленных караванов. Пограничные власти получили указание пропускать в Китай ойратское посольство или торговый караван, не превышающий 200 человек. Это было большой неприятностью для Джунгарии. Галдан-Бошокту неоднократно просил маньчжурского императора восстановить торговые связи в самом широком масштабе, но он не шел на уступки. Начались осложнения в отношениях между двумя странами. В то время маньчжурских правителей Китая сильно беспокоили усиление Джунгарии и захватнические действия Галдан-хана. Император Канси старался использовать халхаских владетелей против Джунгарии. Путем подарков и подачек маньчжуры стремились поссорить монгольских князей, тем самым помешать укреплению связей между ними.

Отношения между Джунгарией и Китаем все более обострялись. Маньчжурские правители претендовали на захват территории халхаских ханов, а вслед за этим планировали нападение на Джунгарию. Со своей стороны Галдан-хан использовал малейшие возможности для реализации своего плана по объединению монгольских племен под своей властью. В конце 80-х годов XVII в. возник конфликт между двумя халхаскими ханами — Дзасакту-ханом и Тушету-ханом (последний отказался выдать Дзасакту-хану людей, перебежавших к нему в результате смуты)³¹). С самого начала конфликта Джунгария поддержала требования Дзасакту-хана, как незаслуженно обиженного и слабого. Тушету-хан среди халхаских ханов являлся более сильным и агрессивным. В тот момент он заводил «дружбу» с маньчжурами, всячески прислужничал им. Это, бесспорно, задевало Галдан-хана джунгарского. В 1688 г. Галдан выступил войною против халхаского Тушету-хана и разгромил его³²). Тушету-хан вместе с хутухтой (высшее духовное лицо) и князьями бежали в Китай. Ряд халхаских князей перешел на русскую сторону.

Поход джунгарцев в Халху еще больше обострил их отношения с цинской династией. В момент военных действий через Халху проезжало маньчжуро-китайское посольство, направлявшееся на Селенгу для переговоров с русским послом Головиным. Однако посольство,

²⁹) Бартольд В., Очерки истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 84—85.

³⁰) Летопись «Галдан, Цэвен-рабдан, Галдан-цэрэн...» (на монг. языке), л. 2.

³¹) Позднее в А., Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ». СПб, 1833, стр. 169—171.

³²) Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 г. войне у китайцев с зенгарцами. Перевод с китайского Леонтьева. СПб, 1777.

состоящее из 2000 человек, не осмелилось продолжать путь и вернулось обратно. Как известно, русско-китайские переговоры были перенесены в Нерчинск.

К Галдану был отправлен китайский посол с требованием прекратить военные действия. Император Канси получил известие о том, что джунгарцы обратились за помощью к России. Это сильно встревожило маньчжур.

Вот как повествует монгольская летопись об этом событии³³). Маньчжурский хан Канси, установив свою власть в Китае, обратил свои взоры на Монголию. А джунгарский Галдан-хан заявил, что они не допустят захвата маньчжурами монгольской территории. Ввиду того, что маньчжуры имели многочисленную армию, Галдан решил заручиться поддержкой России, попросить у нее помощи. С этой целью он направил к русским своего посла. Однако ойратского посла постигла неудача, помощи русскими властями обещано не было³⁴).

Соседство русского государства с Джунгарией препятствовало осуществлению захватнических планов маньчжурских феодалов. Они с тревогой следили за каждым успешным шагом в развитии русско-джунгарских отношений и рады были прервать всякие связи между Джунгарией и Россией. Как только дошли слухи о русской помощи, маньчжурские власти начали бить тревогу. В тот момент в Пекине находились русские представители во главе с Григорием Лощаниновым. Цинские министры немедленно объявили Лощанинову, что ойраты вступили в Халху 40 000 армией и совершают там разорение, что ныне носится слух, будто намерены, соединившись с их российским войском, идти войною против халхов (Халхи.—Ш. Ч.)³⁵). Если Россия действительно дала Галдан-хану войско, то этим поступком она нарушает мирный договор (Нерчинский договор 1689 г.), заключенный между обеими сторонами. Необходимо, заявили маньчжурские власти, срочно направить в Нерчинск к воеводе нарочных для того, чтобы оповестить об этом русского государя. Нарочные были отправлены, вслед за ними уехал и сам русский посол.

Джунгария стремилась к более тесному союзу с Россией. Такой союз сыграл бы большую роль в укреплении позиций Джунгарии. Поэтому от Галдан-Бошокту участились посольства в русские пределы. Одни информировали русских о войне, которую вела Джунгария, другие просили помощи.

Маньчжурская разведка внимательно следила за развитием русско-ойратских связей, устанавливала подробности переговоров представителей обеих стран. Маньчжур больше всего интересовал вопрос о русской помощи ойратам. Они в этих целях использовали различные пути (допрашивали пленных халхасцев, ойратов, посылали своих представителей в ставку ойратского хана и т. д.). Так, в момент пребывания русского посланника Григория Кибирева у ойратов туда явился в качестве маньчжурского посланца монгольский лама (монах). Впоследствии этот лама заявил, что у ойратов находился русский посол, что Галдан-хан просил у посла помощи в 20 тысяч человек, а он не обещал помощи³⁶).

³³) Галдан, Цэвэн-рабдан, Галдан-цэрэн... лл. 2а—2б.

³⁴) По-видимому, этим послом являлся Сокто-хашка, который в 1689 г. приезжал в Иркутск.

³⁵) Архив АН СССР, Р II, 01, № 118, л. 5.

³⁶) Архив АН СССР, Р II, 01, № 118, л. 6.

Данное утверждение, а также сведения, содержащиеся в статейном списке Кибирева, об обещании Галдана сообщать о действиях маньчжур и событиях в Халхе свидетельствуют, что джунгарские власти усиленно добивались получения военной помощи и заключения военного союза с Русским государством. В 1690 г. в Нерчинск был отправлен Аюка Дархан-хашка с письмом Галдан-хана. Перед посланцем стояла задача — информировать местного воеводу Федора Скрипицына о положении в Северной Монголии и просить военной помощи. Нерчинский воевода заявил, что он неправомочен дать «ратных» людей в помощь ойратам. Письмо Галдан-хана было отправлено в Москву в Сибирский приказ.

В 1691—1692 гг. в Нерчинск, Иркутск, Тобольск приезжали ойратские посольства Зорикта-хашки, Сунума и др., а в Москву — посольство Ачин-хашки. Никаких успехов эти посольства не имели. Хотя Ачин-хашка был на приеме у царя, он не добился ничего существенного, что могло бы содействовать установлению союза России с Джунгарией для совместных выступлений против маньчжур. Заключение Нерчинского договора в 1689 г. и вступление большинства халхаских феодалов в подданство цинской династии в 1691 г. оказали серьезное влияние на царскую политику на Востоке. Если до этого русские власти и их представители (Головин и др.) выражали заинтересованность в союзе, тесных связях с ойратами, то теперь перестали интересоваться переговорами о союзе с Галдан-ханом.

Несмотря на подобные изменения в русской политике, ойратский правитель продолжал настойчиво домогаться союза с Россией. Галдан-Бошокту разворачивает активную дипломатическую деятельность, отправляя к русским пышные послания и богатые подарки. Приезжавшее в 1694 г. в Москву джунгарское посольство во главе с Абдул Эрки зайсаном (всего 14 человек) доставило письмо Галдана и подарки на сумму в 1171 рубль (бархат, камки, камень желтый и т. д.). Кроме того, посланники захватили с собой товаров на 7650 рублей, которые были успешно реализованы в Москве. Как было ранее согласовано, пошлина с этих товаров не была взята.

В 1695 г. к русским в столицу явилось очередное ойратское посольство. Оно привезло также богатые дары русским правителям. Одни названия подарков говорят сами за себя: кунганец серебряный, 2 чашки серебряных, ларец, седло, узда, камки, блюда, 11 чашек китайских, «камень яхонт желтой» и другие. Например, этот яхонтовый камень, по оценке московских знатоков, стоил не меньше 1000 руб., некоторые оценивали его даже в 3000 руб.

Посланцы увезли с собой подарки от русских государей Галдан-Бошокту-хану («кости рыба зуба на 100 руб.», сукна на 300 рублей, лисицы на 750 рублей, 2 зеркала, всего на сумму 1176 рублей). Сами посланники также получили подарки.

В 1696 г. в Тобольск приехали ойратские посланники: Гурюк Отнягун и др.³⁷⁾. Они доставили подарки и послания. Листы-послания от ойратских феодалов не смогли перевести в Тобольске. Отсутствовал переводчик «калмыцкой и мунгальской грамст» Спирка Безрядов, который уехал в 1692 г. в Китай с Ибрантом Идесом. Ввиду такого положения тобольские власти немедленно снарядили одного стрельца и с ним отправили запечатанные листы ойратских правителей в Москву.

37) Дополнение к Актам историческим, т. X, № 80, стр. 373.

Потерпев поражение от маньчжурско-халхаских войск, Галдан-хан усиленно готовился к очередному походу.

В 1695 г. возобновились военные действия в Монголии. Опять пошли слухи о русской помощи. Отправленный в разведку маньчжурами монгол Очир сообщил, что «Галдан состоит в 20 тыс. своего и 60 тыс. из России взятого с огнестрельным ружьем вспомогательного войска»³⁸). Маньчжурские правители прилагали все усилия, чтобы знать, какие посольства, куда и зачем приходили, о чем говорили. Разведать это им помогали некоторые халхаские князья и также пленники ойратской стороны. Но в большей части эти показания оказывались недействительными. Так, пленный ойрат Джулбу показал, что «Галдан... у россиян просил вспомогательного войска, а прошлого месяца российский посол приехал к нему (Галдану) и договорились они, чтобы по новой траве прислать с российской стороны на помощь войска тысячу человек с мелким огнестрельным ружьем да некоторое число больших пушек... на реку Керулен»³⁹).

Услышав о приближении крупных маньчжурских сил, говорил Джулбу, согласно договоренности с Россией, ойраты направились на Керулен на соединение с русскими войсками. Видимо, этим русским послом, о котором здесь идет речь, был селенгинский толмач Гурий Уразов, который в 1695 г. ездил в Халху, как показывают архивные данные, «для проводывания вестей о всяких замыслах и о проезде дороги из Селенгинска в Китай»⁴⁰). А сам Уразов, попав в стан Галдан-хана на реке Тола, говорил, что русские представители приехали в Халху «для того, чтобы отогнать табуны, которые были отогнаны сюда в прошлых годах из пограничных русских городов»⁴¹). Также Уразов говорил ойратам, что из тех халхаских феодалов, которые раньше перешли на русскую сторону и признали подданство Русского государства, некоторые ушли обратно на свои «породные» земли. У Уразова ойраты спрашивали, почему разорен Албазин, прибылен ли он был. Еще они интересовались тем, сколько острогов под Иркутском и Нерчинском, сколько войск оставлено после Головина, прислано ли еще войско.

Несмотря на то, что еще в 1692 г. русские власти официально сообщили маньчжурам о том, что Россия не будет помогать Джунгарии, слухи о русской вооруженной помощи ойратам продолжали сильно тревожить цинских правителей. Военачальники маньчжурских войск одно время предлагали императору Канси отложить поход. Император угадывал в действиях и словах Галдана хитрость. В результате тщательной разведки Канси (кстати, он сам находился во главе войск, действовавших в Халхе) объявил, что разговоры о том, что якобы при Галдане находится русское войско, является ложью⁴²).

В действительности русских войск в Халхе не было. Россия не собиралась оказывать военной помощи ойратам. Для оказания такой помощи у русских в Сибири не было достаточно сил. Известно, что в конце XVII в. московское правительство больше интересовала западная проблема, особенно балтийские подступы. В этом районе находились основные «ратные» силы России. Одной из причин нежелания Москвы активно вмешиваться в ойрато-маньчжурский конфликт был также тот факт, что Россия, заинтересованная в поддержании добрососед-

38) Архив АН СССР, Р II, 01, № 118, л. 9.

39) Архив АН СССР, Р II, 01, № 118, л. 10.

40) Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, док. № 28, л. 20.

41) Там же.

42) Архив АН СССР, Р II, 01, № 118, л. 10.

ских отношений с Китаем, не желала порвать только что налаживавшиеся, так необходимые для нее торговые связи с Китаем и нарушить Нерчинский договор.

Россия в тот момент была поставлена перед дилеммой: либо оказать помощь ойратам, либо отказать им в такой помощи. В первом случае, т. е. в результате прихода русских на поддержку ойратам, Россия порвала бы только что налаживавшиеся торговые связи с Китаем, нарушила бы Нерчинский договор, вообще обострились бы отношения с маньчжурами. Этого как раз не желало русское правительство. Во втором случае, если бы Россия не пришла на помощь Джунгарии, сильно ослабли бы ойраты, потеряли бы окончательно свою независимость халхаские ханства. Такой исход событий отрицательно сказался бы на позиции русских в Сибири. Маньжуры стали бы соседями России в районе Забайкалья. Поэтому Россия была против того, чтобы монгольская (халхаская) земля была завоевана маньчжурами и Джунгария ослабла. Однако ход событий показал, что Россия, не обладавшая достаточными силами на Востоке и не заинтересованная в обострении отношений с Китаем, не стала вмешиваться в войну между двумя восточными странами.

Несмотря на отказ России помогать Джунгарии, Галдан-Бошокту одно время усиленно распространял слухи о русской помощи, чтобы воздействовать на ход военных действий. Он также распространял слухи о помощи ему других соседей. Вот что читаем в грамоте Канси кукунорским князьям: «Сам Галдан везде разглашал, что он общию силою с кукунорскими князьями, также и с россиянами воевать будет против Китайского государства, а бухары и татары ему со своей стороны во всем вспомоществовать будут»⁴³⁾.

Ойраты были побеждены маньчжурами. Прежде чем отступить под натиском Канси, Галдан созвал военный совет, на котором решался вопрос, куда идти для того, чтобы обновить свои силы, запастись провиантом и опять начать наступление. Некоторые из ойратских руководителей высказывали мысль о том, что следовало бы «идти им для разграбления российских ясачных каратов и бурятов»⁴⁴⁾ и потом пробираться к алтайским горам и отсюда начать наступление на Халху. Однако этому не суждено было исполниться. Галдан был окончательно разгромлен и в 1696 г. умер. Для маньчжурских захватчиков открылись заманчивые перспективы овладения самой Джунгарией. Но дальнейшее преследование противника затруднялось не только отдаленностью Джунгарии, но также и неустойчивостью монгольского (халхаского) тыла. Маньчжурские правители предпочли заключить мир с ойратами и приступить к «умиротворению» Халха-Монголии, одновременно с этим начали усиленную подготовку к войне с Джунгарией, которая потом продолжалась более полстолетия.

В 1697 г. во главе Джунгарского союза становится Цевэн-Рабдан (сын Сенге), который придерживался политики своего предшественника по отношению к России. А политическая линия русского правительства нашла свое отражение в наказе от 1697 г. на имя главного сибирского администратора — Тобольского воеводы. «С калмыцкими людьми задору не чинить, войною не посылать. А будут калмыцкие или иные какие воинские люди приходять войною на государевых и ясачных

⁴³⁾ Архив АН СССР, Р, II, оп. 1, № 118, л. 10.

⁴⁴⁾ Архив АН СССР, Р, II, оп. 1, № 118, л. 11.

людей, будут их грабить и побивать, принять меры, смотря по тамошнему делу и по вестям и по собиранию своих людей. Желających встать под государеву руку принимать. Принимать калмыцких посланцев в Тобольске, а в Москву не отпускать. Обо всем писать в Москву»⁴⁵).

Согласно этому наказу торговля с ойратами должна была продолжаться. Царское правительство дает указание, чтобы «калмыцким людям разрешить торговлю» в сибирских городах, о торговле же в Москве ничего не было сказано.

⁴⁵) Полное собрание законов Российской империи, т. III, № 1594, стр. 353.

Н. В. ЛУКИНА, Г. И. ПЕЛИХ

К ВОПРОСУ О «КАРАГАСАХ» ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В южных районах Томской области живет небольшая группа людей, которых здесь называют «карагасами». Карагасские поселки разбросаны на большой территории среди русского, татарского и селькупского населения. В настоящее время так называемые карагасы живут в нижнем течении реки Томи, по берегам р. Оби, в верховьях р. Шегарки, а также в нижнем течении рек Чулыма и Кети.

Наличие в этих районах карагасов является одной из загадок современной этнографии. Карагасы хорошо известны этнографам только лишь как обитатели Саянского нагорья, где они с давних пор кочевали по таежным хребтам между реками Удою и Каном. По языку и образу жизни карагасы близки тюркоязычным тувинцам¹⁾. Но «все предки современных карагасов, за исключением рода Чептей, были самоедами»²⁾.

В изучении саянских карагасов принимали участие многие исследователи³⁾. Но никем еще из этнографов не установлен факт наличия карагасов на территории Томской области. Наоборот, ни историки (З. Я. Бояршинова⁴⁾, С. Патканов⁵⁾, ни лингвисты (А. П. Дульзон⁶⁾, ни антропологи (Н. С. Розов⁷⁾), занимавшиеся вопросами этнической истории этих мест, не обнаружили на территории Томской области ни самих карагасов, ни карагасского языка, хотя местному населению карагасы хорошо известны. Наличие здесь карагасов отмечено также всесоюзными переписями населения 1920⁸⁾ и 1926 гг.⁹⁾. О карагасах

¹⁾ Сборник «Народы Сибири» из серии «Народы мира», М.-Л., 1956, стр. 421.

²⁾ Долгих Б. О., Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 555.

³⁾ Васильев В. Н., Краткий очерк быта карагасов «Этнографическое обозрение», № 1—2, 1910; Залесский Н. В., К этнографии и антропологии карагасов, «Труды антропологического общества при военно-медицинской Академии», т. III, СПб., 1898; Катанов Н., Поездка к карагасам в 1890 году, «Записки РГО по отделению этнографии», т. XVII, вып. 11, 1891; Миротворцев К. Н., Карагасы, «Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского университета», отд. 1, вып. 11, Иркутск, 1921, и др.

⁴⁾ Бояршинова З. Я., Население Томского уезда в первой половине XVII века, «Труды ТГУ», т. 112, Томск, 1950.

⁵⁾ Патканов С. К., Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. II, СПб., 1911.

⁶⁾ Дульзон А. Н., Диалекты татар-аборигенов Томи, «Ученые записки ТГПИ», т. XV, Томск, 1956.

⁷⁾ Розов Н. С., Черепа из курганов Басандайки, «Труды ТГУ», т. 98, Томск, 1947.

⁸⁾ Томский государственный областной архив (ТГОА), ф. 321, оп. 2, д. 27, л. 17.

⁹⁾ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. 6, отд. 1, М., 1928, стр. 248.

неоднократно упоминают материалы Томского областного архива. Например, в «Сведениях о национальном составе уездов Томской губернии», относящихся к 1924 г., указывается, что карагасы составляли 0,1% населения Томского уезда. Ни в одном из других уездов (Мариинском, Кузнецком и пр.) карагасы не указаны¹⁰⁾. В «Сводных таблицах по национальному составу» все население Томской губернии разделено на три группы (русские, туземные инородцы и все прочие). К числу «туземных инородцев» (51 237 чел.) отнесены: татары, остяки, киргизы, карагасы и др.¹¹⁾.

Но можно ли томских карагасов отождествлять с саянскими? Если нет, то что представляет собой в этническом отношении эта группа лиц, называющих себя карагасами?

Летом 1960 г. группа студентов Томского университета проходила этнографическую практику в Кожевниковском районе, в местности, заселенной, по словам местных жителей, карагасами. (Территория бывшей Мало-Шегарской инородческой волости). Из среды шегарских карагасов происходила одна из участниц практики, студентка 392-й группы Аникина А., родившаяся и выросшая в карагасском поселке Старо-Черново.

Однако, судя по опубликованным материалам, никаких карагасов в вышеуказанном районе не было. П. Г. Иванов относит эту группу населения к татарам¹²⁾. А. П. Дульзон также считает их руссифицированными тюрками, выделяя в группу «обских татар»¹³⁾. А в современных этнографических картах весь бассейн реки Шегарки показан как занятый русским населением¹⁴⁾.

Вновь собранные во время этнографической практики материалы дают возможность высказать некоторые предположения об этнической принадлежности шегарских карагасов, являющихся одной из групп карагасов Томской области. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют еще решить проблему томских карагасов в целом.

В настоящей работе использованы: материалы этнографической практики 1960 г.¹⁵⁾; материалы факультативной этнографической практики 1959 г.¹⁶⁾; материалы двух этнографических экспедиций Томского университета к нарымским селькупам¹⁷⁾; материалы Томского област-

¹⁰⁾ ТГОА, ф. 321, оп. 1, д. 24, л. 1.

¹¹⁾ ТГОА, ф. 321, оп. 2, д. 27, л. 146.

¹²⁾ Иванов П. Г., Сибирские тюрки и их наречие, Томск, 1927.

¹³⁾ Дульзон А. П., Диалекты татар-аборигенов Томи, «Ученые записки ТГПИ», т. XV, Томск, 1956, стр. 307.

¹⁴⁾ Сборник «Народы Сибири» из серии «Народы мира», приложение «Карта народов Сибири», М., 1956 г.; Сборник «Очерки общей этнографии», Азиатская часть СССР, М., 1960, стр. 288.

¹⁵⁾ Этнографическая практика студентов-историков I курса под руководством доц. Пелих Г. И., и асс. Жигалова В. С. проводилась с 4 по 24 июля 1960 г. Материал собирался на тему: «Жилище и одежда населения Кожевниковского района Томской обл.».

¹⁶⁾ Факультативная этнографическая практика студентов-историков I и III курсов (14 человек) проводилась на территории Томского района с 12 мая по 10 июня 1959 г. на тему: «Жилище населения Томского района».

¹⁷⁾ Этнографическая экспедиция ТГУ в составе: доцента Пелих Г. И., студентов Лукиной Н. В., Бийчаниновой Э. Л., Алексеева В. Ф., Пленника Ю. Я. работала в августе 1959 г. среди селькупов Каргасокского района. В июне 1960 г. этнографическая экспедиция ТГУ в составе: доцента Пелих Г. И., студентки Лукиной Н. В. и студентки Бийчаниновой Э. Л. обследовала селькупов средней Оби и Парабели.

ного и Кожевниковского районного архива¹⁸⁾; материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.

* * *

Карагасы, живущие в районе реки Шегарки, считают себя исконными хозяевами этих мест. В XX в. так называемые шегарские карагасы ни по языку, ни по внешнему виду, ни по образу жизни почти не отличались от русского населения этих районов. Однако, по рассказам старожилов, лет 100—150 тому назад жизнь и быт их были совершенно другими. О своих предках карагасы рассказывают, что это были таежные охотники и рыболовы, которые постоянно перекочевывали с места на место в пределах современного Кожевниковского района, вся территория которого была до прихода русских покрыта лесами. Жили они зимой в землянках, а летом в балаганах. Детей носили в корзинках за спиной. Ели сырое мясо и рыбу. Охотились луком и стрелами, а также ловили зверей самодельными ловушками. Для крупного зверя, как медведь, делался в лесу капкан из толстых бревен. Лося ловили петлей, к которой прикрепляли толстое бревно насторожке. Когда лось попадал в петлю, он дергал насторожку и бревно падало на него. Добычу выносили на себе, на лыжах. Никаких иных средств передвижения зимой не было. Летом ездили на лодках.

Пушнину сначала, по рассказам стариков, сдавали «особым сборщикам», которые приезжали из Тобольска. Они привозили соль и другие товары, которые отдавали в обмен на пушнину. После постройки Томского острога карагасы стали сами на лыжах отвозить пушнину томским купцам и обменивать ее на необходимые товары.

Так описывают жизнь своих предков современные карагасы. Достоверность этих свидетельств подтверждается двумя обстоятельствами: во-первых, в сборе материалов среди карагасов принимали участие 26 студентов, которые записали рассказы от самых различных лиц. Многократное совпадение одних и тех же свидетельств говорит об устойчивости и прочности этих представлений у карагасов наших дней. Во-вторых, в жизни и быту современных карагасов сохраняются некоторые черты, появление которых может быть объяснено из условий жизни их предков.

Например, до конца XIX в. население карагасских сел было исключительно подвижным. Это отличало их от соседних татар и русских и приводило в отчаяние царскую администрацию. Карагасским охотникам ничего не стоило уйти для добычи песка вниз по Оби «к Обской губе». Уходили обычно по первому снегу и возвращались поздней весной. Жалобы на текучесть населения этих мест постоянно поступали в канцелярию Томского губернского управления. О бесконечных переездах «инородцев» с места на место говорится, например, в донесении елгайского лесничего на «инородца села Терсалгая Савелия Кожевникова», который «облюбовал себе место в тайге и без всякого спроса срубил сруб». Жалуясь на «инородца Кожевникова», лесничий пишет: «Теперь*ему пришла фантазия, и он едет за 60 километров в

¹⁸⁾ Томский областной архив (ТГОА); Томское губернское управление государственных имуществ, ф. 240, оп. 1, д. 4, оп. 6, д. 11; Томский губернский статистический комитет, ф. 234, оп. 1, д. 48, 89; Томский губернский отдел национальностей, ф. 321, оп. 1, д. 24; Томский окрисполком, ф. 686, оп. 1, д. 16; Архив Кожевниковского районного ЗАГСа, метрические книги терсалгайской церкви с 1872 по 1918 гг.

глухую тайгу и принимается за постройку нового дома, и так без конца»¹⁹⁾.

В архивных документах также встречаются указания на то, что карагасы стали заниматься земледелием и скотоводством в сравнительно недавнее время. Так, в прошении, которое было подано в Управление государственных имуществ 3 октября 1913 г., «доверенный от инородцев деревни Тарсалгаевой» пишет о своих односельчанах следующее: «Когда они занимались исключительно охотой и рыболовством, проводили время более на воде, на лодках, скотоводством и хлебопашеством не занимались и жизнь вели свободную, то проживание их на лугу, на водотопном месте, в избах-юртах было еще возможно. Но теперь, при изменении условий жизни, пришлось прибегнуть к земледелию и скотоводству, и водополье им грозит уже опасностью». Прошение оканчивается просьбой «сделать распоряжение об утверждении доверителям лесного надела»²⁰⁾.

Таким образом, можно говорить о том, что карагасы отличались в прошлом примитивностью своего образа жизни и от русского населения, и от соседних татар-чаатов.

У карагасов сохранились также некоторые следы былой своеобразной социальной организации. Согласно устной традиции, вся земля принадлежала в прошлом богатырям-хозяевам. Во время этнографической практики 1960 г. было записано несколько рассказов об этих богатырях: о войнах между ними, когда они «стрелялись луками и стрелами» или «дрались на кулачках», о том как они могли «оборачиваться живогными» и снова принимать человеческий облик, об их богатстве, о том, что в буграх, которые остались от прежних жилищ богатырей, скрыты золотые вещи (седло, стремяна и пр.). Каждый карагасский поселок имел будто бы своего богатыря, который считался хозяином этих мест.

Рассказы о богатырях противоречивы, в одних случаях о богатырях говорят как о мифических существах, в других — как о реально живших людях, называя даже их имена. Например, «Легачев» — богатырь — хозяин земли у поселка Елегечево или «Тызар» (Кызар) — основатель юрт Тызарачевых и хозяин их земли. Рассказы о богатырях напоминают образы родоначальников-старейшин родов и их предков. Есть данные говорить о том, что русская администрация в XVII—XVIII вв. встретила именно с такими старейшинами карагасских родов, которые и были ею узаконены как официальные «хозяева земли», что было записано в специальных актах. Когда в 1899 году у карагасов поселка Тызарачева была отнята часть земли под переселенческий участок, они представили в окружной суд подобный акт, выданный им от имени царского правительства «от 23 января 1729 года за № 15», в котором вся земля поселка Тызарачево объявлялась собственностью Бориса Алексеевича Казарачева. (В поданной петиции поселок Тызарачево называют юртами Казарачевыми). Окружной суд отказал в иске «обществу оседлых инородцев деревни Тызарачевой» на том основании, что «представленный юстиции акт от 23 января 1729 года за № 15, доказывая права собственности Бориса Алексеевича Казарачева на означенную в нем землю, не может служить доказательством прав на нее общества инородцев деревни Тызарачевой, т. к. последнее решительно ничем не установило перехода к нему всех прав Бориса Каза-

¹⁹⁾ ТГОА, ф. 240, оп. 5, д. 4, л. 112.

²⁰⁾ ТГОА, ф. 240, оп. 6, д. 132, л. 4.

рачева по наследству или иным каким-либо законным способом»²¹). Очевидно, в данном случае речь шла о земельном владении рода Казарачевых, закрепленном в 1729 году царской администрацией за старейшиной данного рода.

Кроме родовых у карагасов р. Шегарки существовали и более крупные объединения. По имеющимся у нас данным трудно судить о характере этих объединений, но совершенно определенно можно сказать, на основании многочисленных устных свидетельств, что карагасы шести шегарских поселков (Терсалгай, Елегечево, Кожевниково, Тызарачево, Старо-Черново, Ново-Черново) входили в одно объединение, центр которого находился в поселке Терсалгай. Сюда они собирались раз в год на ярмарку и для решения общих дел. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции карагасы шести упомянутых поселков встречали сообща все свои праздники (уже христианские). Каждый праздник справлялся в определенной деревне, куда съезжались жители из остальных пяти сел. «Троицын день» праздновали в Елегечево, «Петров день» — в Терсалгае, «Михайлов день» — в Тызарачево, «Вознесенье» — в Старо-Черново, «Рождество» — в Ново-Черново.

Но старики помнят и то, что они не всегда были христианами, что раньше у их предков была «своя вера». Правда, представления о былой вере сохранились самые смутные. Рассказывают, что раньше карагасы поклонялись «куклам», сделанным из дерева. Поэтому своих предков современные карагасы, а также их соседи татары и русские часто зовут «кукольниками»²²). Куклы хранились будто бы в определенных местах далеко в тайге, где они в «люльках» подвешивались на деревьях. До сих пор будто бы время от времени в тайге находят таких кукол. Рассказывают, например, что однажды «зыбку с куклами» нашел Петр Лугачев. «Зыбка» висела на двух деревьях в тайге, в районе поселка Елегечево. Петр Лугачев сбросил кукол на землю, но после этого заблудился и никак не мог найти дорогу домой, а все возвращался к этому же месту. Лишь собрав снова кукол и положив их на место, он вышел на дорогу.

Куклам приносили в жертву хлеб, вино и мясо. Хлеб и мясо разбрасывали перед куклой, а вино разливали вокруг. Людей, «знавшихся» с куклами, карагасы считали колдунами.

Записано также несколько рассказов о культе предков. До сих пор еще называют места, которые были центром этого культа. Одно такое место находилось на берегу старой Шегарки, где на мысу стояли три сосны, которые и считались священными деревьями. Второй центр культа деревьев находился на берегу Оби недалеко от впадения в нее реки Шегарки, по направлению к Нарыму. Там стояли 4 священные лиственницы. Их почитало будто бы все население реки Шегарки.

Таким образом, на основе вышесказанного можно предполагать, что к моменту прихода русских, бассейн реки Шегарки был населен таежными охотниками и рыболовами, которые стояли на стадии родоплеменного строя. Их религиозные верования были, вероятно, подобны распространенным среди народов Западной Сибири шаманистским представлениям.

²¹) ТГОА, ф. 240, оп. 6, д. 11, л. 37.

²²) О том, что русские переселенцы называют карагасов «кукольниками», пишет и П. Г. Иванов. См. Иванов П. Г., Томские татары, Томск, 1927, стр. 98.

В конце XIX — начале XX в. карагасы представляли собой небольшую, но обособленную группу населения. Для установления их численности можно использовать материалы переписи населения 1926 года, а также сведения от 1889 г. из фонда Томского губернского статистического комитета. (Материалы переписи 1897 г., опубликованные С. Паткановым, не могут в данном случае помочь, так как в них карагасское население не отделяется от своих тюркских соседей).

По данным переписи 1926 г., в Богородском районе²³⁾ жило 923 карагаса (498 мужчин и 425 женщин)²⁴⁾. Чтобы выделить из этого числа группу шегарских карагасов, можно использовать данные Томского губернского статистического комитета, где указывается численность «инородческого населения» в каждом поселке, причем перечисляются фамилии «инородцев», по которым можно установить, что речь идет именно о шегарских карагасах. Но в материалах Томского губернского статистического комитета учитываются только лица мужского пола. По этим сведениям в 1889 г. в поселке Терсалгай проживало 20 душ мужского пола, в Черново — 11, в Кожевниково — 32, в Елегечево — 14, в поселке Атуза — 3 и в Черемшанке — 3 чел.²⁵⁾. Судя по переписи 1926 г., число мужчин и женщин среди карагасов Богородского района было приблизительно одинаковым. Поэтому, удвоив численность мужского населения, мы можем приблизительно установить общее число карагасов р. Шегарки в 166 человек.

Но в материалах того же статистического комитета в деле «о доставлении сведений господину томскому губернатору о численности инородческого населения» за 1879 г. приводятся совершенно иные сведения о количестве населения этих мест. Согласно этим данным, на территории Мало-Шегарской волости жило 460 инородцев мужского пола. На территории Больше-Шегарской волости их насчитывалось 15 человек²⁶⁾. Удваивая число мужских душ, мы получим общее число в 950 человек «инородцев реки Шегарки».

Чем можно объяснить такое резкое сокращение численности «инородческого населения» бассейна реки Шегарки за 10 лет (с 1879 по 1889 г.)? Очевидно, частично это объясняется неточностью сведений Томского губернского статистического комитета. Но, возможно, что именно в это время произошло резкое сокращение числа аборигенного населения в бассейне реки Шегарки в связи с увеличившимся притоком переселенцев.

По материалам, собранным среди местных жителей этого района, и архивным документам²⁷⁾ видно, что в группу шегарских карагасов на протяжении многих лет входили одни и те же фамилии, а именно: Тогушаковы, Аникины, Ижирмачевы, Кожевниковы, Елегечевы, Чигулины, Тызарачевы, Тунаевы, Кожигаевы.

Обособленность этой группы населения проявляется во многих отношениях. Прежде всего, сами карагасы резко отличают себя как от русских, так и от татар, но предпочитают называть себя не карагасами, а «ясашными». Во время этнографической практики 1959 г., проходившей среди татар-чагов Томского района, были записаны устные свидетельства о том, что татары также не считают карагасов родствен-

²³⁾ Селом Богородским называлось в прошлом современное село Шегарка.

²⁴⁾ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VI, отд. 1. М., 1928, стр. 248.

²⁵⁾ ТГОА, ф. 234, оп. 1, д. 89, л. 133—144.

²⁶⁾ ТГОА, ф. 234, оп. 1, д. 48, л. 10—11.

²⁷⁾ ТГОА, Томский губернский статистический комитет. Статистические сведения об инородцах, ф. 234, оп. 1, д. 89, л. 139.

ным себе народом. Русские этих мест также выделяют их в особую группу, называя карагасами, кукольниками или чудью.

Проживая среди русского населения, карагасы широко воспринимали влияние русской культуры, однако, продолжали держаться, насколько это было можно в изменившихся условиях, изолированной группой. В рассказах старожилов подчеркивается, что карагасы относились недружелюбно и даже враждебно ко всем остальным жителям этих мест.

Летом 1960 г. неоднократно от разных лиц были записаны рассказы о том, что «раньше карагасы старались жениться только на своих». Чтобы проверить эти сведения, мы обратились к метрическим книгам бывшей Терсалгайской церкви, которые были обнаружены нами в Кожевниковском районном ЗАГСе²⁸). К сожалению, сохранились лишь записи браков довольно позднего периода с 1872 по 1918 гг. Но выяснилось, что даже в конце XIX в. все лица, принадлежащие к вышеупомянутым фамилиям (Аникиных, Елегечевых, Ижирмачевых и др.), действительно предпочитали вступать в брак большею частью лишь друг с другом. Судя по материалам тех же метрических книг, этот обычай начал быстро исчезать именно с начала XX в.

В метрических книгах за период с 1872 по 1900 гг. содержится 243 записи браков лиц из вышеупомянутых карагасских фамилий, из них 155 браков было заключено между карагасами и 88 браков карагасов с русскими или татарами, т. е. даже в самом конце XIX в. браки, заключенные внутри своей группы, составляли 69% всех зарегистрированных браков. В период с 1900 по 1918 гг. было зарегистрировано 274 карагасских брака. Из них 153 было заключено карагасами внутри своей группы и 121 брак — с русскими, татарами и пр. Учитывая устные свидетельства, можно предполагать, что карагасы в прошлом действительно представляли собой замкнутую эндогамную группу.

Итак, на основе всего вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы.

В бассейне реки Шегарки живет небольшая группа людей, называемых здесь карагасами, которые считают себя исконным населением этих мест. В настоящее время карагасы реки Шегарки обрусели, но в их жизни и быте продолжают сохраняться черты, отличающие их от соседнего русского и татарского населения края. Судя по устным свидетельствам и некоторым особенностям их культуры, можно говорить о большой примитивности жизни и быта этого народа в прошлом. Несмотря на сильное влияние татарской и особенно русской культуры, эта маленькая группа сохранила память о своем былом этническом единстве, о существовании в прошлом своей самобытной культуры и, широко воспринимая русское влияние, продолжала держаться особняком, сохранив частично эту обособленность до XX в.

* * *

Вопрос об этнической принадлежности томских карагасов до сих пор еще не был предметом специального исследования. По установившейся точке зрения их обычно причисляют к группе томских татар²⁹). Однако сами так называемые карагасы категорически отрицают свою принадлежность к татарам. Карагасами они себя также, большей час-

²⁸) Кожевниковский районный ЗАГС, метрические книги терсалгайской церкви за 1872—1918 гг.

²⁹) Иванов П. Г., Томские татары, Томск, 1927, стр. 97.

тью, не считают, говоря, что так их прозвали русские. Подавляющее большинство опрошенных нами местных жителей реки Шегарки говорит, что предками их были остяки и что правильнее всего их называть «ясашными». Характерно, что нарымские остяко-самоеды (селькупы) тоже считают томских карагасов остяками, только обрусевшими. В настоящее время у селькупского поселка Ласкино, на противоположном берегу реки Оби (где находится Ласкинская пристань), живет семья Кулманаковых, приехавших сюда из Шегарского района. Остяко-самоедского языка Кулманаковы не знают, но это не мешает селькупам поселка Ласкино называть их «верховскими остяками».

З. Я. Бояршинова, говоря об этническом составе населения Томского уезда в XVII веке, относит жителей Шегарской волости к татарам на том основании, что Шегарская и две Провские (Большая и Малая) волости «в русских документах чаще всего называются татарскими»³⁰). Но надо учесть, что вышеназванные волости лишь «чаще всего» называются татарскими. Кроме того, З. Я. Бояршинова пишет дальше: «Любопытно отметить одну деталь: в Шегарской ясачной волости, называемой в большинстве русских исторических документов «татарской», жили и остяки»³¹).

Татары до прихода русских были в этих районах господствующей народностью, но не исконной. По гипотезе известного русского тюрколога В. В. Радлова татары появились на реке Томи лишь после разгрома Кучума. «Когда русские разбили Кучума на реке Тоболе,— пишет В. В. Радлов,— большое число поданных его... обратились не к югу, а к востоку, и, двигаясь на север от города Кузнецка, перешли реку Томь и поселились частью по Чулыму, частью по Енисею»³²). Эта точка зрения принята В. В. Храмовым, который утверждает, что «в связи с падением ханства Кучума (1582 г.) при столкновении с русскими отрядами под предводительством Ермака ряд тюрко-язычных кочевых племен продвигается далеко на Восток. Часть этих племен оказывается на территории современного Томска»³³).

Таким образом, татары, в основной своей массе, появились в районе Томска незадолго до прихода русских. Русские сборщики ясака, встречаясь в этом районе с татарами как с господствующей народностью, могли иногда записать в качестве татарской и Шегарскую волость, хотя основным населением там были остяки.

Б. О. Долгих, исследуя племенной и родовой состав народов Сибири в XVII в., также пишет о жителях реки Шегарки, что «в начале XVII века это, по-видимому, тоже были остяки»³⁴).

Но при этом встает другой вопрос: как долго население этих мест оставалось остяцким? Б. О. Долгих считает, что «к концу XVII века, когда Шегарская волость разделилась на Большую и Малую, остяки, образовавшие Малую Шегарскую волость, вероятно, уже отатарились»³⁵).

³⁰) Бояршинова З. Я., Население Томского уезда в XVII веке, «Труды Томского государственного университета», т. 112, Томск, 1950, стр. 34.

³¹) Там же.

³²) Радлов В. В., Образцы народной литературы тюркских племен, ч. 2, СПб., 1868, стр. XII. Цит. по работе Дульзона А. П., Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, Томск, 1952, стр. 108.

³³) Сборник «Народы Сибири» из серии «Народы мира», М.—Л., 1956, стр. 475.

³⁴) Долгих Б. О., Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 98.

³⁵) Там же.

Процессы татаризации остяцкого населения реки Шегарки, несомненно, имели место, но интенсивность ее сильно преувеличена. О слабой степени татаризации остяцкого населения в бассейне Шегарки говорит тот факт, что в результате слияния их с русскими, которое началось с XVII в., слабый налет татаризации исчез из памяти и из жизни шегарцев, но самосознание о прошлой принадлежности к остяцкому народу и черты былой самобытной культуры прочно сохранились в их быту.

Обратимся к фактам. Как уже отмечалось выше, даже в XIX—XX вв. население реки Шегарки продолжало именовать себя остяками (самоедами). Этот факт отражен в архивных документах. Когда в 1879 г. по требованию томского губернатора были собраны сведения о численности «инородческого населения» по Томской губернии, то население Большой и Малой Шегарских волостей, также как Парабельских волостей и других, населенных остяко-самоедами, было отнесено к «самоедской народности кочевых инородцев». В отличие от них жители Васюгана (ханты) назывались фино-остяцкой народностью и т. д.³⁶⁾

Кроме того, несомненный интерес представляет следующий факт: П. Г. Иванов, обследовавший район шегарских карагасов в 20-х годах, не нашел у них «ни одного слова турецкого происхождения»³⁷⁾. А. П. Дульзон отмечает то же самое³⁸⁾.

Действительно, аборигенное население реки Шегарки не знает в настоящее время татарского языка. Но они хорошо помнят, что еще недавно у них был «свой язык». По рассказам современных шегарцев еще их деды знали этот язык, «с русскими они говорили по-русски, а между собой по-своему». Называют несколько стариков, скончавшихся в последние годы, которые будто бы помнили свой остяцкий язык.

К сожалению, во время этнографической практики лингвистический материал специально не записывался. Но все же в материалах, собранных практикантами, встречаются иногда слова и выражения, которые местное население считает остатками своего забытого «остяцкого» языка. Большинство из этих терминов действительно обнаруживает некоторое сходство с аналогичными понятиями в самоедских языках. Приведем несколько примеров. Шегарские карагасы для изготовления деревянной посуды пользовались небольшим инструментом, который назывался «тюкавкой». Тюкавка также применялась для заготовки мягкой стружки—«трухи». Такая труха насыпалась в люльку маленького ребенка, ею же вытирали, вместо полотенца, руки. Обычай заготавливать «труху» для подобных целей был широко распространен у нарымских селькупов. На селькупском языке такая «труха» называлась, по свидетельству Г. Н. Прокофьева, «тюка»³⁹⁾, т. е. термином, сходным с названием карагасской тюкавки, употребляемой для ее изготовления.

Или, скажем, карагасский термин «чоргача», который нам переводили словами: «ругань», «брань», «иди к черту». А один из карагасов рассказал, что его покойная бабушка, сердясь на ребят, всегда крича-

³⁶⁾ ТГОА, Дело о представлении господину Томскому Губернатору статистических сведений о численности инородческого населения, ф. 234, оп. 1, д. 48, лл. 10—14.

³⁷⁾ Иванов П. Г., Томские татары, Томск, 1927, стр. 94.

³⁸⁾ Дульзон А. П., Диалекты татар-аборигенов Томи, «Ученые записки ТГПИ», т. XI, Томск, 1956, стр. 307.

³⁹⁾ Прокофьев Г. Н., Селькупская грамматика. Л., 1935, стр. 129.

ла: «чоргача», что означало: «ух, я тебя!». Как видно из словаря моторского языка, составленного Гр. Спасским в 1806 г., сходный термин (чоргам) употреблялся самоедоязычными моторами в том же значении «бранить», «возмущаться». Например, «тохтарчоргам» — я бранюсь, или «тчалчергам» — бунтую⁴⁰).

Лингвистам следовало бы обратить внимание на то, что при некоторых усилиях в южных районах Томской области еще в наши дни можно собрать остатки исчезающего языка. Через каких-нибудь 10—15 лет это вообще невозможно будет сделать.

Материальная культура карагасов в настоящее время мало отличается от материальной культуры соседнего русского населения. Но, наряду с этим, в ней встречаются некоторые элементы, обнаруживающие поразительное сходство в деталях с соответствующими предметами нарымских селькупов. Так, например, несмотря на то, что во всех карагасских домах давно уже стали ставиться русские глинобитные печи, карагасы продолжали приделывать к этим печам «чувалы», в которых жгли лучины для освещения. До появления печей такими чувалами отапливались и карагасские и селькупские жилища.

Интересна в этом отношении и старинная карагасская юрта-полуземлянка. По рассказам старожилов, при постройке такого жилища сначала выкапывалась прямоугольная яма. В углы ямы вбивали четыре столба, в которые закреплялись нетолстые бревна, причем 3—4 бревна возвышались над землей. Жилище покрывалось пологим двухскатным перекрытием, матка которого поддерживалась двумя стойками. Перекрытие и выступающая над землей часть сруба обкладывались дерном. Внутри жилища сооружался чувал из жердей, поставленных полукругом и обмазанных глиной. Концы суживающихся сверху жердей выходили наружу, в специальное отверстие в перекрытии. На ночь, протопив чувал, это отверстие затыкали. Делалось также маленькое окошечко, его затягивали пленкой из лосинового пузыря. Позже, с развитием скотоводства, для этой цели стали применять брюшину овцы, которую сначала «обминали золой», мыли, а затем натягивали на окошко, где она и высыхала.

Примерно так же делали свои жилища «карамо» и нарымские селькупы. Как видно из описаний М. Шатилова⁴¹) и З. П. Соколовой⁴²), подобное жилище было широко распространено в прошлом на территории Нарымского края. Этот тип жилища сохранился в настоящее время в виде хозяйственных построек и у селькупов и у карагасов.

Кроме того, студенту-заочнику В. С. Григорьеву, который работал учителем в начальной школе карагасского поселка Тызарачево, удалось записать рассказ о еще более древнем типе карагасского жилища. По словам стариков, передававших то, что им рассказывали еще их деды, карагасы жили раньше в «балаганах». Балаган состоял из ямы, в верхние концы которой вкапывались жерди; концы жердей сходились вместе, сверху балаган обкладывали дерном, лишь оставлялось небольшое отверстие для выхода дыма. Под ним разводили костер. Все жерди и бревна, употребляемые при постройке такого жилища, должны были

⁴⁰) Потапов Л. П., Происхождение и формирование хакасской народности. Приложение 2-е, Абакан, 1957, стр. 292.

⁴¹) Шатилов М., Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского края, Томск, 1927, стр. 5—6.

⁴²) Соколова З. П., К вопросу о развитии обско-угорской землянки, «Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея», вып. 1, 1959, стр. 24.

стоять вниз комлем (для счастья)⁴³). Приведенный рассказ о «балагане» с шатровым перекрытием интересен как подтверждение того, что «путь развития подземного жилища селькупов» действительно шел «от шатровой землянки к почти наземному шатровому шалашу, замененных позднее, с распространением сруба, бревенчатыми и срубными конструкциями»⁴⁴).

В быту карагасов и селькупов до сих пор сохраняются такие вещи, как, например, большие деревянные ступы на трех ножках, сходящиеся к одному основанию. (Высота ступы 60—70 см, ширина в верхней части 30—33 см, длина деревянного песта 50—60 см). Эти ступы применялись для толчения сушеных рыбы и мяса. Способ изготовления ступ совершенно одинаков у обоих народов: в березовую чурку насыпали горящие угли, выгоревшую древесину выдалбливали и снова насыпали углей и т. д.

У карагасов и селькупов обнаруживаются также совершенно одинаковые ручные мельницы, берестяные лукошки и прочие предметы утвари. Совершенно одинаково изготовлялись старинные деревянные кровати и детские зыбки, которые подвешивались на больших деревянных луках.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в деревянной резьбе домов карагасских поселков наряду с русскими узорами встречаются типичные элементы селькупского орнамента.

Не менее интересный материал в этом отношении дает карагасский и селькупский фольклор. Правда, по богатству бытующего в настоящее время у селькупов фольклора карагасов нельзя ни в коем случае с ними сравнивать. У карагасов сохранились лишь обрывки преданий, которые хорошо помнят селькупы, но тождество их не оставляет никакого сомнения. Примером такого рода является записанный у карагасов обрывок широко распространенного у селькупов предания о двух братьях-богатырях, живших на противоположных берегах реки и перекидывающихся топором, так как он у них был один.

Сохранился у карагасов обрывок предания о «золотом седле», которое было нами подробно записано со слов кетских селькупов. Это седло погибшего (а по другой версии окаменевшего) остяцкого богатыря. Хранится оно внутри горы у хозяйки земли. В предании рассказывается об юноше, случайно попавшем в это подземелье и пытавшемся унести золотое седло, что ему не удалось сделать. С тех пор никто не может найти вход в то подземелье, хотя многие искали его, так как золотое седло считается наделенным магической силой; обладатель его станет непобедимым, могущественным богатырем и возродит былую силу остяцкого народа.

Записаны также сходные предания о лебеде, бывшем когда-то человеком и т. п.

Сопоставляя все вышеуказанное, мы можем сделать вывод о том, что в материальной культуре, языке, фольклоре и обычаях шегарских карагасов действительно сохранились некоторые черты, сближающие их с селькупам. Таким образом, свидетельства современных карагасов о том, что их предки были остяками, имеют, несомненно, реальное обоснование.

⁴³) Записано со слов Кабакаева Никиты Федоровича из поселка Тызачево.

⁴⁴) Соколова З. П., К вопросу о развитии обско-угорской землянки. «Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея». вып. 1, 1959, стр. 25.

Очевидно, соответствуют истине и предания карагасов о том, что они были покорены Кучумом, а потом перешли на сторону русских и подарили царице Екатерине I дорогую шубу, за это их освободили от уплаты ясака. Рассказы о последнем событии особенно часто встречаются среди материалов этнографической практики. Возможно, косвенным свидетельством того, что так называемые карагасы реки Шегарки действительно заняли при Екатерине I привилегированное положение, является цитированный уже нами архивный документ о том, что глава юрт Тызарачевых получил в 1729 г. по акту № 15 в свое владение большие пространства окрестных земель⁴⁵). Вполне вероятно, что «акт № 15» не был единственным документом такого рода.

Возможно, шегарцы являются остатками той части остяцкого населения, которая в начале XVII в. добровольно перешла на сторону русских властей и оказалась на положении, аналогичном группам служилых юртовых татар.

Во всяком случае, так называемые карагасы реки Шегарки в действительности представляют собой группу обрусевших остяко-самоедов (селькупов).

Конечно, определение этнической принадлежности шегарцев еще не решает проблему всех томских карагасов в целом. Среди них могут встретиться группы совершенно иного этнического происхождения. Не ясны также причины самого термина «карагасы». Но решить эти вопросы можно будет лишь после обследования всех групп карагасского населения Томской области.

⁴⁵) См. стр. 165.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Н. В. Блинов. О содержании теоретической деятельности В. И. Ленина в 1894—1898 гг.	3
А. А. Говорков. К истории установления советской власти в Курске	18
С. С. Григорцевич. Японская и американская экспансия в Китае в 1916—1917 гг.	31
Е. В. Елисеєва. Продолжение восстания в Герцеговине летом 1875 г. и его руководители	50
Б. С. Жигалов. Южно-Маньчжурская железная дорога и проникновение японского империализма в Северо-Восточный Китай в 1906—1914 гг.	63
Н. С. Индукаева. Из истории деятельности межсоюзного железнодорожного комитета на КВЖД (1919—1922 гг.)	76
В. И. Матющенко. Датировка археологических памятников эпохи бронзы в низовьях р. Томи	87
В. И. Матющенко. Яйский неолитический могильник	97
Р. М. Мечникова. Некоторые итоги перестройки преподавания истории в томских школах	104
Б. Г. Могильницкий. Проблемы истории религии в трудах А. Н. Савина	119
Г. И. Пелих. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов (2-я половина XIX в.)	137
Ш. Б. Чимит-Доржиев. Из истории взаимоотношений России с Джунгарией при Галдан-хане	149
Н. В. Лукина, Г. И. Пелих. К вопросу о „карагасах“ Томской области	162

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
15	11 сверху	идеи, которая и до сих пор продолжает кое-где	идеи,—которая и до сих пор продолжает еще кое-где
31	18 снизу	В. Akadi	Н. Akagi
34	5 снизу	Цинь Бэн-ли	Цинь Бэнь-ли
37	4 снизу	} Китай и Япония	„Китай и Япония“
38	2 снизу и др.		74) Харбинский вестник
39	11 снизу	Харбинский вестник	„Харбинский вестник“
39	10 снизу и др.	Peking Daily News	„Peking Daily News“
42	9 и 11 снизу	Сыпина Сыпингая	Сыпина (Сыпингая)
47	11 сверху	Чанчунь-Мукденской	Чанчунь-Гиринской
72	2 снизу	ярой противницей	ярыми противниками
84	12 сверху	Хильчицкого	Хельчицкого
126	1 снизу	ими	им
130	18 снизу	содержания	созерцания
132	8 сверху		

Редактор издательства Л. Г. Мордовина.
Корректоры О. Л. Болдырева и Т. И. Корсакова.

КЗ00046.	Сдано в набор 21/VIII-1962 г.	Подписано к печати 5.IV-1963 г.
Бумага 70 x 108 ¹ / ₁₆ .	Объем 10,9 п. л.;	5,45 бум. л.; 14,9 уч.-изд. л.
Тираж 500. Заказ 53.	Цена 1 р. 04 к., цена в переплете 1 р. 19 к.	

Издательство Томского университета, пр. Ленина, 34.
Областная типография полиграфиздата—Киров, Динамовский проезд, 4.

790083

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00314675